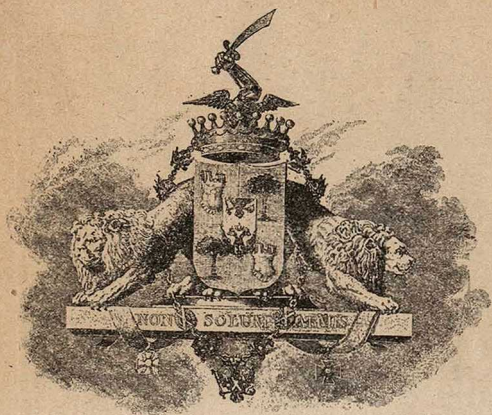

Библиотеки
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго
и Румянцовскаго Музея

№

~~L 1~~
33

L 2
80

BAR. A. E. ФЕЛЬКЕРЗАМЪ.

СТАРИННЫЕ КОВРЫ

СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Издание ежемѣсячника «Старые Годы».

1915

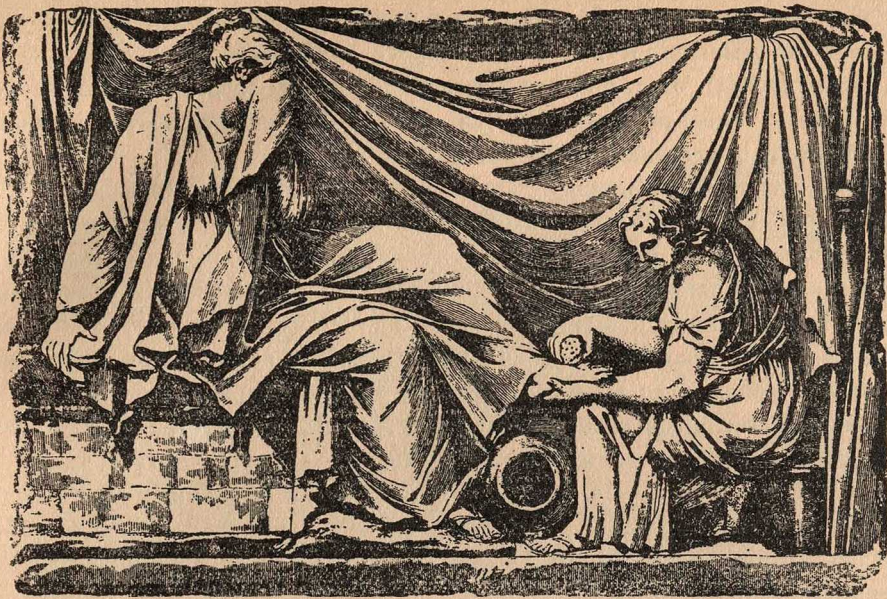
Пгг. Рыночная, 10.

2020072798

ОТЪ АВТОРА.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателя на то, что этнографическая часть этого труда не является исчерпывающею, законченною, ни даже — быть можетъ — безошибочною. Она представлялась автору нужною лишь поскольку могла, въ извѣстной степени, освѣтить читателю фонъ, на которомъ выдѣляются вопросы искусства. Рамки «Старыхъ Годовъ», для которыхъ статья была написана, не позволяли особенно углубляться въ область этнографіи, но любители и собиратели ковровъ нерѣдко настолько чужды этой наукѣ, что было необходимо ея коснуться, дабы пояснить связь между коврами и народами, ихъ изготовившими.

СПАРИННЫЕ КОВРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Baron A. Foelkersam: Les tapis anciens de l'Asie Centrale).

Artis monumentum qui unum vidit
nullum vidit, qui mille vidit unum vidit.

Лишь за послѣдніе 20 лѣтъ историки искусства распространили свои изысканія на область, остававшуюся дотолѣ, несмотря на богатство свое, совершенно необслѣдованною. Этой, бывшей такъ долго въ забросѣ, областью являются восточные ковры. Причины такого отношенія къ произведеніямъ восточнаго коврово-ткацкаго искусства нельзя искать ни въ отсутствіи интереса къ нимъ, ни въ трудности обработки и кажущейся малосодержательности самого предмета; онѣ кроются, повидимому, въ томъ, что, ввиду полной неизслѣдованности этой области, никто не находилъ въ себѣ достаточно смѣлости и рѣшительности, чтобы броситься въ это море всевозможныхъ вопросовъ и приступить къ работѣ, которая въ совокупности своей могла казаться непосильной.

Совершенная ненадежность тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя имѣлись на лицо, и полное отсутствіе какихъ либо пособій по изученію вопроса долго не позволяли музеямъ, собирателямъ и любителямъ приняться за восточные ковры. Кое гдѣ въ собраніяхъ можно было встрѣтить отдѣльные, выдающіеся по красотѣ и цѣнности, ковры, напримѣръ, роскошный коверъ блестящей эпохи Сеффидовъ, или превосходный малоазіатскій молитвенный коверъ, или, наконецъ, затканный шелками коверъ какого нибудь кочевого племени, — но въ сущности никто толкомъ не зналъ, что дѣлать съ ними. Свѣдѣнія о времени и мѣстѣ изготовленія бывали обыкновенно гадательны и неопредѣленны, для изученія техники не было достаточныхъ сравнительныхъ матеріаловъ, наконецъ, орнаментъ являлся объектомъ всевозможныхъ безсистемныхъ предположеній. Даже въ настоящее время мы только начинаемъ проникать въ эту

область, и пройдетъ, вѣроятно, еще немало времени, пока исторія ковровой промышленности Востока станетъ намъ такъ же знакома, какъ исторія другихъ отраслей художественной промышленности. Для этого въ первую очередь нужна долгая совмѣстная работа востоковѣдовъ, историковъ и историковъ искусства.

Богатѣйшая выставка восточныхъ ковровъ, состоявшаяся въ 1890 году въ Вѣнѣ, дала поводъ начать изученіе этой отрасли искусства, результатомъ чего появилось нѣсколько трудовъ, проложившихъ, можно сказать, первыя тропы въ дебряхъ этой невѣдомой области. Піонерами здѣсь явились такія испытанныя силы, какъ Боде, Лессингъ, А. Ригль, Робинсонъ, Черчилль и Карабачекъ. Шруды ихъ, естественно, не исчерпываютъ вопроса во всей его полнотѣ, но, благодаря этимъ работамъ, вопросы, касающіеся ковровъ Персіи и Малой Азіи — странъ съ наиболѣе развитымъ ковровымъ производствомъ, — могутъ считаться выясненными настолько, что здѣсь мы до извѣстной степени имѣемъ возможность оріентироваться. Но Кавказъ, Закаспійскій край, Афганистанъ, Индія, Китай и весь сѣверъ Африки до настоящаго времени почти вовсе неизслѣдованы.

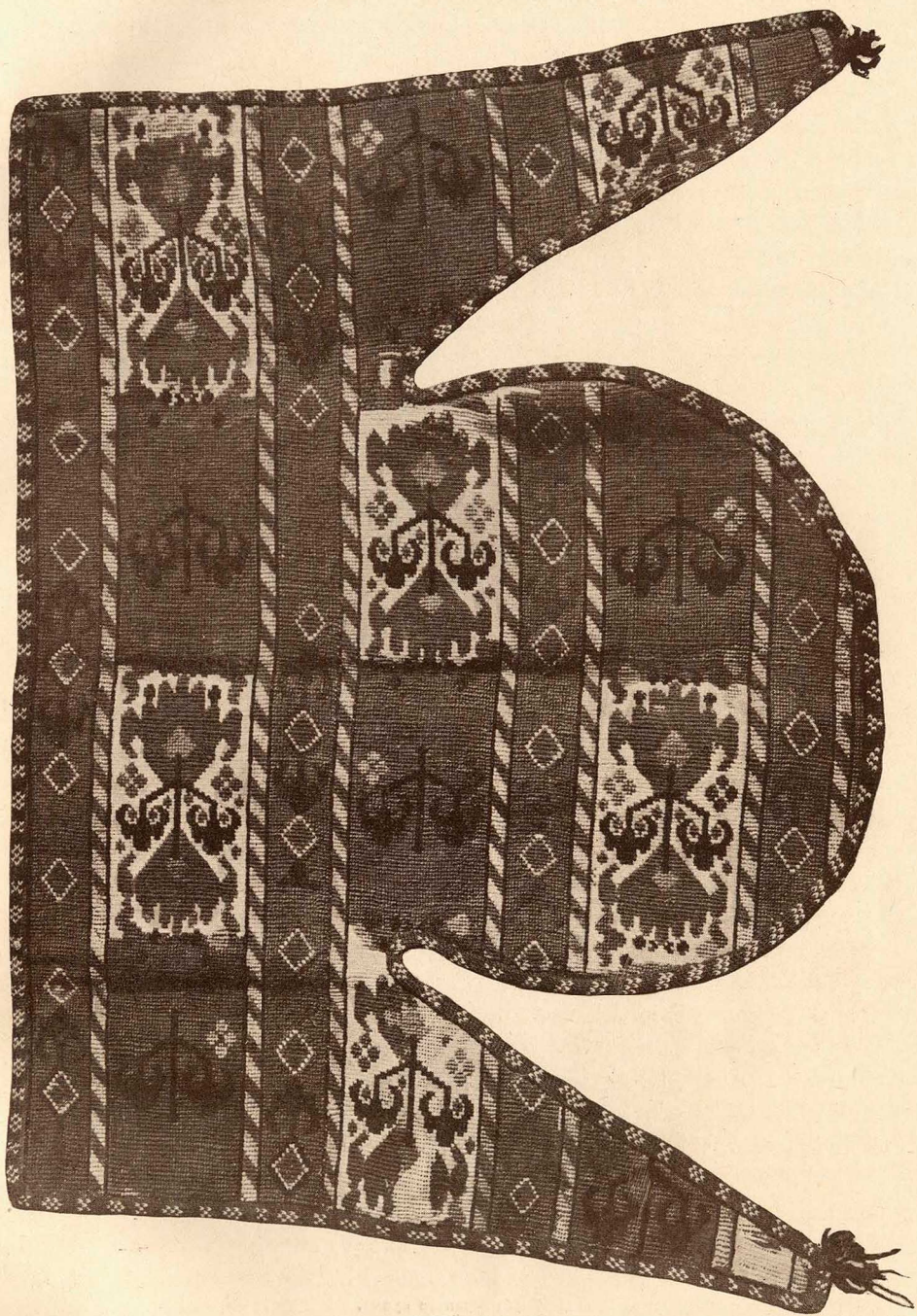
Мы здѣсь считаемъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить С. М. Дудина и Н. Ф. Бурдукова, съ крайней любезностью взявшихъ на себя трудъ, при частыхъ своихъ поѣздкахъ въ Среднюю Азію, собрать отвѣты на нѣкоторые, заданные нами, вопросы по ковровому дѣлу и представившимъ намъ возможность использовать ихъ познанія.

Предлагаемымъ краткимъ очеркомъ мы желали бы обратить вниманіе читателей на эту область, заинтересовать ихъ этой отраслью художественной промышленности, болѣе старыя произведенія которой съ каждымъ днемъ дѣлаются все болѣе рѣдкими, и дать краткое руководство, которое нѣсколько помогло бы имъ разбираться въ ковровыхъ издѣліяхъ Средней Азіи, въ частности русскихъ Среднеазиатскихъ владѣній. Пѣмъ же, у кого имѣются старые ковры изъ Закаспійскаго края, мы совѣтуемъ тщательно беречь ихъ отъ моли, не разрѣзывать ихъ на обивку мебели (послѣднее, къ сожалѣнію, слишкомъ часто продѣлывается, особенно съ небольшими ковриками кочевыхъ народовъ) и не продавать, чтобы замѣнять ихъ имитаціями европейскаго происхожденія. Недалеко уже время, когда всякій старый настоящій восточный коверъ будетъ цѣниться относительно такъ же дорого, какъ теперь цѣнится старый настоящій фарфоръ, несмотря на то, что современные заводы тысячами выпускаютъ болѣе законченныя въ техническомъ отношеніи издѣлія.

До сихъ поръ за границей не имѣется почти ни одной работы о среднеазиатскихъ коврахъ, а у насъ въ Россіи о нихъ написано очень немного. Русская публика всего дважды имѣла случай ознакомиться съ систематизированными собраніями среднеазиатскихъ ковровъ, именно на Кустарной выставкѣ * въ Павлическомъ дворцѣ въ 1902 г. и на Исторической выставкѣ ** въ музеѣ бар. Штиглица въ 1904 г. Громадную цѣнность представляетъ собраніе ковровъ въ Этнографическомъ отдѣлѣ

* Собраніе А. А. Боголюбова.

** Собранія бар. А. Е. Фелькерзама и Н. Ф. Бурдукова.

Сартское шитье для сѣдла съ ковровымъ узоромъ. Самаркандъ.
(Русскій Музей Александра III).
Broderie sarte pour selle imitant un dessin de tapis. Samarkand.
(Musée Russe Alexandre III).

Торба — шитая сумка.
Torba — sac de bât.

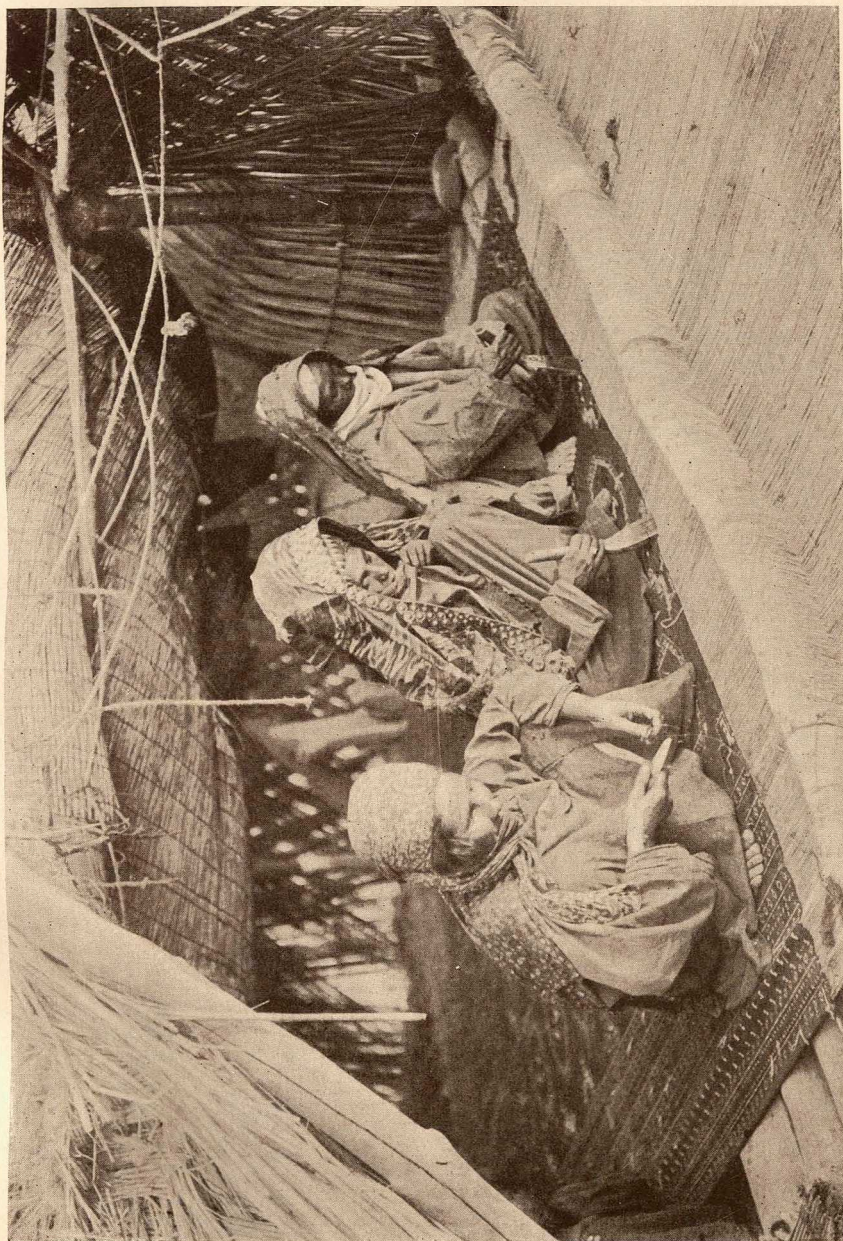
Музея Александра III, но пока оно еще недоступно публикѣ. Оно представляетъ собою богатѣйшее въ мірѣ собраніе этого рода и впослѣдствіи явится неисчерпаемой сокровищницей для изслѣдователей. Въ настоящее время лишь небольшая часть этихъ сокровищъ, — именно собраніе генерала Боголюбова, принесенное имъ въ даръ музею, — издана въ краскахъ. Однако, это въ высшей степени роскошное и цѣнное изданіе, доступно лишь немногимъ; оно снабжено прекрасной картой, показывающей наглядно распространеніе ковроваго производства въ Средней Азіи.

Ковровое производство Востока представляетъ собою одну изъ древнѣйшихъ формъ художественнаго творчества, и притомъ одно изъ самыхъ раннихъ, чуть ли не доисторическихъ, занятій исключительно женщинъ. «Смѣна цивилизацій, эпохи грозныхъ нашествій, великія міровыя событія — все это отражалось въ той или другой мѣрѣ на различныхъ отрасляхъ труда и творчества человѣчества. Однѣ изъ этихъ отраслей исчезли совершенно, уступая мѣсто новымъ формамъ, другія видоизмѣнились настолько, что либо обезличивались, либо сохраняли самую слабую, едва замѣтную связь съ прежнимъ. Но ковровое производство среди всего этого представляетъ драгоцѣнное исключеніе въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ этомъ производствѣ, со временъ его зачатка почти безъ измѣненій дожившемъ, въ отношеніи техники, до нашихъ дней, какъ въ священномъ сосудѣ скопились драгоцѣнныя капли художественнаго творчества народовъ всѣхъ эпохъ и цивилизацій, смѣнявшихся на широкой аренѣ Востока. Изъ приходившихъ другъ другу на смѣну народовъ, каждый приносилъ свою дань въ художественность ковроваго производства. Побѣдитель не гасилъ духа побѣжденнаго. Пѣснь и художественность въ ковровомъ производствѣ — тѣ формы, въ которыя укладывались со временъ сѣдой старины отраженія эстетики народа и ихъ внутренній міръ. Если пѣснь погасла вскорѣ за угасшими народами, создавшими ее, и скрылась отъ насъ въ туманѣ далекаго прошлаго, то зато въ орнаментахъ ковровъ, въ сочетаніяхъ красокъ, перешагнувшихъ къ намъ изъ за порога вѣковъ и тысячелѣтій, раздается различными отголосками эхо художественнаго творчества былого, твердо устоявшаго противъ натиска всеуничтожающаго неумолимаго времени». * Шакимъ безсознательнымъ ощущеніемъ, надо полагать, въ извѣстной мѣрѣ объясняется притягательная сила, которую имѣютъ старинные восточные ковры не только для любителя и собирателя, но и для научнаго изслѣдователя. Кто хоть разъ подпалъ подъ эти чары, тотъ уже не уйдетъ отъ нихъ, какъ бы ни старался; и это несмотря на трудности полного освѣщенія сущности и историческаго развитія стариннаго восточнаго ковра, а можетъ быть именно вслѣдствіе ихъ. Вполнѣ справедливо говоритъ А. Ригль: ** «пусть укажутъ другую область художественной промышленности, для правильнаго пониманія которой требовалось бы такое множество разнообразныхъ познаній». И въ самомъ дѣлѣ, для рѣшенія всѣхъ встрѣчающихся здѣсь вопросовъ нужны естественники, техники, историки искусства, историки, географы и художники.

* Н. Бурдуковъ, каталогъ его собранія на выставкѣ 1904 г.

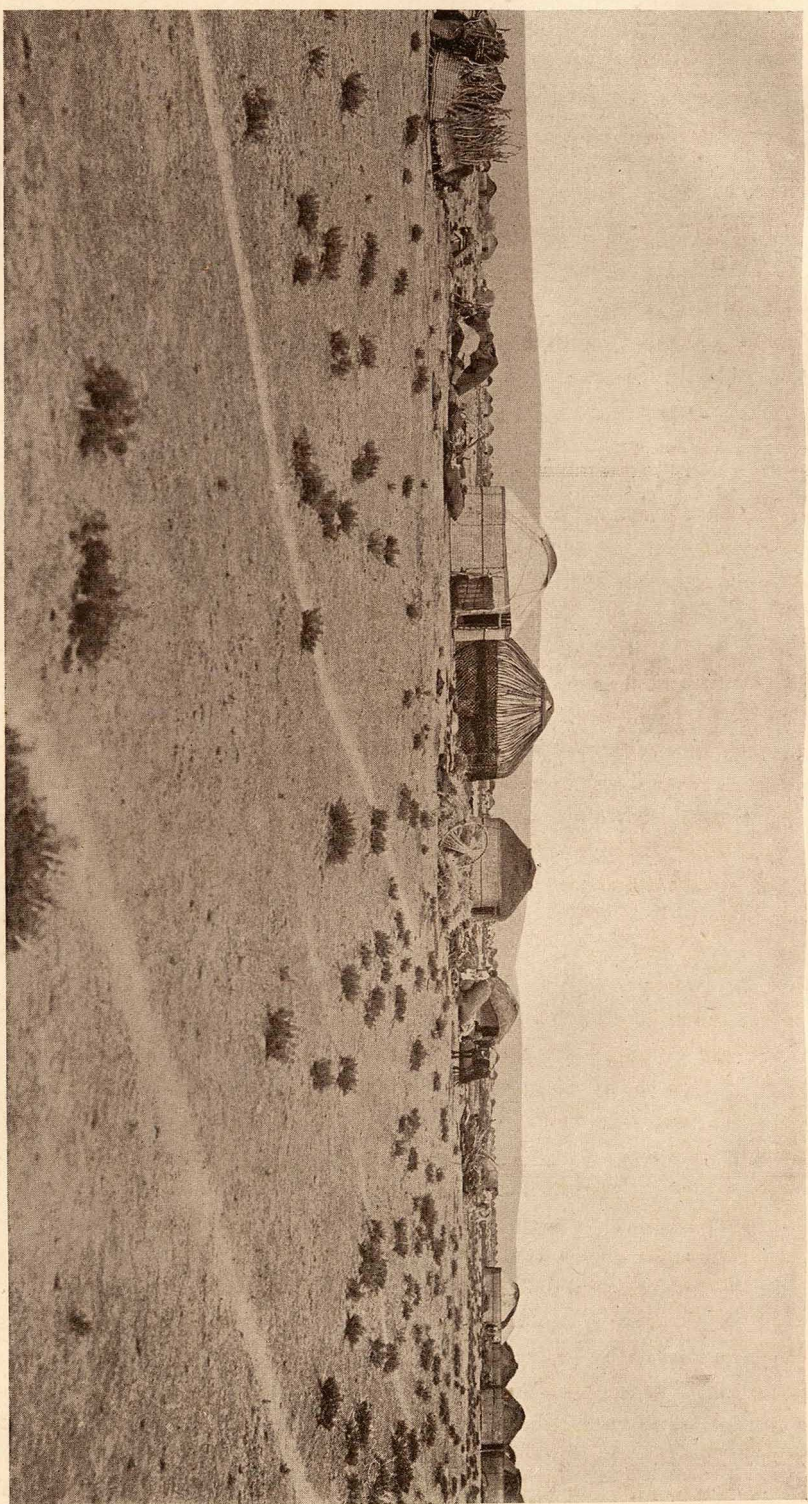
** А. Riegl: «Ein orientalischer Teppich vom Jahre 1202».

Поразительное разнообразіе и красота старыхъ восточныхъ ковровъ находятъ свое объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ, что почти всѣ они являются произведеніями домашняго труда и предназначались исключительно для собственнаго домашняго обихода; притомъ изготовляли ихъ не спѣша, безъ мысли о скорѣйшей наживѣ, не стѣсняясь требованіями заказчика. Такая свобода въ работѣ, границы которой опредѣлялись лишь предѣлами знанія и умѣнія исполнителей, давала тотъ просторъ творчества, какой мы встрѣчаемъ лишь на Востокѣ почти до нынѣшняго времени. Бездорожье и трудность сообщеній, племенная обособленность и различіе языковъ являлись причинами локализациі вкусовъ, традицій и художественныхъ направленій; упорная приверженность къ стародавнимъ обычаямъ и привычкамъ, консервативное направленіе духовнаго міра въ связи съ суевѣрными предрасудками, климатическія условія, религіозныя воззрѣнія, склонность къ символизму и мистикѣ — вотъ тѣ факторы, благодаря которымъ число варіацій возрастаетъ до безконечности. Вліяніе ихъ, замѣтное во всѣхъ отрасляхъ творчества Востока, особенно ярко сказывается въ ковровомъ производствѣ. Неотразимое очарованіе гармоническаго сочетанія красокъ, причудливаго орнамента и, наконецъ, самого матеріала, одинаково ласкающаго глазъ и осязаніе, дѣйствуетъ успокаивающимъ и умиротворяющимъ образомъ на душу, — по крайней мѣрѣ на душу того, кто вообще доступенъ подобнымъ чувствамъ и нуждается въ нихъ. Именно эта невещественность, кажущаяся случайность въ сочетаніи линій и красокъ, эти аккорды и гармоніи красокъ и формъ, являются, да позволено будетъ такъ выразиться, музыкой для глазъ и не встрѣчаются ни въ какомъ иномъ проявленіи творчества столь свободными отъ всякой преднамѣренности, направляющей наши мысли и чувства; а въдь и живопись, даже въ прекраснѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, и поэзія неизмѣнно направляютъ опредѣленнымъ образомъ мысли и чувства наши уже самыми своими сюжетами. Но не всякому дано понимать эту зрительную музыку; только подготовленному, только посвященному открывается вся тайная прелесть ея, и лишь онъ увлечиваетъ въ ней незатуманенное человѣческими страстями и слабостями чарующее отраженіе иного міра, радостнаго и спокойнаго какъ музыка, какъ пѣснь безъ словъ; гармоническія сочетанія красокъ и линій даютъ настроеніе, оплодотворяютъ фантазію и вызываютъ въ душѣ рой неясныхъ думъ. Недаромъ англичане, — у которыхъ на ряду съ выдающимся практическимъ смысломъ и трезвымъ умомъ много эстетическаго чутія, въ фантазіи и поэтическомъ творествѣ которыхъ за наружнымъ спокойствіемъ и даже холодностью часто таится столько страсти и нѣжности чувства, — являются первыми почитателями, любителями и собирателями восточныхъ ковровъ. Немудрено, что именно они пустили въ обращеніе терминъ «ковровая болѣзнь» для обозначенія той, переходящей иногда прямо въ страсть, любви къ коврамъ, которая такъ часто наблюдается у ихъ побывавшихъ на Востокѣ соотечественниковъ. Кому хоть разъ случалось побывать въ большомъ складѣ ковровъ въ Европѣ, на примѣръ, въ Константинополѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Петроградѣ, Лейпцигѣ, или въ Азій, въ Смирнѣ, Шифлисѣ, Асхабадѣ, Бухарѣ, Дели и

Femmes Téké tissant un grand
tapis.

Текискія женщины за тканьемъ
большого ковра.

Сарыкөйің жолындагы Ташкент.

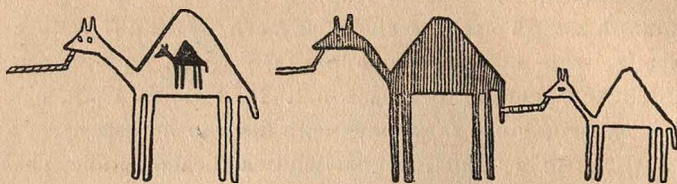
Tentes (yentes) de saryk près Tashkent.

т. д., тотъ навѣрно вначалѣ вынесѣ впечатлѣніе невозможности разобратъся въ этой массѣ различныхъ орнаментовъ, въ этомъ разнообразіи сортовъ и названій. На первый взглядъ кажется, будто чуть ли не въ каждомъ новомъ коврѣ столько своеобразнаго, будто онъ такъ не похожъ на предыдущіе, что мысль объ опредѣленіи ихъ по мѣсту и времени представляется совершенно безнадежной. На самомъ дѣлѣ, однако, при ближайшемъ ознакомленіи даже новичекъ быстро осваивается, научается отличать отдѣльныя группы, и кажущееся безконечное разнообразіе ковровъ по краскамъ, рисунку и technikѣ сокращается значительно.

До настоящаго времени на западѣ отъ линіи Шифлисъ — Москва — Петроградъ въ торговлю подъ названіемъ «бухарскихъ» поступаетъ весьма пестрая по составу группа ковровъ (мы имѣемъ въ виду преимущественно старинные). Иногда торговцы нѣкоторымъ сортамъ даютъ еще отдѣльныя названія, напримѣръ, «Кашгаръ», «Хотанъ» или «Теке», что еще увеличиваетъ путаницу, такъ какъ названія эти произвольны. При посѣщеніи даже наиболѣе значительныхъ ковровыхъ фирмъ, каждый разъ приходится убѣждаться въ томъ, что сами торговцы мало знаютъ о своемъ товарѣ. Ничего кромѣ ходячихъ обозначеній: персидскій, бухарскій, смирнскій и т. д. они не въ состояніи сообщить о имѣющихся у нихъ старинныхъ коврахъ, а если и извѣстны имъ мѣста выдѣлки разныхъ типовъ, то все же торговые интересы всегда заставляютъ не указывать ихъ, за исключеніемъ общеизвѣстныхъ центровъ производства. Въ Европѣ повсемѣстно ошибочно принимаютъ эти обозначенія за названія мѣстъ производства и считаютъ такіе ковры издѣліемъ бухарцевъ, хотанцевъ или кашгарцевъ. Это, однако, безусловно неправильно. Бухарцы, т. е. сарты и таджики, сами ковровъ не производятъ, а лишь вышивки и нѣчто вродѣ аппликацій по шелку, холсту, шерсти и бумагѣ. Правда, техника эта весьма древняя, такъ какъ уже въ 1403 г. испанецъ Клавихо (Clavijo) упоминаетъ о ней въ своемъ описаніи, но съ выдѣлкой ковровъ она ничего общаго не имѣетъ. По же относится и къ Хотану и Кашгару. И тамъ ковровъ не дѣлаютъ, такъ какъ смѣшанное полукитайское населеніе этихъ мѣстностей, а въ частности самихъ городовъ этихъ, совершенно незнакомо съ техникой ковроваго производства. Бухара, Кашгаръ и Хотанъ являются лишь складочными и торговыми пунктами для всевозможныхъ товаровъ Средней Азіи, среди которыхъ за послѣдніе 30 лѣтъ ковры занимаютъ весьма важное мѣсто. Шакъ какъ товары изъ болѣе восточныхъ Кашгара и Хотана направляются черезъ Бухару, то они часто уже здѣсь теряютъ свои названія и въ Европѣ весь закаспійскій товаръ шелъ, а часто и нынѣ идетъ, подъ общимъ названіемъ «бухарскаго». Въ дѣйствительности же, все ковровое производство Средней Азіи, какъ въ древности, такъ и нынѣ, раздѣляется по происхожденію своему на три главныя группы и находится въ рукахъ исключительно кочевыхъ племенъ. Эти племена — туркмены, киргизы и узбеки (племя родственное киргизамъ). Къ этимъ тремъ главнымъ группамъ слѣдуетъ еще прибавить афганскіе и нѣкоторые сѣвероперсидскіе ковры и, наконецъ, еще извѣстные подъ названіемъ «белуджинскихъ» ковры Белуджистана, * которые отчасти

* Шакъ называемыя «парчи».

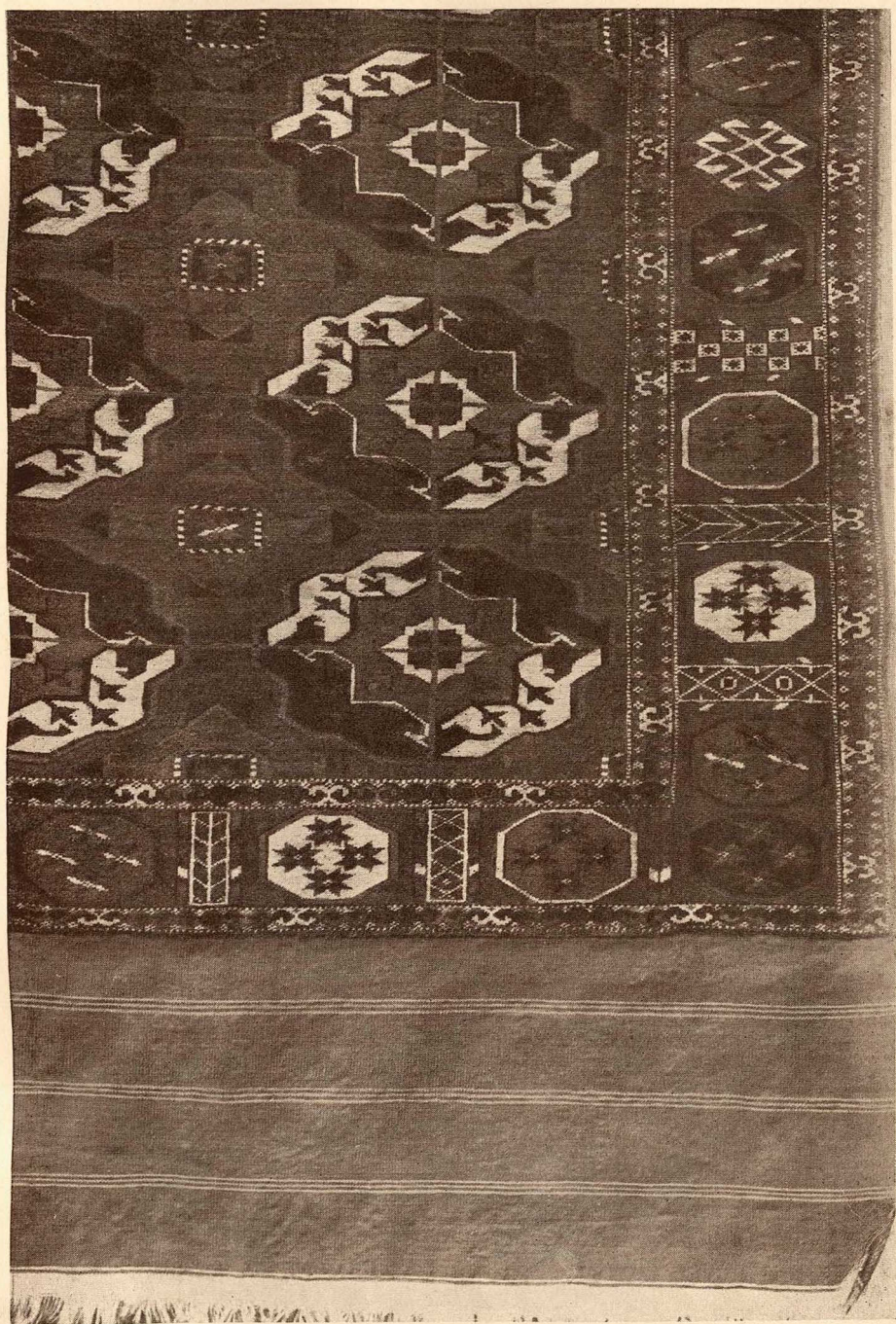
направляются на сѣверѣ. Этими тремя главными группами ковровѣ, производящихся въ предѣлахъ Россійской Имперіи, мы займемся подробнѣе.

Стилизованные верблюды въ ковровомъ орнаментѣ.
Figures de chameaux stylisées.

Пути торговли и караванныя дороги Средней Азіи остались тѣ же нынѣ, какъ и въ древности. Одинъ изъ нихъ идетъ изъ Бухары, и черезъ Казалинскъ и Оренбургъ ведетъ пустыней и степью въ Россію. Онъ существуетъ уже много вѣковъ, а быть можетъ и нѣсколько тысячъ лѣтъ. Уже въ 1344 г. Ибнъ Батута совершилъ путешествіе съ Урала въ Бухару, причемъ ѣхалъ вначалѣ на арбѣ, сперва съ конной, затѣмъ съ верблюжьей тягой, а затѣмъ и верхомъ на верблюдахъ. Повары, направлявшіеся въ Бухару изъ Индіи, также шли обычнымъ неизмѣннымъ путемъ черезъ Афганистанъ; этотъ путь шелъ изъ Пешавара черезъ Кабулъ и Кашгаръ. Лишь когда въ Афганистанѣ бушевали возстанія, направление это временно замѣнялось другимъ черезъ Бендеръ, Абассію, Мешхедъ, Гератъ и Керки. На основаніи русскихъ посольскихъ отчетовъ намъ извѣстно, что уже около 1600 г. въ Астрахани былъ бухарскій каравансарай. Керки, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, имѣетъ для насъ важное значеніе, какъ одинъ изъ крупныхъ центровъ производства. Въ средніе вѣка, и даже раньше, среднеазиатскіе товары шли еще черезъ Персію на Шрапезундъ, бывшій однимъ изъ самыхъ цвѣтушихъ торговыхъ городовъ съ X и до XV вв.; отсюда они направлялись уже моремъ въ Европу. Путь черезъ Каспійское море на Баку — Шифлисъ — Батумъ, конечно, совсѣмъ новаго происхожденія.

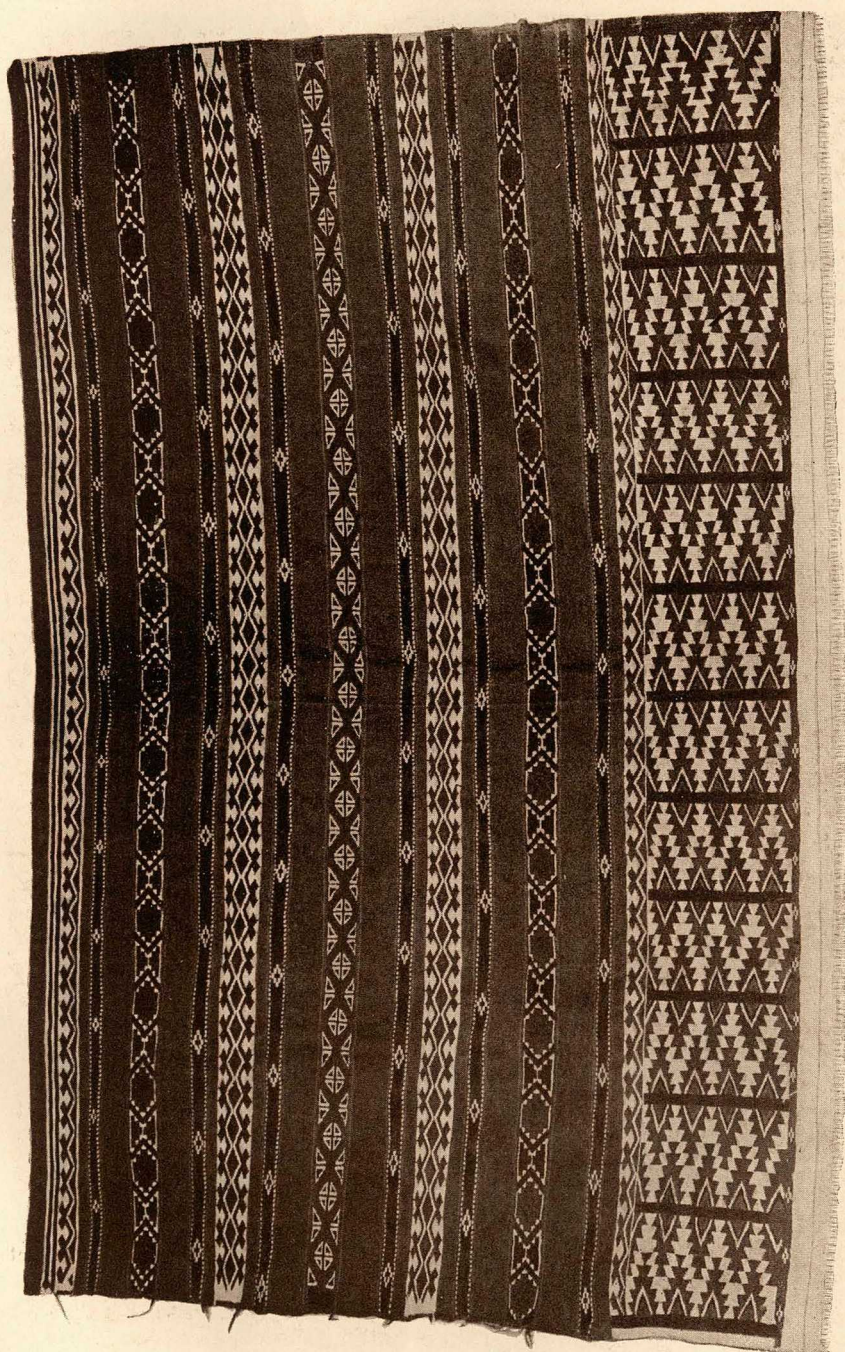
Хотя мы съ увѣренностью можемъ предположить, что употребленіе ковровъ распространено, особенно среди живущихъ въ кибиткахъ кочевыхъ племенъ, уже не меньше двухъ тысячъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе наше знаніе деталей, орнамента и техники, словомъ болѣе подробное и обширное знакомство съ коврами, представляется весьма неполнымъ и отрывочнымъ. Мы взяли на себя трудъ внимательно просмотрѣть въ этомъ отношеніи большое число описаній путешествій по Средней Азіи, начиная съ наиболѣе старинныхъ, причемъ впервые использованы были и русскіе источники. Постоянныя передвиженія племенъ, опустошительныя войны, которыя вели другъ съ другомъ народы Средней Азіи, расовая борьба, театромъ которой являлся этотъ край, оставляли здѣсь свои разрушительныя слѣды и дѣлали почти невозможнымъ посѣщеніе этихъ странъ европейцами и ознакомленіе ихъ съ этимъ далекимъ сказочнымъ міромъ. Какъ извѣстно, найденная въ Нерчинскихъ развалинахъ гранитная плита съ монгольской надписью, разобранный академикомъ Шмидтомъ въ Петроградѣ, представляетъ собой единственный дошедшій до насъ памятникъ Чингисъ-хана. Ею увѣковѣчивалось поко-

Теккинский коверъ съ „розой“ перваго образца (деталь).
Détail d'un Tapis de Téké avec „la rose“ (ghul).

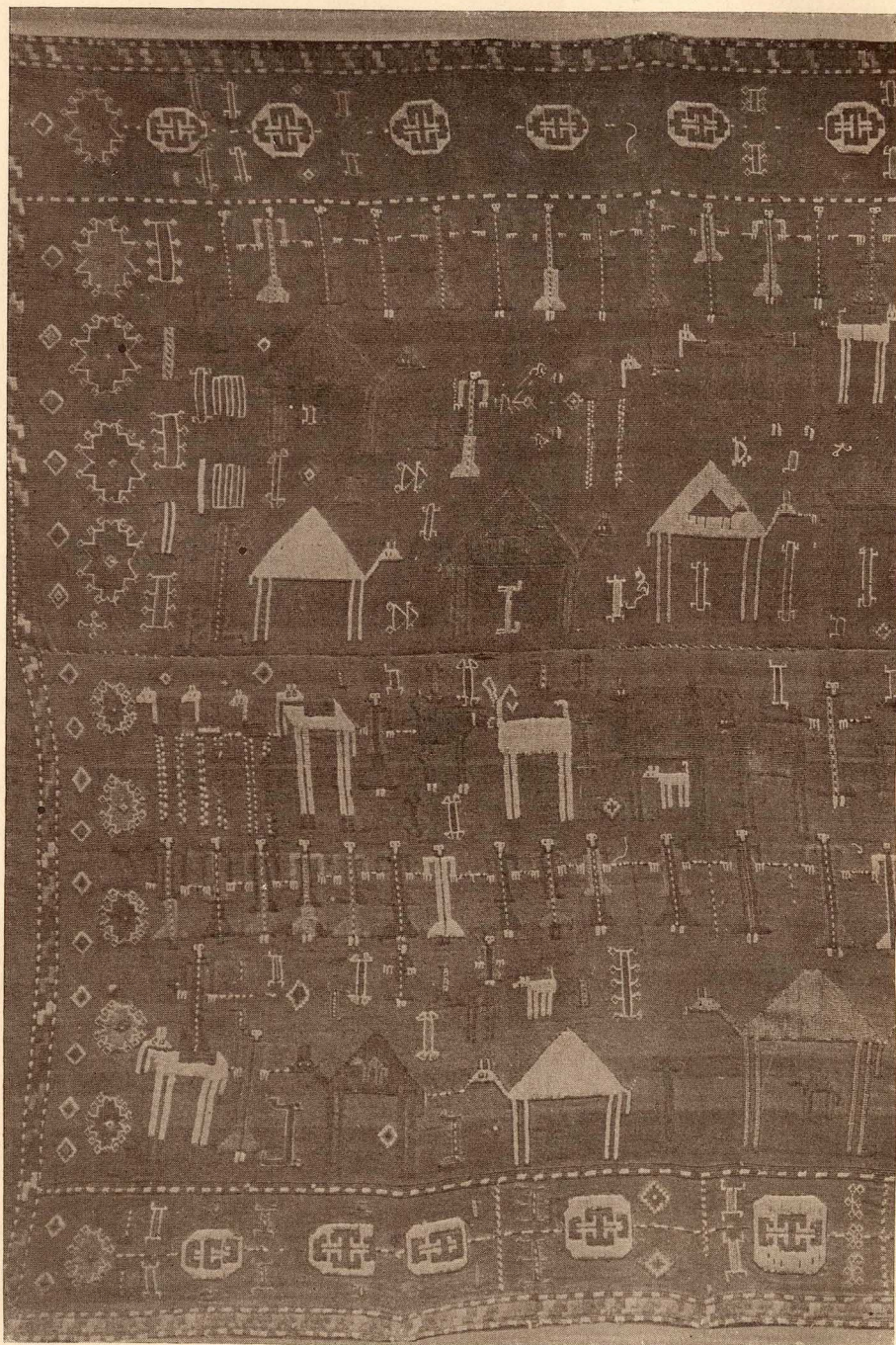

Теккинский капъ (мафрачъ) изъ Мерва съ „розами“ второго и третьяго образцовъ.
Tapis (mafratch) de Téké avec „roses“ (ghul).

Текинскій капъ (мафрачъ) изъ Мерва.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (mafratch) de Téké provenant de Merv.
(Musée Russe Alexandre III).

Текинський шитий палаць. „Возвращеніє Туркменовъ съ аламана“ (деталь).
Tapis de Téké „Retour de turcomanes après une incursion“ (détail).

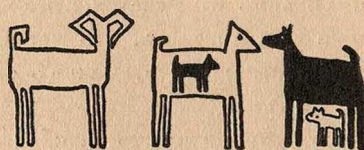
реніе царства Сартаголъ (Каракитай) и относится она къ 1219 — 20 гг. Надо думать, что лишь въ азіатскомъ коврѣ до насъ дошли еще нѣкоторыя формы изъ той эпохи, передающія намъ послѣднее воспоминаніе о великомъ погибшемъ царствѣ Чингисъ-хана.

У Марко Поло, знаменитаго путешественника, посѣтившаго Дворѣ Чингисъ-хана, упоминается о коврахъ, но, къ сожалѣнію, не имѣется описанія хотя бы одного изъ нихъ. Но на основаніи встрѣчающихся уже съ XV в. въ италіанской живописи точныхъ копій восточныхъ ковровъ, мы знаемъ, что таковыя, во всякомъ случаѣ въ типахъ малоазіатскихъ, персидскихъ и среднеазіатскихъ, претерпѣли съ тѣхъ поръ лишь самыя незначительныя измѣненія и поэтому вполне допустимо предположеніе, что и въ болѣе раннее время общій характеръ орнамента былъ почти такимъ же. Это относится, главнымъ образомъ, къ коврамъ кочевниковъ, такъ какъ парадныя ковры, конечно, находились подъ вліяніемъ моды; по крайней мѣрѣ, въ нихъ ясно отражается нѣсколько разныхъ стилей. По этому вопросу столько уже писалось, что мы не станемъ утруждать читателя повтореніемъ извѣстнаго и отсылаемъ его къ перечню литературы въ концѣ нашей статьи.

Въ области ковроваго производства наибольшій интересъ представляютъ не великолѣпныя ковры Персіи, а именно ковры кочевыхъ народовъ, въ замкнутой средѣ которыхъ преемственно живетъ это искусство. Въ этихъ коврахъ есть особая прелесть; они находятъ живой откликъ въ эстетическомъ чутьѣ и чувствѣ стиля европейцевъ. Размѣры ихъ, правда, обыкновенно не велики, орнамента часто кажется наивной и примитивной, но по техникѣ своей они иногда приближаются къ лучшимъ издѣліямъ персидскимъ и не уступаютъ имъ въ колоритѣ. Подражаніе восточнымъ коврамъ началось уже очень давно. Средневѣковыя италіанскія и французскія копіи стояли значительно выше современныхъ издѣлій этого рода, особенно въ отношеніи чувства стиля и присущей ему гибкости орнамента, а также и благодаря настоящимъ растительнымъ краскамъ, которыя, какъ извѣстно, давно уже вышли изъ употребленія въ Европѣ. Эти подражанія являются блестящими памятниками тонкаго и художественнаго чутья; качество ихъ было такъ превосходно, что они могли на самомъ Востокѣ конкурировать съ мѣстными издѣліями.

Въ настоящее время все это измѣнилось кореннымъ образомъ: скупщики и комисіонеры изъ Англіи, Германіи и Америки въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ такъ успѣшно поработали, какъ въ Малой Азіи и Персіи, такъ и въ Средней Азіи, что тамъ почти не осталось предметовъ старины, но хуже того — они, въ качествѣ представителей европейскихъ фабрикъ, распространяя анилиновыя краски, раздавая заказы на имитаціи старинныхъ образцовъ, ухудшили качество, понизивъ тонкость и добротность матеріала, и вообще принесли ковровому производству Востока столько вреда и ущерба, что врядъ ли оно сможетъ оправиться. Наконецъ, въ самой Европѣ въ такихъ размѣрахъ производится поддѣлка восточныхъ ковровъ, что въ изобиліи ихъ утопаютъ и гибнутъ всѣ зачатки настоящаго искусства и промышленности. Отрадно хоть то, что въ поддѣлкѣ старинныхъ ковровъ пока не достигнуто почти никакихъ успѣховъ; навести «старину» на современные настоящіе ковры

тоже, повидимому, не удастся. Красота настоящего старого ковра растётъ съ каждымъ годомъ; наоборотъ, новый коверъ, поддѣланный подъ старину, только теряетъ и ухудшается отъ времени. Всѣ приемы, применяемые для обманнаго наведенія старины въ другихъ отрасляхъ художественной промышленности, какъ обработка всевозможными протравами, подкапчиваніе и запыленіе, тутъ, повидимому, ни къ чему не ведутъ. До сихъ поръ не удается искусственно получить эту характерную очаровательную серебристость, являющуюся, вѣроятно, слѣдствіемъ разрушенія наружныхъ слоевъ отдѣльныхъ шерстинокъ. Шелковистость старыхъ ковровъ, прелесть оттѣнковъ ихъ окраски и нѣкоторая мягкость всей ткани ихъ получаются только дѣйствіемъ времени и многихъ привходящихъ обстоятельствъ, которые не удастся воспроизвести искусственно. Будемъ надѣяться, что въ этомъ направленіи современная техника надолго еще останется безсильною.

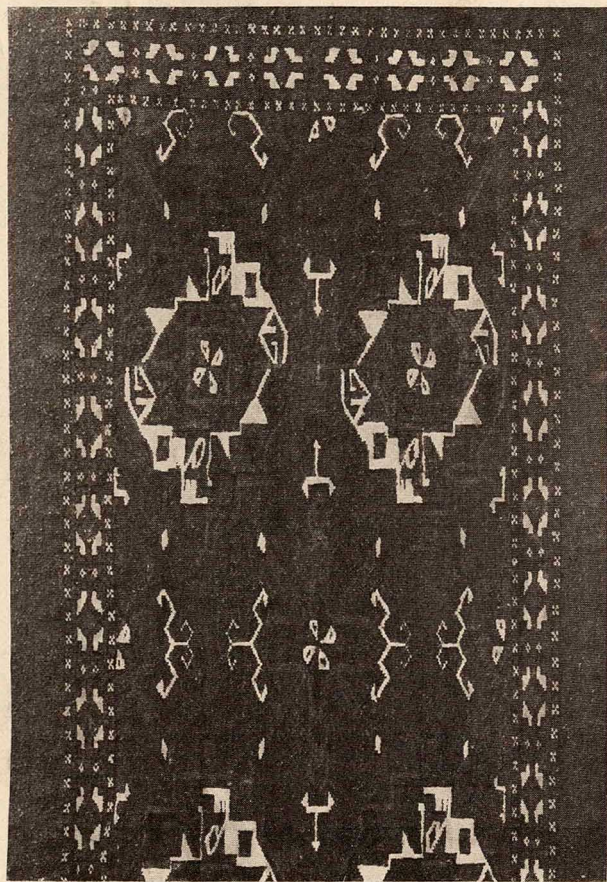

Стилизованныя овцы въ ковровомъ орнаментѣ.
Figures de brebis stylisées.

Прежде чѣмъ обратиться къ подробному изученію коврового производства Средней Азіи, намъ слѣдуетъ нѣсколько ознакомиться съ устройствомъ этого общаго всѣмъ кочевникамъ жилища — кибитки, давшей главный толчекъ возникновенію ковровъ, и для разныхъ частей которой изготовляются особые, отличающіеся другъ отъ друга по формѣ и названіямъ, ковры. Шатеръ или кибитка, въ ея конусообразной, крышевидной или круглой формахъ, — весьма древняго происхожденія и является для всѣхъ народовъ Востока однимъ изъ первоначальныхъ типовъ жилища. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ неоднократно упоминается о шатрахъ съ указаніемъ вполне опредѣленныхъ деталей. Напр.: Кн. прор. Исаіи, 54, 2. «Распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ твоихъ; не стѣсняясь, пусти длиннѣ верви твои, и утверди колья твои».

Кибиткой пользовались въ походѣ или на охотѣ и осѣдлые народы Востока до послѣдняго времени. Уже въ древнѣйшемъ типѣ шатра мы находимъ остовъ изъ жердей, обтянутый тканями, образующими стѣны и кровлю. Вережки, которые крѣпились къ кольямъ вокругъ шатра, придавали всему сооруженію устойчивость и защищали отъ порывовъ вѣтра. Въ конструкціи и планѣ кибитки всегда преслѣдовалась быстрота сборки и разборки ея, что, конечно, являлось крайне важнымъ моментомъ въ жизни кочевника, а также въ походѣ и на охотѣ. Сборка и разборка кибитки лежали почти исключительно на женщинахъ и требовали большого навыка и ловкости. Шакимъ образомъ, отдѣльные семьи и даже цѣлыя племена могли въ кратчайшій срокъ мѣнять мѣстопробываніе. Изучая внимательно описанія кибитокъ, оставленные намъ Марко Поло (1230 г.), Плано Карпини (1246 г.), Клавихо (1403 г.), Барбаро (1436 г.) и другими путешественниками средневѣковья, мы убѣждаемся,

что конструкція, способъ крѣпленія и внутреннее убранство кибитки остались тѣми же донинѣ; разица лишь въ томъ, что теперь намъ не видать уже прежнихъ грандіозныхъ парадныхъ шатровъ восточныхъ князей или пышныхъ завѣсѣ изъ расшитыхъ тканей, которыми окружались и отгоражались отдѣльныя части тѣбора. Но, что мы теперь видимъ въ Средней Азіи, представляется въ сравненіи съ прошлымъ весьма бѣднымъ и мелкимъ, несмотря на сходство и общность принципа. Нѣкогда тамъ стояли цѣлыя города кибитокъ и были

Деталь Теккинскаго мафрача изъ Мерва.
Tapis (mafratch) de Téké (détail).

настоящіе шатры-дворцы съ высокими просторными покоями, съ окнами и дверьми, съ крытыми галереями — вытянутыми въ длину шатрами, соединявшими однѣ кибитки съ другими, — съ нишами, верандами и вестибюлями. Всюду проскальзываетъ намѣренное подражаніе архитектурнымъ формамъ, желаніе придать постройкѣ видъ массивнаго каменнаго зданія; изъ матерій дѣлались даже зубчатые стѣны, которыя, вѣроятно, держались на рамахъ изъ легкихъ деревянныхъ планокъ. Главными врагами обитателей степей являются солнце и вѣтеръ, въ гораздо меньшей степени дождь и холодъ, ввиду кратковременности зимы. Поэтому одной изъ первыхъ заботъ является защита отъ палящихъ солнечныхъ лучей; но легкія кибитки должны также обладать достаточной прочностью, чтобы противустоять свирѣпымъ бурянамъ пустыни и тучамъ пыли и песка, которыя они поднимаютъ и несутъ съ собой; наконецъ, кибитка должна давать защиту жителямъ пустыни и ихъ домашнему скарбу отъ весьма чувствительнаго даже въ жаркую пору ночного холода, отъ продолжительныхъ зимнихъ и все смывающихъ грозовыхъ ливней. Путемъ тысячелѣтняго опыта трудная задача эта на Востокѣ разрѣшена была въ совершенствѣ, несмотря на то, что она усложнялась

еще требованіями быстроты сборки и разборки и крайней ограниченности вѣса для кочевки.

Уже Горацій упоминаетъ о кибиткахъ на колесахъ у скивоовъ; впоследствии подобныя кибитки имѣли монголы; * кочевники Азіи перевозили свои кибитки на четырехколесныхъ арбахъ; ** у отдѣльных семей или у мелкихъ племенъ онѣ навьючивались также на лошадей и верблюдовъ. Какъ въ прежнія времена, такъ и нынѣ, у разныхъ племенъ кибитки покрываются разными матеріями; такое же разнообразіе наблюдается и въ формахъ самыхъ кибитокъ, въ которыхъ то имѣется выходное отверстіе для дыма, то его нѣтъ; вмѣстѣ съ формой кибитки у разныхъ племенъ различно и расположеніе входа — у нѣкоторыхъ онѣ неизмѣнно обращены на югъ, у другихъ на востокъ или на западъ. *** У однихъ бока и верхъ кибитки обтянуты собачьими шкурами, у другихъ кошмой (войлокомъ), холстомъ или гладкими (нестриженными) коврами; столь же разнообразны цвѣты ихъ: то черный, то бѣлый, то, наконецъ, пестрый. Часто входъ завѣшивается ковромъ или вся кибитка опоясана ковровой полосой. Внутренность этихъ легкихъ построекъ обтягивается и украшается, въ зависимости отъ достатка хозяевъ и племенныхъ обычаевъ, кошмами, звѣриными шкурами, коврами или тканями. Полъ застланъ коврами, вдоль стѣнъ разставлены покрытые коврами ящики или же по стѣнамъ развѣшаны ковровыя сумы, заступающія мѣсто шкафовъ и служащія для храненія всевозможной утвари. Намъ трудно представить себѣ все великолѣпіе и роскошь убранства парадныхъ кибитокъ прежнихъ временъ, въ которомъ ковры занимали первое мѣсто. Чтобы читатель самъ могъ составить себѣ понятіе о такихъ великолѣпныхъ шатрахъ, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ правдивыхъ описаній знаменитыхъ путешественниковъ. Шакъ, Марко Поло (1271 — 1323), описывая соколиную охоту у Кубылей-хана, въ которой онъ самъ принималъ участіе, рассказываетъ слѣдующее: «Его Величество выѣзжаетъ на двухъ слонахъ, иногда, смотря по мѣстности, и на одномъ; обыкновенно же онъ выѣзжаетъ на четырехъ (связанныхъ между собой), на спинахъ которыхъ возвышается удивительной работы деревянный шатеръ. Внутри онъ обтянутъ парчей, а снаружи покрытъ львиными (т. е. тигровыми и барсовыми) шкурами. Въ этомъ шатрѣ Е. В. пребываетъ во время всей охоты, такъ какъ страдаетъ приступами подагры. При немъ всегда находятся 10 — 12 соколовъ и столько же приближенныхъ вельможъ». По окончаніи охоты ханъ отправляется къ такъ называемому «Какзаръ-Модинъ» — сборному пункту, гдѣ уже разбиты его шатры, шатры его сыновей, тѣлохранителей, знатнѣйшихъ сановниковъ, охотниковъ и т. д. «Шатровъ этихъ тысячъ десять и они представляютъ великолѣпное зрѣлище. Шатеръ Е. В., въ которомъ обыкновенно происходятъ пріемы, такъ просторенъ, что вмѣщаетъ до десяти тысячъ человѣкъ. Входомъ онъ обращенъ на

* Hammer-Purgstall и Rubruquis.

** Travels of Marco Polo, by Marsden, p. 214.

*** Rubruquis: Purchass Pilgr. V. III, p. 3; Plano Carpini; Josafat Barbaro, томъ I. Библіотека иностр. писателей о Россіи, СПб., 1836 г., Ambrosio Contarini, тамъ же.

Большой текинскій коверъ изъ Мерва (деталь).
Grand tapis de Téké (détail).

югъ. Съ восточной стороны къ этому шатру примыкаетъ другой, съ большой залой, гдѣ обычно пребываетъ ханъ съ приближенными и гдѣ принимаетъ лишь тѣхъ, съ кѣмъ желаетъ говорить лично. Далѣе слѣдуетъ другой, тоже прекрасный и просторный, покой, служащій опочивальней Е. В. Кромѣ того, рядомъ съ главнымъ шатромъ разбито множество мелкихъ кибитокъ — помѣщеній для прислуги ханской — но они стоятъ отдѣльно и не соединены съ главнымъ шатромъ. Всѣ эти залы и покои построены слѣдующимъ образомъ: каждый шатеръ покоится на трехъ позолоченныхъ, превосходно отдѣланныхъ столбахъ; снаружи шатры покрыты львиными шкурами съ бѣлыми, красными и черными полосами. Шкуры шиты такъ тщательно, что не пропускаютъ ни дождя, ни вѣтра; внутри же шатры обтянуты горностаевымъ и соболѣвымъ мѣхами, т. е. самыми драгоценными, такъ какъ цѣна соболѣй шубы изъ лучшихъ шкурокъ доходитъ до 2.000 золотыхъ (византійскихъ), изъ среднихъ — не ниже 1.000; поэтому татары и называютъ соболѣй мѣхъ царемъ мѣховъ. Изъ такихъ лишь мѣховъ состоитъ внутренняя обивка шатровъ Е. В., причемъ она сдѣлана необыкновенно искусно и съ большимъ вкусомъ. А восемь веревокъ, при помощи которыхъ она натянута, сплетены изъ чистаго шелка. Недалеко отъ шатра Е. В. помѣщаются шатры его женъ, тоже великолѣпно и красиво убранные».*

Въ отношеніи знакомства съ кибитками Средней Азіи, мы находимся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ одно изъ прелестнѣйшихъ описаній путешествія средневѣковой эпохи, — именно дневникъ испанца Донъ Рюи Гонзалесъ де Клавихо, совершившаго, въ качествѣ посланника короля кастильскаго

* Travels of Marco Polo, by Marsden, II, ch. 16, p. 342 — 345.

Донѣ Энрико III, въ 1403 — 1406 гг. путешествіе въ Самаркандѣ къ знаменитому Шамерлану. Маршрутъ его лежалъ на Константинополь, Трапезундѣ, черезъ сѣверную часть Персіи въ самую глубь нынѣшней русской Среднеазиатской области, въ центрѣ владѣній великаго завоевателя, предка Великихъ Моголовъ, выдававшего себя за потомка Чингисъ-хана. Вся книга * представляетъ большой интересъ, но мы здѣсь остановимся, конечно, лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ описываются кибитки и таборы Шимура. Какъ указано выше, коверъ и кибитки такъ тѣсно связаны между собою, что эти отрывки живѣе представятъ читателю обстановку, близкую къ темѣ нашего очерка.

Клавихо отличался острой наблюдательностью, удивительнымъ чутьемъ, способностью правильно понимать видѣнное; при этомъ, описанія его точны и правдивы, и часто поражаешься, какъ близко они соответствуютъ тому, что мы и понынѣ видимъ въ Средней Азіи. По формѣ, окраскѣ и technikѣ мы узнаемъ въ его описаніи цѣлый рядъ предметовъ современнаго обихода. Отъ его вниманія ничто не ускользаетъ; притомъ онъ обладаетъ глазомъ художника и старается передать свои впечатлѣнія выпукло и наглядно; чувствуется, какъ самъ онъ восхищается видѣннымъ и какое глубокое впечатлѣніе оно на него произвело.

Разсказывая о богатствѣ Самарканда, Клавихо говоритъ, что оно состояло не только изъ всевозможныхъ припасовъ, но также изъ множества драгоценныхъ товаровъ, среди которыхъ онъ называетъ атласъ, шелковую тафту, терсеналь и другія ткани, изготовлявшіяся тамъ въ изобиліи; затѣмъ онъ упоминаетъ о мѣхахъ и шелковыхъ матеріяхъ для подкладокъ, о красящихъ въ золотой и голубой цвѣта веществахъ и о коврахъ. Шимуръ, желая сдѣлать свою столицу богатой и великой, собралъ туда изъ всѣхъ покоренныхъ странъ множество искусныхъ мастеровъ, умѣвшихъ выдѣлывать шелковыя ткани, оружейниковъ, гончаровъ, стекольщиковъ, ваятелей, ювелировъ и др. Клавихо говоритъ, что въ то время въ самомъ Самаркандѣ исполнялись заказы на любую вещь. Благодаря этому, населеніе города увеличилось на 150.000 человекъ, среди которыхъ были представители самыхъ разнообразныхъ народовъ — турки, арабы, мавры, христіане изъ Греціи и Арменіи, «Наскорины и Якобиты» и христіане, «принимающіе крещеніе огнемъ на лицѣ». Среди привозныхъ товаровъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, онъ называетъ шедшіе изъ Руксіи (Россіи) и Шартаріи (Южной Россіи), преимущественно кожи и холстъ; изъ Китая привозились лучшіе въ мірѣ шелка и атласъ. Но предоставимъ слово ему самому.

«По прибытіи, посольство увидѣло множество прекрасныхъ кибитокъ, расположенныхъ большей частью по берегу рѣки. Кибитки были очень красивы и стояли очень близко другъ къ другу... Когда посольство находилось уже недалеко отъ царскихъ шатровъ, ему отвели мѣсто подъ навѣсомъ; навѣсъ этотъ былъ сдѣланъ изъ бѣлаго холста, украшеннаго разноцвѣтными матерчатыми нашивками. Онъ былъ длинный, поддерживали его двѣ жерди и веревки, на которыя былъ натянутъ

* «Сборникъ Отд. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ», XXVIII, № 1. «Жизнь и дѣянія Великаго Шамерлана, сочиненіе Клавихо». СПб. 1881.

холстѣ. Въ лагерѣ видѣлось много такихъ навѣсовъ; ихъ дѣлаютъ такими большими и высокими для защиты отъ солнца при свободномъ доступѣ воздуха. Недалеко отъ этихъ навѣсовъ находился большой и высокій павильонъ шатрообразной формы, но четырехугольный, высотой въ три копья, если не выше. Боковыя стѣнки его не доходили до земли на высоту одного копья. Павильонъ этотъ былъ въ 100 шаговъ шириной, четырехугольный; кровля его была круглая вродѣ свода и поддерживалась двѣнадцатью столбами, толщиной каждый въ туловище человека. Она была расписана лазурью, золотомъ и иными цвѣтами. Отъ угла до угла были по три столба; каждый состоялъ изъ трехъ частей, связанныхъ въ одно цѣлое. Для установки ихъ подымали при помощи колесъ, вродѣ телѣжныхъ; такимъ же образомъ устанавливались и двери. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ столбы были стянуты обручами, служившими для скрѣпленія. * Со свода, перекрывавшаго павильонъ, у каждого столба свѣшивались куски шелковой ткани; они привязывались къ столбамъ и, закрѣпленные такимъ образомъ, образовывали арку черезъ все помѣщеніе. ** Снаружи этого квадрата (т. е. всего павильона) находились, соединенныя съ главнымъ павильономъ, тоже четырехугольныя сѣни. Эти сѣни или порталъ покоились на 24 столбахъ, болѣе тонкихъ, однако, чѣмъ столбы павильона. Такимъ образомъ, всего въ этомъ шатрѣ имѣлось 36 столбовъ. Для укрѣпленія шатра имѣлось не менѣе 500 разноцвѣтныхъ веревокъ (онѣ, повидимому, привязывались ко вбитымъ снаружи кольямъ). Внутри павильонъ былъ обитъ красной матеріей, красиво расшитой узорами изъ другихъ, мѣстами затканыхъ золотомъ, шелковыхъ тканей. Посреди плафона узоры были особенно богаты, а въ углахъ было изображено по одному орлу со сложенными крыльями. Снаружи шатеръ былъ обтянутъ шелковой матеріей изъ бѣлыхъ, темныхъ и желтыхъ полосъ, вродѣ „sarsani“. *** Надъ каждымъ угломъ шатра возвышалось по одному столбу съ мѣднымъ шаромъ (maizana — дословно яблоко) и на немъ полумѣсяцемъ. Надъ вершиной шатра (т. е. по серединѣ купола) еще болѣе возвышались четыре столба, украшенные шарами и большими полумѣсяцами; по серединѣ же между этими столбами высилась башня съ разными зубцами изъ шелковой матеріи, и съ дверью. Когда вѣтеръ разстраивалъ павильонъ или столбы, то люди забирались на верхъ и могли ходить по куполу для исправлений. Шатеръ былъ такъ высокъ, что издали производилъ впечатлѣніе замка, и такъ великъ и обширенъ, что нельзя было безъ удивленія смотрѣть на него, а всѣ красоты внутри его невозможно описать».

«Внутри шатра имѣлось съ одной стороны возвышеніе изъ ковровъ (слѣдуетъ понимать: покрытое коврами), а поверхъ его — другъ на другъ 3 — 4 тюфика. Это возвышеніе было предназначено для госу-

* Этими обручами, повидимому, были связаны между собой отдѣльныя части столбовъ, про которыя говорится тремя строками выше.

** Здѣсь отчетливо замѣтно подражаніе архитектурнымъ формамъ въ конструкціи шатровъ и попытка придать ей видъ массивной каменной постройки. Дальше также не разъ встрѣтимъ подобные примѣры.

*** Вѣроятно, имѣется въ виду «sagazani» — сарадинская ткань, похожая на полосатые африканскія ткани, хорошо извѣстныя Клавихо по его родинѣ.

даря. Слѣва, нѣсколько сбоку отъ перваго, находилось второе возвышеніе изъ ковровъ, и рядомъ еще третье, болѣе низкое. Шатеръ былъ окруженъ оградой, вродѣ городской или замковой стѣны; она состояла изъ шелковой матеріи со многими вставками изъ другихъ матерій и сверху заканчивалась зубцами. Сѣ наружной и сѣ внутренней стороны ограды закрѣплялись веревками. Изнутри поддерживали ее столбы (т. е. матерія была натянута отъ столба къ столбу, обхватывая ихъ, а веревки крѣпились къ колышкамъ, вбитымъ сѣ обѣихъ сторонъ въ землю). Ограда эта была круглою, діаметромъ около 300 шаговъ, высота ея была въ ростъ всадника. Въ оградѣ были продѣланы весьма высокія арочныя ворота сѣ открывающимися внутрь и наружу дверьми, такими же, какъ и вся стѣна (т. е. изъ шелковой матеріи); на одной двери имѣлись запоры. Надъ входомъ возвышалась четырехугольная башня сѣ зубцами и, хотя и вся ограда была богато украшена узорами и вышивками, украшенія на дверяхъ, на аркахъ и на башнѣ были еще болѣе высокаго качества. Шакая ограда носитъ названіе ‚Салапарда‘. * Внутри ограды были разставлены во множествѣ навѣсы и кибитки разной конструкціи. Среди нихъ находилась одна весьма высокая кибитка, закрѣпленная веревками; она была круглою и стѣны ея состояли изъ переплетенныхъ жердей, толщиною сѣ древко копья или болѣе. ** Надъ этимъ переплетомъ возвышался, состоящій изъ такихъ же жердей, весьма высокій куполъ, связь котораго сѣ боковыми стѣнками достигалась при помощи лентъ, шириной въ ладонь, доходившихъ до самой земли и тутъ прикрѣпленныхъ къ колышкамъ у самыхъ стѣнокъ кибитки. Рядомъ сѣ этой кибиткой находился весьма богатый шатеръ изъ двѣтнхъ бархатистыхъ ковровъ, *** закрѣпленныхъ и натянутыхъ веревками. Были тамъ еще четыре соединенныя между собой кибитки, такъ что можно было переходить прямо изъ одной въ другую; между ними пролегла улица, также перекрытая».

«Внутри вышеописанной ограды имѣлась еще вторая, такой же вышины, тоже шелковая, притомъ сдѣланная такъ, что казалась сложенной изъ разнодѣтнхъ кафлей. Въ ней кое гдѣ были продѣланы окошечки и небольшія двери, въ которыя однако нельзя было входить, такъ какъ онѣ были затянуты сѣткой изъ узкихъ шелковыхъ лентъ. Внутри этой ограды въ свою очередь находился весьма высокій шатеръ, сдѣланный, какъ и описанный выше, изъ такой же разнодѣтной матеріи сѣ украшеніемъ изъ серебряныхъ пластинокъ. Эти шатры были вышиной въ три копья, если не выше. На вершинѣ купола помѣщенъ былъ очень большой орелъ изъ золоченаго серебра сѣ распростертыми крыльями, а пониже, отступя футъ на девять, надъ шатромъ возвыша-

* «Salaparda», также «Kalaparda» или «Seraperde», называется у Шерефъ-адина (*Histoire de Timour-Bec*) навѣсъ для защиты отъ солнца.

** Совершенно соотвѣтствуетъ типу современныхъ туркменскихъ или киргизскихъ кибитокъ.

*** Здѣсь имѣется въ виду, значитъ, стриженный коверъ, а не гладкій «килимъ». Палатокъ, состоящихъ исключительно изъ стриженныхъ ковровъ, теперь не бываетъ, но и въ то время такая палатка являлась, какъ это видно изъ дальнѣйшаго описанія, исключеніемъ и большой роскошью.

лись три серебряныхъ сокола въ правильномъ расположеніи (т. е. въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга). Крылья этихъ соколовъ были распростерты, какъ будто они улетаѣли отъ орла, клювы же обращены къ нему и казалось, что орелъ какъ разъ собирался броситься на одного изъ нихъ. Орелъ и сокола были прекрасной работы и вся группа была такъ поставлена, что получала символическое значеніе. Предъ входомъ въ этотъ шатеръ былъ расположенъ навѣсъ изъ разноцвѣтнаго шелка, затѣнявшій входъ и защищавшій его отъ солнечныхъ лучей; смотря по положенію солнца можно было переставлять навѣсъ, такъ что входъ въ шатеръ всегда былъ въ тѣни.

«Поясъ первой изъ описанныхъ оградъ, со всѣми находившимися въ немъ кибитками, принадлежалъ первой и знатнѣйшей супругѣ государя, называемой ,каньо'; * второй же поясъ (со всѣми находившимися въ немъ кибитками) — второй его женѣ, называвшейся ,кинчикано', что означаетъ ,малая государыня'. ** Рядомъ находилась еще другая ограда изъ иныхъ тканей, со многими кибитками и навѣсами за нею; посреди также стоялъ шатеръ вродѣ уже описанныхъ. Всѣхъ такихъ оградъ было одиннадцать, одна возлѣ другой, причѣмъ всѣ были разныхъ цвѣтовъ и съ различными украшеніями. Внутри каждой стоялъ большой шатеръ, не закрѣпленный веревками и покрытый красной матеріей (коврами); по своему устройству они всѣ были одинаковы. Разстоянія между отдѣльными оградами были не больше ширины улицы. Всѣ онѣ были выстроены въ одинъ рядъ и представляли очень красивый видъ. Эти одиннадцать оградъ принадлежали женамъ государя (Шимура) и женамъ его внуковъ (слѣдуетъ, вѣроятно, понимать: потомковъ — сыновей и внуковъ). Эти послѣдніе живутъ здѣсь, какъ въ домахъ, зиму и лѣто».

Въ другомъ мѣстѣ въ дневникѣ Клавихо имѣется слѣдующее описаніе кибитокъ Шамерлана въ лагерѣ его подъ Самаркандомъ:

30 октября Шимуръ приказалъ устроить большое празднество, на которое всѣ присутствующія иностранныя посольства получили приглашенія. Когда они приблизились къ большому шатру, въ которомъ находился Шимуръ со своими гостями и придворными, «то увидѣли, что рядомъ съ этимъ шатромъ имѣются еще двѣ ограды совсѣмъ вродѣ описанныхъ выше. Но только здѣсь и самыя ограды, и находившіеся въ нихъ шатры, и матеріи, изъ которыхъ они сдѣланы, были настолько богаче и дороже, что послѣ нихъ на тѣ не хотѣлось и смотрѣть. Одна изъ этихъ оградъ состояла изъ красной ткани съ вышитыми золотомъ красивыми узорами и арабесками; самая ограда была выше предыдущихъ. Выше были также и сводчатыя входныя двери съ возвышеніемъ надъ ними (все состояло изъ матерій). И двери и сводъ были украшены золотымъ шитьемъ. Надъ порталомъ возвышалась четырехугольная зуб-

* Клавихо пишетъ «Сафо» вмѣсто «ханымъ» или правильнѣй «ханумъ»; значеніе этого слова — жена, но оно употребляется и въ значеніи: государыня, царица.

Имя этой первой жены Шимура было Серай-Мулькъ-Ханымъ, прозвище же ее «Мехребана», что значитъ: благодѣтельница. Шимуръ похитилъ ее изъ гарема эмира Гуссейна. Сынъ ея Шахъ-Рухъ былъ преемникомъ Шимура.

** Вторую жену Шимура звали «Шуманъ-Ага»; «кинчикано» это испорченное «кичикъ-ханымъ», кичикъ — малый; ханымъ, — государыня, жена.

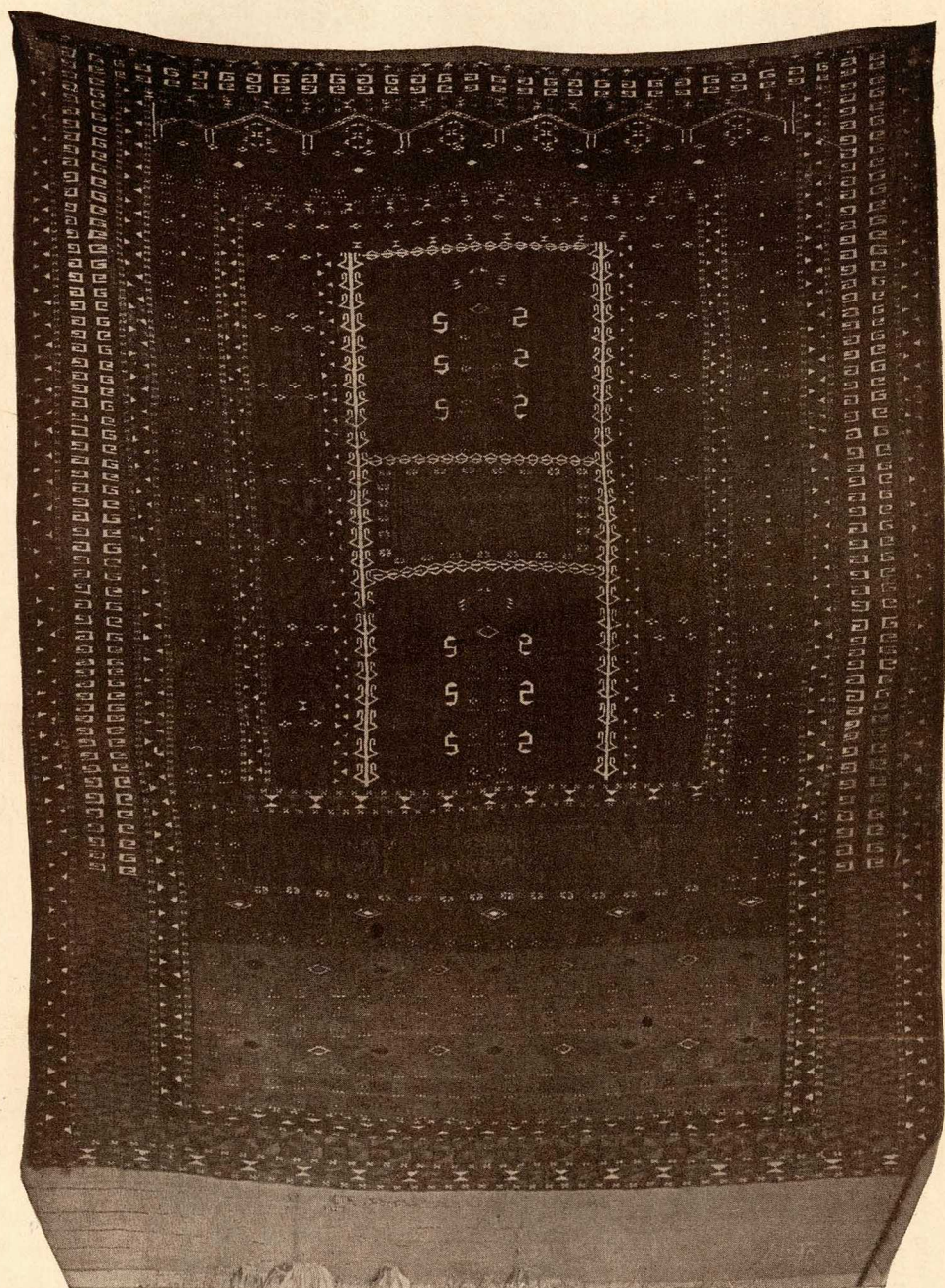
чатая башня изъ той же матеріи и съ такими же украшеніями, какъ на дверяхъ. Да и ограда была украшена по всей длинѣ зубцами такой же работы и изъ той же матеріи. Мѣстами были продѣланы окна, расшитыя шелковыми шнурами и снабженныя ставнями, сдѣланными изъ той же матеріи съ шитьемъ».

«Внутри ограды было разбито много роскошныхъ, красивыхъ и разнообразныхъ шатровъ. Непосредственно подлѣ этой ограды находилась другая изъ бѣлаго ‚сетуни‘ (атласа) безъ узоровъ и питья, но также съ порталомъ и окнами; внутри ея опять таки имѣлись разные шатры. Обѣ ограды сообщались между собой дверью. Впереди оградъ стоялъ еще большой шатеръ — такой же, какъ служившій государю столовою. Онъ былъ весь изъ бѣлаго шелка съ нашитыми арабесками и орнаментами изъ разноцвѣтныхъ матерій».

Путѣ же Клавихо описываетъ и одежду одного изъ внуковъ Пимура — повелителя Малой Индіи: «Нарядъ его состоялъ изъ голубого атласа (сетуни), съ шитыми золотыми украшеніями, похожими на колеса; на каждомъ плечѣ было по одному такому колесу, другія на груди и на рукахъ». Такое расположеніе орнамента соответствуетъ китайскому приему изображенія гербовъ и тому подобныхъ отличій.

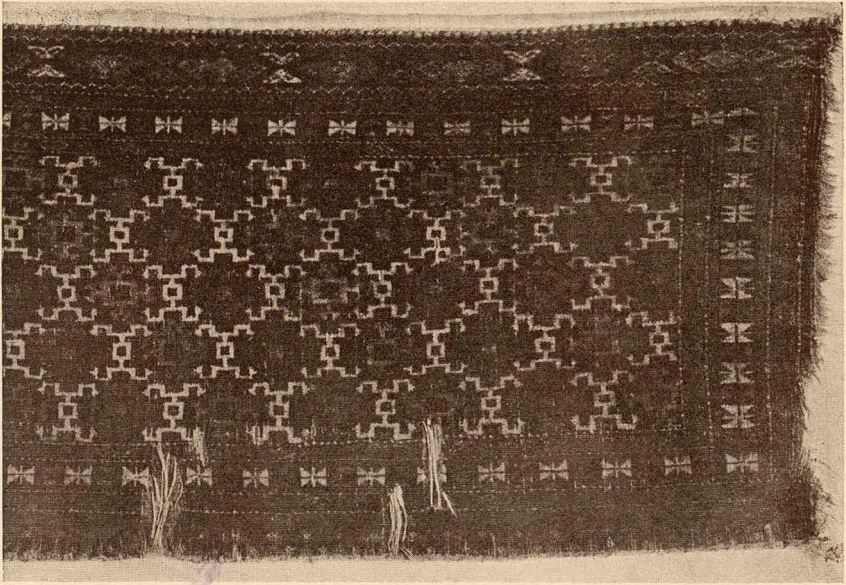
Затѣмъ Клавихо даетъ описаніе ограды и шатра, въ которыхъ первая жена Шамерлана, знакомая уже намъ Серай-Мульк-Ханымъ-Мехребана устроила празднество: «Ограда, въ которой она имѣетъ пребываніе и гдѣ состоялось празднество, заключаетъ въ себѣ много богатыхъ кибитокъ. Самая ограда состояла изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ матерій, расшитыхъ различными узорами». Пословъ отвели въ шатеръ у самаго входа ограды. «Этотъ шатеръ былъ покрытъ темно-красною ковровой матеріей со вставками и узорами изъ бѣлой матеріи съ обѣихъ сторонъ». Затѣмъ ихъ провели въ другіе богатые шатры царицы: «среди нихъ былъ также весьма высокій и просторный шатеръ, не скрѣпленный веревками, покрытый краснымъ шелкомъ отличнаго качества; по нему сверху до низу тянулись полосы, украшенныя серебряными золочеными бляхами. Въ шатрѣ имѣлась двойная дверь; одна часть ея состояла изъ переплетенныхъ тонкихъ красныхъ планочекъ, обтянутыхъ прозрачнымъ краснымъ шелкомъ, благодаря чему и при закрытой двери свободно проходилъ воздухъ, а кромѣ того находившіеся внутри шатра могли видѣть, что дѣлается на дворѣ, не будучи видимы сами. Другая часть двери, передняя, была такъ высока, что можно было бы верхомъ проѣхать въ нее; она была обита золочеными серебряными пластинками, покрытыми разными узорами изъ голубой и золотой эмали. Эти пластинки были необычайно тонкой работы и лучше ихъ врядъ ли можно было бы найти какъ въ этой странѣ, такъ и въ христіанскихъ. На одной створкѣ этой двери былъ изображенъ ап. Петръ, на другой — ап. Павелъ. Рассказываютъ, будто Шимуръ нашелъ эту дверь въ Бруссѣ, * при разграбленіи тамошней турецкой сокровищницы. Противъ этой двери было нѣчто вроде шкафа, въ которомъ хранились серебро, кубки и т. д.». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе серебряной посуды, а далѣе говорится:

* Брусса была сожжена ордами Пимура въ 1402 г.

Салорскій Пендинскій „энси“.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (ennsi) salor de Penndeh.
(Musée Russe Alexandre III).

Салорскіе Пендинскіе каны (мафрачи)
XVII или XVIII в.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (mafratchs) salors de Penndeh
(XVII-e ou XVIII-e s.).
(Musée Russe Alexandre III).

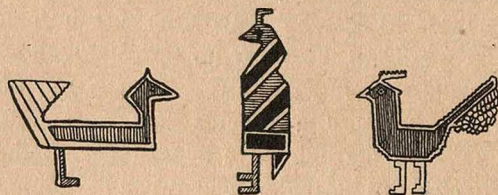
«Возлѣ одного стола было устроено ложе изъ шелковыхъ тюфяковъ, расшитыхъ цвѣтами, дубовыми листьями и иными узорами. Сѣ другой стороны былъ еще столъ сѣ такимъ же ложемъ, на полу же лежали подушки весьма тонкой работы. Направо отъ входа въ ограду находился большой шатеръ вродѣ походной палатки, * покрытый красной матеріей, расшитой узорами изъ бѣлой и цвѣтныхъ матерій. ** Этотъ шатеръ былъ окруженъ пристройками, доступъ къ которымъ открывался изнутри шатра. Въ опредѣленныхъ промежуткахъ въ стѣнахъ были продѣланы небольшія окна, закрытыя переплетомъ (изъ шелковыхъ лентъ) или матеріей (тонкимъ шелкомъ). Кровля у самаго шатра и у пристроекъ была общая, такъ что изнутри она казалась сдѣланной изъ цѣльнаго куска. Входная дверь имѣла видъ арки, и отличалась тонкостью работы. Отъ входа велъ прямой, закрытый сѣ боковъ, сводчатый коридоръ. Вошедшему въ шатеръ изъ главнаго входа справа открывалась дверь въ пристройки, а прямо противъ нея—другая, богато разукрашенная, ведущая въ самый шатеръ. На другомъ концѣ коридора находился еще шатеръ, также весьма богато расшитый золотомъ; въ серединѣ коридора устроенъ былъ третій, неукрѣпленный веревками, въ которомъ имѣлъ пребываніе самъ царь. Эти шатры по верху были соединены сѣ окружающими ихъ пристройками и все было покрыто красной матеріей. Здѣсь было собрано столько богатой и тонкой работы, что невозможно описать все въ подробности, нужно видѣть это собственными глазами. Изъ этого шатра посланниковъ провели въ деревянный домъ, находившійся въ той же оградѣ; это было очень высокое строеніе, къ которому вели ступеньки; вокругъ него были устроены деревянные же веранды и галереи. Домъ былъ сплошь расписанъ голубыми и золотыми узорами; и былъ разборный. Шо была мечеть, въ которой царь совершалъ свои молитвы; она слѣдовала за нимъ всюду, куда бы онъ ни отправлялся. Далѣе посланниковъ повели въ шатеръ, крѣпленный зелеными веревками, снаружи покрытый сѣроватымъ, а изнутри бѣлымъ мѣхомъ; какъ обычно, въ немъ были устроены два ложа. Затѣмъ ихъ повели въ другой, смежный шатеръ безъ веревочнаго крѣпленія; снаружи онъ былъ покрытъ красной матеріей, расшитой разноцвѣтными узорами, внутри же нижняя половина была обтянута собольимъ мѣхомъ, самымъ дорогимъ изъ всѣхъ мѣховъ, а верхняя сѣрой бѣлкой. Передъ входомъ былъ устроенъ навѣсъ для защиты отъ солнца, сѣ нижней стороны подбитый бѣловато-сѣрымъ мѣхомъ. Эти шатры предназначались для самого царя и такъ устроены, что ни солнце въ лѣтнее, ни холодъ въ зимнее время не могли туда проникнуть. Отсюда посланниковъ повели за другую ограду, соединенную сѣ только что описанной; она была изъ бѣлаго атласа; здѣсь имъ тоже показали множество шатровъ и навѣсовъ изъ шелка и другихъ матерій. Въ ордѣ было еще много не только царскихъ оградъ сѣ шатрами, но и другихъ, принадлежавшихъ приближеннымъ царя и мурзамъ. Разнообразіе этихъ оградъ и кибитокъ было удивительное; куда ни взглянешь, всюду онѣ были. Въ общемъ,

* Повидимому, Клавихо имѣетъ въ виду испанскую походную палатку.

** Эта техника вышивки существуетъ и понынѣ.

въ царскомъ лагерѣ было отъ сорока до пятидесяти тысячъ кибитокъ, представлявшихъ чудесное зрѣлище. Кромѣ нихъ было еще много кибитокъ вокругъ города (Самарканда) въ садахъ, лугахъ и у рѣки».

Далѣе Клавихо описываетъ садъ близъ Самарканда, гдѣ Шимуръ устроилъ празднество: «въ саду было много шатровъ и навѣсовъ, одни изъ пестрыхъ ковровъ,* иные изъ шелка съ узорчатыми вставками изъ другихъ матерій. ** Посреди сада находилось прекрасное зданіе, крестообразное въ планѣ, украшенное богатыми занавѣсами. Внутри его расположены были три алькова или ниши для лежанокъ; стѣны и полъ были выложены разноцвѣтными кафлями. Противъ входа находился самый большой альковъ; въ немъ былъ поставленъ серебряный золоченый столъ вышиной въ ростъ человѣка и длиной въ три локтя; возлѣ стола была устроена лежанка изъ небольшихъ тюфячковъ *** изъ камокана и иныхъ шелковыхъ матерій, шитыхъ золотомъ; эти тюфячки лежали на полу одинъ на другомъ. Здѣсь усѣлся ханъ. Стѣны были украшены занавѣсами изъ розоваго шелка, украшенными серебряными золочеными бляхами съ изумрудами, жемчугами и иными драгоценными камнями; надъ ними были прикрѣплены такъ же украшенные полосы шелковой матеріи, шириной въ $\frac{3}{4}$ фута, спускавшіяся до самаго пола; онѣ были обшиты разноцвѣтной шелковой бахромой, колыхавшейся при всякомъ дуновеньи, что было очень красиво. Сводчатые входы въ этотъ альковъ отдѣлялись такими же занавѣсами, привѣшенными къ палкамъ въ видѣ копій, съ которыхъ до самаго пола свисали шелковые шнуры съ большими кистями, полъ былъ устланъ коврами и половиками. Средину этого дома занимали два золотыхъ стола, уставленные золотыми, усыпанными крупными камнями, кубками и кувшинами и т. п.».

Стилизованныя птицы въ ковровомъ орнаментѣ.
Figures d'oiseaux stylisées.

* Вѣроятно изъ гладкихъ «килимовъ» или «паласовъ».

** Эту технику, напоминающую «аппликаціи», мы встрѣчаемъ и понынѣ на дорожкахъ среднеазиатскихъ киргизовъ и узбековъ.

*** Такія небольшія, плоскія, похожія на тюфяки подушки въ шелковыхъ чехлахъ и въ настоящее время встрѣчаются въ восточномъ Туркестанѣ, Кашгарѣ, Хотанѣ, Шибетѣ и у живущихъ восточнѣе пустыни Гоби монголовъ. Отъ 6 до 10 такихъ подушекъ, положенныхъ другъ на друга, образуютъ очень удобное сидѣнье; но какъ въ прежнее время, такъ и теперь, пользованіе ими предоставлено лишь знати и духовенству. Въ Шибетѣ ламы и понынѣ всегда пользуются такими сидѣньями; маленькіе тюфячки эти, покрытые различнаго цвѣта и рисунка шелкомъ, укладываются въ нѣсколько рядовъ на полу или же на похожихъ на тронъ сооруженіяхъ. Въ трудѣ кн. Ухтомскаго «Путешествіе на Востокъ Наслѣдника Цесаревича (нынѣ царствующаго Императора Николая II)» имѣется нѣсколько снимковъ съ нихъ.

II. Виды и наименованія среднеазіатскихъ ковровъ.

Съ первыхъ же словъ установимъ существованіе въ Средней Азіи, какъ и на всемъ Востокѣ съ древности и до настоящаго времени, двухъ родовъ ковровъ, существенно различныхъ по техникѣ. Это, съ одной стороны, гладкіе, безворсные ковры, которые у турокъ, персовъ, туркменъ и т. д. называются «гилимъ», на Кавказѣ же и отчасти въ Средней Азіи носятъ названіе «паласъ», а съ другой — бархатистые стриженные ковры, ковры въ собственномъ смыслѣ слова, именуемые по турецки «халы», по персидски «хали», по азербейджански «кали», по татарски «халитча», «калиджэ» и т. д. Гилимы или паласы — вытканые изъ оплетенныхъ шнуровъ безворсные ковры, то скромнаго, то болѣе богатаго рисунка; они сравнительно недороги, являются скорѣе предметомъ повседневнаго домашняго обихода, служащимъ для устилки половъ, чѣмъ роскошью и украшеніемъ; двѣ стороны ихъ всегда заканчиваются бахромой.

Безотносительно къ техникѣ, но въ зависимости отъ своего назначенія, среднеазіатскіе ковры распадаются на слѣдующія категоріи, причемъ отдѣльные ковры или виды ковровъ могутъ быть и безворсные, и ворсистые, стриженные:

1. Намазлыки или джейнамазы, — молитвенные ковры, на которыхъ мусульманинъ совершаетъ утреннюю и вечернюю молитву (намазъ). Ихъ выдѣлываютъ туркмены, афганцы и персы; первоначальная родина ихъ — Малая Азія и Персія; туркмены ими пользуются рѣдко и совершаютъ намазы на разостланномъ халатѣ. Самое названіе этихъ ковровъ объясняетъ, почему они изготовляются съ особенной тщательностью. Черчилль упоминаетъ о старыхъ персидскихъ молитвенныхъ коврахъ въ 40.000 петель на квадратный футъ. Странно, что въ Средней Азіи имъ не придаютъ большаго значенія и лишь рѣдко они отличаются высокимъ качествомъ. На всѣхъ молитвенныхъ коврахъ, распространенныхъ по всему магометанскому міру, непременно имѣется изображеніе «михраба», т. е. ниши, полагающейся въ серединѣ стѣны всякой мечети и указывающей «киблу», т. е. направленіе Мекки, святыни, въ сторону которой мусульмане обращаютъ молитвы. Для послѣдней коверъ всегда кладется такъ, чтобы этотъ символическій михрабъ, внутри котораго часто изображается древо жизни, былъ направленъ на Мекку. По персидски эти ковры называются «джай намазъ», что значитъ «мѣсто для молитвы»; по арабски — «саджада», что означаетъ «мѣсто поклоненія», смыслъ то же, что и слово «масьидъ», въ испорченной формѣ — мечеть.* Въ Малой Азіи они называются «сояда». По Бэрдвуду красные молитвенные ковры служатъ въ магометанскихъ странахъ для заклинанія злыхъ демоновъ. Въ рисункѣ михраба вмѣсто древа жизни встрѣчается часто изображеніе висячей лампы или же крестообразный узоръ, носящій уже съ давнихъ поръ у французовъ названіе «trèfle sarazin». Самый михрабъ — сарадинскій сводъ такого же происхожденія, какъ и ниши въ индусскихъ храмахъ, гдѣ въ нихъ устанавливались изображенія Будды. Характерныя очертанія классическаго михраба указываютъ на это его происхожденіе, такъ какъ линіи ихъ соотвѣтствуютъ контурамъ плечъ и головы фигуры

* Birdwood.

Будды.* Въ Персіи и Малой Азіи форма михраба на молитвенныхъ коврахъ бываетъ неимовѣрно разнообразной, издавна существуютъ тысячи вариантовъ; напротивъ того, въ Средней Азіи онъ имѣетъ свою особую, строгую, малоподчеркнутую и малозамѣтную, форму, и невеликъ по размѣрамъ. Боде считаетъ молитвенные ковры наиболѣе новымъ отпрыскомъ стариннаго коврового производства; по его мнѣнію, они появились врядъ ли ранѣе XVI в. Молитвенные ковры кочевыхъ племенъ рѣдко отличаются художественностью и часто въ нихъ проявляется отсутствіе пониманія; такъ, формы михраба, лампы или дерева жизни въ нихъ иногда совершенно искажены.

Хотя ежедневное пользованіе священными предметами и притупляетъ чувство благоговѣнія, но все же въ глубинѣ души каждаго правовѣрнаго магометанина, когда онъ становится на намазлыкъ, продолжаетъ теплиться чувство, лучше всего характеризующееся словами патріарха Іакова: «воистину это есть домъ Господень».

2) Большіе ковры для постилки на полу юрты или кибитки, размѣрами до шести аршинъ въ длину и трехъ въ ширину. По турецки они называются «калы», по персидски — «халэ» и «сарандазъ». При встрѣчѣ гостей ихъ разстилаютъ передъ кибиткой, а внутри они заступаютъ мѣсто мебели, такъ какъ принято сидѣть на полу или на покрытыхъ коврами низкихъ возвышеніяхъ. Въ одной изъ наиболѣе древнихъ рукописей «Пысячи и одной ночи» въ исторіи 2-го календаря говорится: «если бы я только могъ (или могла) предчувствовать, что ты придешь, я ковромъ разостлался (разостлалась) бы передъ шатромъ, чтобъ ты прошла (или прошелъ) по вѣкамъ моимъ».

3) Энкси или энси — наружныя завѣсы на входы въ туркменскую кибитку. Пендинскіе энкси, выдѣлываемые туркменами племени сарыкъ, особенно цѣнны, ибо выдѣлываются изъ лучшей шерсти, а по рисунку и краскамъ красивѣе всѣхъ. Часто встрѣчается въ орнаментѣ ихъ изображеніе туркменскаго женскаго музыкальнаго инструмента вродѣ лиры, называемаго «гопузъ»; впрочемъ, у туркменовъ встрѣчается наверху маленькій угловатый михрабъ.

У туркменской бѣдноты дверными завѣсами служатъ вмѣсто ковровъ куски кошмы, которые иногда украшены шитьемъ и узорами; то же мы встрѣчаемъ у кочевыхъ племенъ, не имѣвшихъ собственнаго коврового производства, напримѣръ у монголовъ; о нихъ сообщаютъ,** что обращенные всегда на югъ входы ихъ кибитокъ завѣшивались войлокомъ, украшеннымъ вышитымъ узоромъ изъ винограда, деревьевъ, птицъ и звѣрей.

4) Халыхи или осмолдуки — свадебныя украшенія верблюда. Халыхи всегда бываютъ парные; вѣшаются, какъ чепраки, съ обоихъ боковъ верблюда, на которомъ ѣдетъ невѣста. Снизу они всегда заканчиваются очень пышной бахромой; обыкновенно они связаны матеріею, приходящеюся на спину верблюда; въ послѣдствіи ими украшаютъ кибитки или пользуются, какъ сумками, наряду съ торбами и чувалами. Эти

* Birdwood.

** Hammer-Purgstall, Rubruquis.

ковры встрѣчаются исключительно у туркменскаго племени іомудовъ и у нѣкоторыхъ киргизъ. Шитые шелками халыхи, которые, такимъ образомъ, нельзя причислять къ коврамъ, попадаютъ, хотя изрѣдка, у туркменскихъ племенъ теке и салоръ въ Мервѣ.

5) Чувалы или човалы, также мафрачи, — самыя тонкія изъ всѣхъ ковровыхъ издѣлій туркменовъ Закаспійской области. Чуваль ткется дѣвушкой къ собственной свадьбѣ, для храненія приданого бѣлья и женскаго скарба. Лишь наружная сторона чуваловъ и схожихъ съ ними сумъ (мафрачи, капы, торбы и др.) ковравая, другая же дѣлается изъ грубой шерстяной или бумажной матеріи. Всѣ эти суммы изготовляютъ подѣ руководствомъ старыхъ женщинъ дѣвушки себѣ въ приданое. Въ нихъ хранится одежда, приобретаемая на часть «калыма» — выкупа невѣсты. Въ виду такого интимнаго значенія, туркменскія женщины и дѣвушки вкладываютъ въ изготовленіе ихъ все свое искусство, прилежаніе и вкусъ. У узбековъ такіе ковры-мѣшки называются «капы», у нѣкоторыхъ туркменскихъ племенъ — «джувалдызъ», но въ отличіе отъ чуваловъ они никогда снизу не заканчиваются бахромой. Часто они состоятъ изъ чередующихся полосъ стриженной (съ ворсомъ) и гладкой (безъ ворса) ковровой ткани; тогда они называются, по свѣдѣніямъ Н. Ф. Бурдукова, «исичъ-чуваль». Всѣ эти виды ковровъ, хотя бы и разной величины, всегда бываютъ по формѣ продолговатыя; въ кибиткахъ они развѣшиваются по стѣнамъ и служатъ вмѣсто шкафовъ и комодовъ.

6) Торбы — переметныя суммы; это небольшихъ размѣровъ парные мѣшки, служащіе для храненія разныхъ вещей, а одновременно и для украшенія кибитки, такъ какъ торбы, наряду съ чувалами, развѣшиваются внутри ея. Нѣсколько большія торбы — для вьюковъ — носятъ названіе «хорджумъ» или «хурджимъ». Въ первоначальномъ значеніи своемъ это слово означаетъ торбу-кормушку для лошадей изъ грубой ткани, но затѣмъ это названіе перешло также къ небольшимъ ковровымъ переметнымъ сумкамъ, которыя навьючиваются на лошадей и ословъ. Обѣ сумки торбы соединены широкой гладкой средней частью, которая при навьючиваніи приходится поверхъ сѣдла. Затворомъ служатъ петли изъ шнурковъ, скрученныхъ изъ конскаго волоса, нашитыя въ два ряда; запираются торбы такимъ образомъ, что петли продѣваются послѣдовательно одна въ другую, а на послѣднюю, остающуюся свободною, навѣшивается обыкновенный замокъ. По словамъ Н. Ф. Бурдукова, торбы болѣе удлиненной формы носятъ у туркменскаго племени Эрсари названіе «османлыхи».

7) Макрабы — длинныя, узкіе стриженные ковры или паласы, съ дѣлымъ рядомъ михрабовъ, расположенныхъ одинъ подлѣ другого; они служатъ, по словамъ Н. Ф. Бурдукова, общимъ молитвеннымъ ковромъ для цѣлаго семейства. У Н. Ф. Бурдукова въ Петроградѣ имѣется такой паласъ съ 9 михрабами, длиной около 9 аршинъ, шириной $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ.

8) Капуннукъ — небольшіе коврики, особой формы; употребляются, по свѣдѣніямъ С. М. Дудина, какъ ламбрекены надъ входомъ кибитки, если онъ завѣшанъ не «энкси», а лишь кошмой. У туркменовъ такіе коврики вѣшаются иногда внутри кибитки надъ входомъ. По словамъ Н. Ф. Бурдукова, они называются тогда «гапѣнчлыкъ». У узбековъ во

всякой, даже самой бѣдной юртѣ имѣется капундукъ, но тогда онѣ лишь простой плетеный.

9) Доламъ (по туркменски; по русски «дорожка»), служащій для прикрѣпленія войлочнаго покрова къ деревянному остову юрты, — узкія ковровыя полосы, прикрѣпляемые въ туркменскихъ кибиткахъ съ внутренней стороны, такъ что образуютъ своего рода карнизъ; онѣ специально выдѣлываются для этого назначенія. Обычно длина ихъ — около 20 аршинъ, ширина отъ 3 до 24 вершковъ. Фонъ ихъ всегда желтоватобѣлый, гладкій, безъ ворса; только узоръ стриженный; надъ гладкимъ фономъ онѣ возвышается въ видѣ довольно длинноворснаго бархата. Приблизительно черезъ каждые полтора аршина узоръ мѣняется, хотя иногда и повторяется нѣсколько разъ на той же дорожкѣ; каждый узоръ отдѣляется отъ слѣдующаго поперечною полосой. Въ средней части дорожки часто находится особенно богатый и эффектный узоръ; въ кибиткѣ онѣ тогда приходится какъ разъ напротивъ входа. Самый узоръ состоитъ изъ разнообразныхъ, преимущественно геометрическихъ фигуръ, крючковъ, зубчатыхъ развѣтвляющихся острий, и полосъ. По краямъ идетъ узкій бордюръ, обыкновенно состоящій изъ заключенныхъ между двухъ узкихъ полосокъ узкаго же зигзага. Дорожка заканчивается длинной бахромой.

Существуютъ три разновидности этихъ дорожекъ: 1) совсѣмъ гладкія, въ которыхъ узоръ выдѣляется исключительно своей окраской; 2) гладкія съ шитымъ узоромъ и, наконецъ, 3) такія, гдѣ стриженный узоръ возвышается надъ фономъ.

Послѣднія особенно цѣнятся въ торговлѣ; широкія и красивыя старинныя дорожки этого сорта доходятъ цѣною до 300 р. даже на мѣстѣ. Нужно признать, что хорошіе образцы ихъ становятся все болѣе рѣдкими. Здѣсь изображена очень старая дорожка выдающейся красоты. При правильномъ освѣщеніи прелестный тонъ узоровъ на кремовомъ фонѣ въ высшей степени эффектенъ. Въ старинныхъ образцахъ цвѣтъ узоровъ обыкновенно довольно свѣтелъ, тогда какъ въ новѣйшихъ узоръ почти всегда насыщеннаго буровато-краснаго цвѣта, причемъ особенно замѣтно отсутствіе изумрудно-зеленаго цвѣта очаровательнаго оттѣнка. Здѣсь, какъ и въ рисункахъ другихъ туркменскихъ ковровъ, существуетъ много разныхъ особенностей, характерныхъ для различныхъ племенъ обширной семьи туркменовъ, особенностей, пока еще не выясненныхъ.

Упомянемъ далѣе еще различныя мелкія ковровыя издѣлія: да-уриханъ (по-русски также называется дорожкой), представляетъ собой, по сообщеніямъ С. М. Дудина, полосу гладкой красной ткани съ вытканными или вышитыми узорами; иногда такіе и другіе встрѣчаются одновременно. Этими дорожками кибитки опоясываются исключительно снаружи. Выдающійся по красотѣ образецъ такой дорожки имѣется въ собраніи Боголюбова. Издали эти дорожки совершенно похожи на ковровыя, такъ какъ по рисунку онѣ одинаковы.

Шьюни-гии — ленты, служащія у туркменовъ, по свѣдѣніямъ Н. Ф. Бурдукова, для прикрѣпленія внутри юрты верхней части ея.

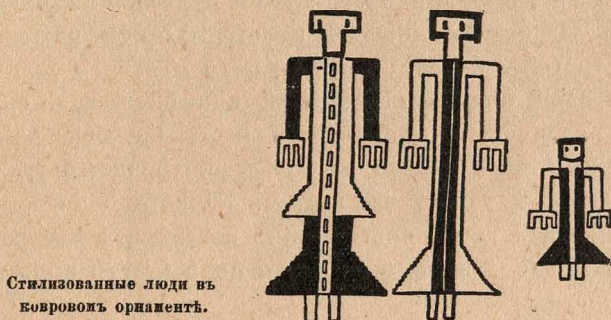
Существуетъ еще особый родъ маленькихъ туркменскихъ ковриковъ, служащихъ, по словамъ С. М. Дудина, шейнымъ украшеніемъ для

верблюдовъ. Они продолговато-четыреугольной формы и имѣютъ бахромѣ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, чего въ другихъ коврахъ никогда не бываетъ. Орнаментъ всегда такой же, какъ и на «энси». Они рѣдки, какъ и другіе мѣшкообразные предметы изъ ковровой ткани, служащіе для храненія въ пути прутьевъ переплета кибитки. Обыкновенно они сшиты съ одного конца, такъ что въ закрытомъ видѣ представляются заостренными. (Свѣдѣнія Н. Ф. Бурдукова).

Бохча (по туркменски) и гоплухъ (по персидски) называется мѣшкообразный футляръ для одежды и для кибиточныхъ покрововъ, напоминающій конвертъ. Большая рѣдкость и встрѣчается лишь у очень зажиточныхъ туркменовъ; снаружи ковровая ткань, внутри подкладка изъ простой грубой шерстяной матеріи. (Сообщено Н. Ф. Бурдуковымъ).

Похожи на нихъ, но круглой формы, мѣшки для одежды и одѣялъ, открытые сверху; стягиваются они завязкой; они рѣдки и обыкновенно состоятъ изъ гладкой ткани.

Агибъ — бѣлые войлочные ковры съ разноцвѣтными цвѣтами; такой коверъ покрываетъ сверху всю кибитку и служитъ ей потолкомъ. По свѣдѣніямъ Соколова, приведенное названіе они носятъ у іомудовъ.

Стилизированные люди въ ковровомъ орнаментѣ.

Figures humaines stylisées.

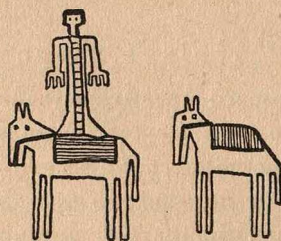
III. Матеріалъ ковровъ.

Матеріаломъ, изъ котораго преимущественно выдѣлываются ковры въ Средней Азіи, служитъ овечья шерсть. Качественно она бываетъ весьма разнообразна, такъ какъ характеръ ея, въ зависимости отъ климата мѣстности, гдѣ разводятся овцы, подверженъ большимъ измѣненіямъ, даже у животныхъ одной породы. Климатъ и питаніе — два фактора, оказывающіе вліяніе даже на окраску шерсти. Одной изъ мѣстностей, производящей наиболѣе тонкую шерсть во всей Азіи, является Восточный Туркестанъ и отсюда этотъ цѣнный товаръ вывозится далеко въ другія страны коврового производства. Въ Индіи эта привозная туркестанская шерсть носитъ названіе «путь» или «пашимъ». Это короткій, тонкій пухъ или подшерстокъ, вырастающій подъ грубой и длинной шерстью; его снимаютъ весной, называется онъ также «куркъ», а выдѣланный изъ него ткани часто бываютъ мягче и нѣжнѣе шелковыхъ. Уже съ давнишнихъ временъ шерсть является на ряду съ хлопкомъ важнѣйшимъ предметомъ вывоза Бухары. Для отдѣлки шерсти ее обыкновенно подвергаютъ промывкѣ съ истолченными въ порошокъ корнями растенія *Acantophyllum Squarrosum*, — по персидски «хубэ» или «хубекъ», — а

затѣмъ прокуриваютъ сѣрой. Чѣмъ тщательнѣй производится расческа и крученіе шерсти, тѣмъ тоньше получаемая ткань. Промывка производится исключительно въ проточной водѣ, причемъ предпочитается ключевая, вытекающая изъ горъ вулканическаго происхожденія, такъ какъ такая вода тепла и мягка. Затѣмъ шерсть сортируется, вторично моется и вытягивается въ равномерныя приди, изъ которыхъ уже готовится пряжа: сильнѣе крученая двухпридная идетъ на основу ковровъ, а болѣе тонкая на ворсѣ.

Вся Бухара и весь Туркестанъ кишатъ стадами овецъ. Овцы эти принадлежатъ къ курдючному виду, причемъ представляютъ какъ бы породу переходную отъ курдючной къ безкурдючной, обыкновенной овцѣ. Несмотря на полное отсутствіе ухода, шерсть этихъ овецъ необыкновенно тонка, курчава и мягка. Робинсонъ указываетъ, что узбеки пользуются также шерстью дикаго горнаго барана — аргали (архаръ); она даетъ буровато-сѣрую пряжу и вытканые изъ нея ковры отличаются великолѣпнымъ отблескомъ. Пожалуй, это указаніе справедливо, такъ какъ цвѣтъ основной пряжи узбекскихъ и нѣкоторыхъ афганскихъ ковровъ буровато-сѣрый.

Хлопчатая бумага въ ковровомъ производствѣ примѣняется очень рѣдко и служитъ лишь для основы; лишь въ нѣкоторыхъ туркменскихъ коврахъ пользуются бумагой для небольшихъ бѣлыхъ мѣстъ въ узорѣ, такъ какъ даетъ особо яркій бѣлый цвѣтъ, шелкъ примѣняется въ еще болѣе ограниченномъ количествѣ въ западной части Средней Азіи; туркмены пользуются имъ тоже только для небольшихъ частей узора и никогда не ткутъ ковровъ только изъ шелка. Напротивъ того, на востокѣ — Кашгаръ, Хотанъ и т. д. — киргизы имъ пользуются довольно обильно, получая шелкъ изъ западнаго Китая, о нихъ будетъ рѣчь во второй части нашего очерка.

Стилизованныя лошади въ ковровомъ орнаментѣ.

Figures de chevaux stylisées.

IV. Окраска.

Весьма важная роль въ ковровомъ производствѣ принадлежитъ окраскѣ. По справедливому замѣчанію Хирта, «окраска безсознательно захватываетъ глубину нашего существа; человѣку съ воспримчивымъ глазомъ она такъ же необходима, какъ воздухъ, какъ тепло и пища, тогда какъ форма является въ нѣкоторомъ родѣ продуктомъ интеллекта. Краски воспринимаются чувствами, форма же требуетъ пониманія». Краски, такимъ образомъ, являются необходимымъ условіемъ всякаго декоративнаго искусства. Для красоты ковровъ поэтому яркость, интенсивность, чистота, а также и прочность красокъ являются важнѣйшимъ условіемъ. Красотой своей среднеазиатскіе, какъ и вообще восточные, ковры

обязаны именно тому обстоятельству, что съ давнихъ временъ для ихъ окраски примѣнялись исключительно растительныя краски. Въ настоящее время это, къ сожалѣнію, измѣнилось къ худшему. Своеобразная мягкость оттѣнка, приобретаемая шерстью отъ этихъ красокъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что во всѣхъ старинныхъ восточныхъ коврахъ шерсть поступала въ окраску не обезжиренная, и такимъ образомъ собственный ея мягкій золотистый жирный блескъ сохраняется и сквозитъ чрезъ всякую окраску. По этой причинѣ бѣлый цвѣтъ въ коврахъ всегда имѣетъ желтовато-сѣроватый оттѣнокъ и нѣкоторые туркменскія племена примѣняютъ бумажную пряжу въ тѣхъ случаяхъ, когда для узора требуется яркій бѣлый цвѣтъ.

Къ Средней Азіи, какъ и въ Персіи, правильныя свѣдѣнія о подробностяхъ крашенія получить очень трудно. И туземцы, и европейцы соблюдаютъ на этотъ счетъ ревнивое молчаніе. Обычное явленіе, что развѣ истощился запасъ какой нибудь краски, ея негдѣ достать и приходится подбирать оттѣнки, лишь по возможности близкіе къ тѣмъ, что имѣются уже въ начатой работѣ. Это вполне понятно, въ виду весьма примитивнаго состоянія красильнаго дѣла и невозможности заготовки значительныхъ запасовъ, въ то время, какъ изготовленіе ковра тянется мѣсяцы и даже годы. Поэтому мы часто встрѣчаемъ на коврахъ цѣлыя полосы или части иного оттѣнка. Шуркмены, киргизы и узбеки обыкновенно сами производятъ окраску шерсти; бываетъ, что они сами же готовятъ ту или иную краску для собственныхъ нуждъ, но главную массу красокъ они получаютъ изъ Персіи, гдѣ нѣкогда преимущественно въ рукахъ евреевъ находилась торговля красящими веществами. Съ давнихъ поръ Персія являлась главнымъ источникомъ послѣднихъ и тамъ существуетъ для нихъ богатая номенклатура. Уже въ «1001 ночи» упоминаются большія красильни во многихъ персидскихъ городахъ подъ названіемъ «масбагъ», обычно изготовлявшія лишь одну опредѣленную краску.

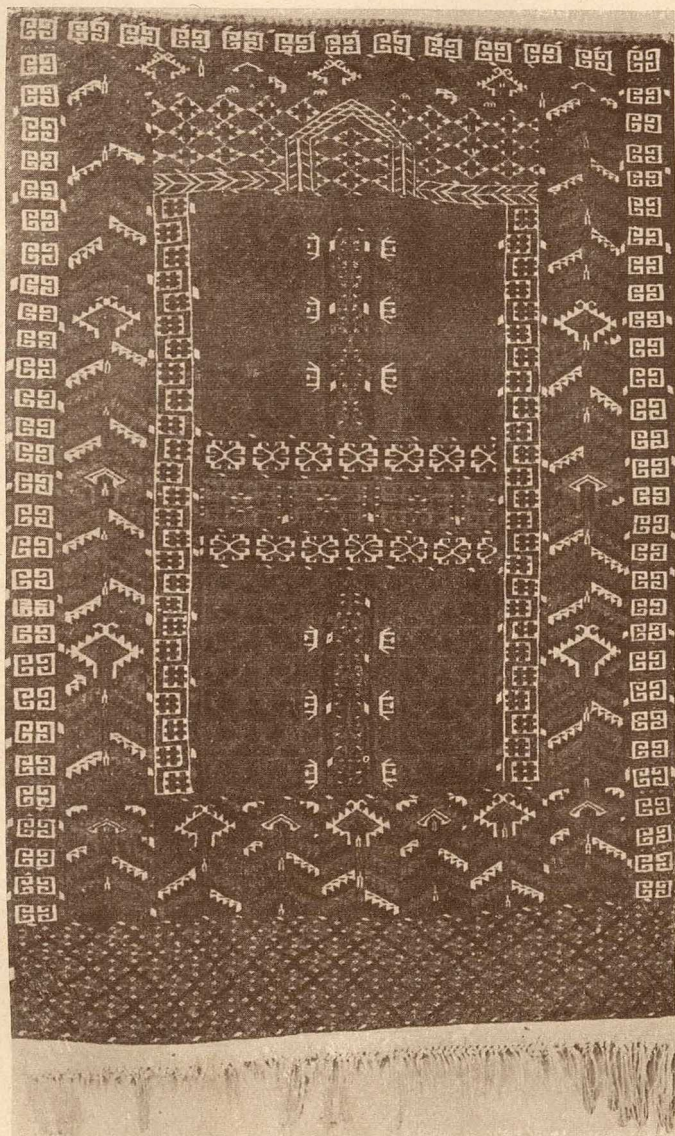
Къ сожалѣнію, лѣтъ двадцать тому назадъ германскія и французскія анилиновыя краски проникли въ Среднюю Азію и чуть ли не окончательно погубили ковровое производство. При помощи комиссіонеровъ по всему Востоку, какъ зараза, распространились дешевыя, яркія, легко и ровно красящія химическія краски, а къ тому еще наше правительство обложило высокой пошлиной ввозъ натуральныхъ красокъ изъ Персіи. О послѣдствіяхъ этого не заботились, а можетъ быть и не догадывались, что эта мѣра можетъ принести ущербъ ковровому производству; во всякомъ случаѣ, спохватились когда уже было поздно. Результаты весьма печальны: во первыхъ, искусственныя краски выцвѣтаютъ и измѣняются въ оттѣнкѣ; во вторыхъ, онѣ разрушительно дѣйствуютъ на шерсть. Однако, въ настоящее время туземцы такъ привыкли къ нимъ и къ дешевизнѣ ихъ, что даже при большомъ стараніи врядъ ли удастся ихъ отучить отъ этой «фальсификаціи окраски», какъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ выразиться.

Остановимся теперь вкратцѣ на старинныхъ натуральныхъ краскахъ Востока. Изъ кислотъ въ красильномъ дѣлѣ примѣнялись лимонная и сѣрная, изъ щелочныхъ реагентовъ — особенно для пурпура — моча. До крашенія шерсть предварительно выдерживалась въ известковой водѣ

и въ краску пускалась не рыхлая шерсть, а готовая пряжа. Желѣзный купоросъ, извѣстный уже въ древности, и квасцы, добывавшіеся въ Месопотаміи уже въ X в., являлись важнѣйшими протравами.

Красный цвѣтъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ гаммѣ красокъ среднеазиатскихъ ковровъ; онъ встрѣчается во всѣхъ оттѣнкахъ, начиная съ чисто-краснаго до темно-бурыхъ тоновъ, особенно излюбленныхъ и среди туркменовъ; важнѣйшимъ краснымъ красящимъ веществомъ является драгоцѣнное «соссимъ» (кермесъ). До недавняго времени въ литературѣ имѣлось о немъ много невѣрныхъ свѣдѣній; насколько намъ извѣстно, Карабачекъ впервые далъ полныя и достовѣрныя данныя объ этомъ веществѣ. Древніе считали его растительнаго происхожденія; на самомъ же дѣлѣ это кермесъ или дубовый червецъ (*cossus ilicis*), насѣкомое шарообразной формы и фіолетово-чернаго цвѣта. Живутъ эти червцы массами на листьяхъ одного вида дуба; ихъ собираютъ, убиваютъ и сушатъ. Уже въ древности это красящее вещество имѣло важное значеніе и употребленіе его распространилось по всему Востоку; только имъ и пользовались до появленія американской кошенили. Красящее вещество дубовыхъ червецовъ, называемое иногда ненастоящей кошенилью, даетъ болѣе прочную окраску, чѣмъ настоящая кошениль, но зато уступаетъ ей по красотѣ окраски. Кошениль, которая впервые ввезена въ Малую Азію въ 1840 г. изъ Марсели и затѣмъ распространилась въ Персію и далѣе, давно уже успѣла вытѣснить въ Европѣ, гдѣ она появилась въ 1526 г., краску кермесовыхъ червецовъ. Кошениль также принадлежитъ къ семейству червецовъ и даетъ великолѣпную краску для красныхъ и фіолетовыхъ тоновъ. Другимъ матеріаломъ для полученія краснаго окрашиванія служатъ корни нѣсколькихъ видовъ растений изъ семейства мареновыхъ, «губія», извѣстныя подъ названіемъ крапа или марены. Корни марены собираютъ на второй и на третій годъ послѣ посадки отводокъ; длиною они сантиметровъ 20—30, покрыты красно-бурой, морщинистой корой, въ разрѣзѣ корень желто-краснаго цвѣта. Корни сушатся и размалываются и въ видѣ порошка поступаютъ въ продажу. Порошокъ нужно тщательно охранять отъ дѣйствія воздуха и свѣта, такъ какъ иначе онъ быстро портится. Марена является важнымъ предметомъ торговли по всему Востоку и была извѣстна уже въ древности; у Плинія она называется «Rubia». Большія количества марены производятъ Малая Азія и Сирія. Она даетъ весьма прочную и нелиняющую окраску. Для желтовато-красныхъ тоновъ прибавляютъ куркумы. Наконецъ, слѣдуетъ здѣсь же упомянуть о растеніи, которое даетъ матеріалъ для окрашиванья въ четыре разныхъ цвѣта: въ красный, зеленый, желтый и коричневый. Этимъ матеріаломъ являются плоды крушины (*gammus tinctoria*); ея различныя породы водятся въ Персіи, Средней Азіи и Китаѣ. Плоды крушины, величиной съ горошину, сушатся и размалываются въ порошокъ; съ ручными протравами незрѣлые плоды окрашиваютъ въ желтый цвѣтъ, зрѣлые — въ красивый зеленый (сочная зелень), а перезрѣлые — въ свѣтло-красный; кромѣ того кора вѣтвей употребляется для полученія желтыхъ и коричневыхъ тоновъ.

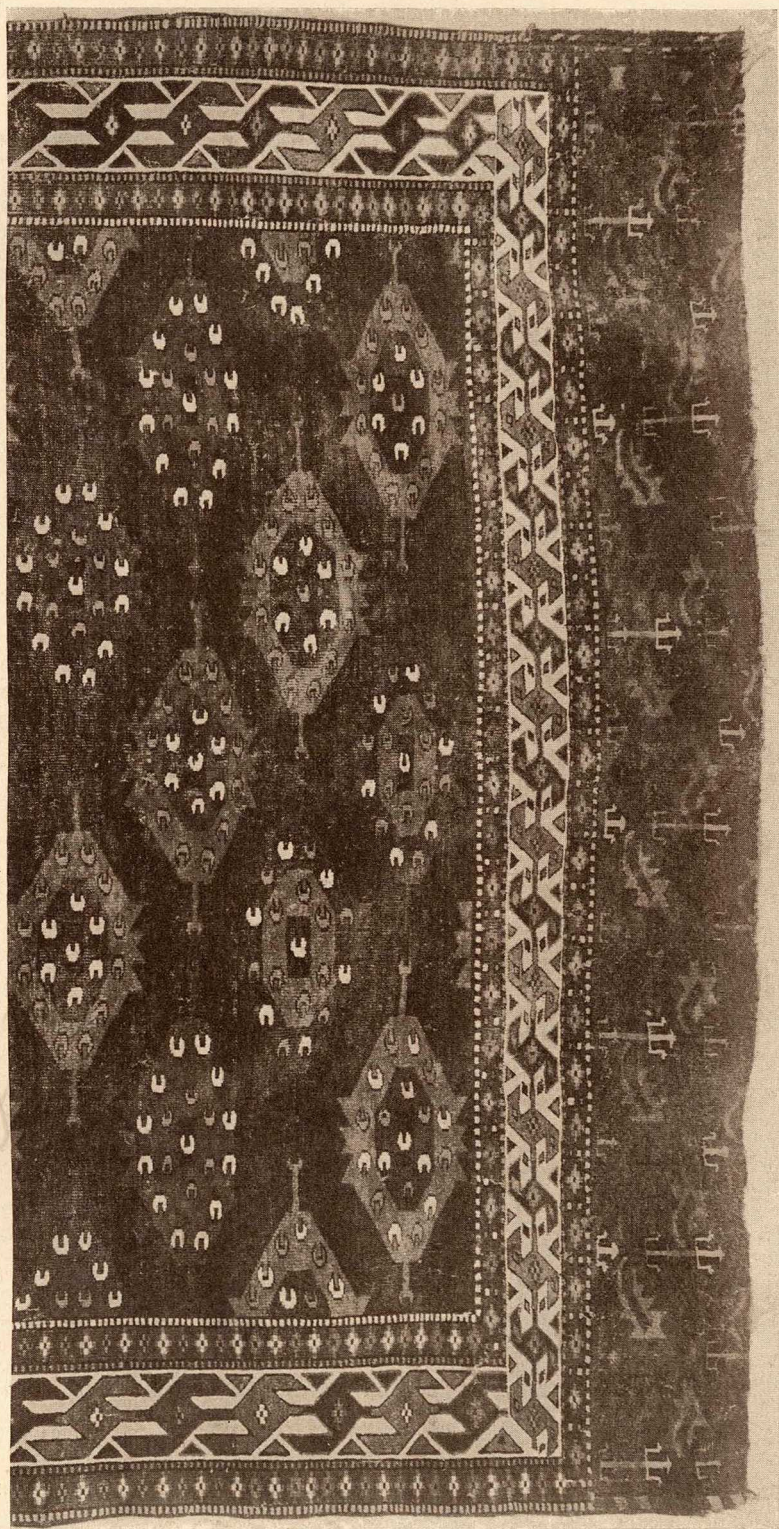
Для полученія синяго цвѣта по всему Востоку пользуются, главнымъ и почти исключительнымъ образомъ, индиго. Индиговые растенія,

Иомудскій намазлыкъ.
Tapis de prières iomoude (namazlyk).

Большой южудскій коверъ (деталь).
Détail d'un grand tapis iououde.

Большой йомудский ковер XVII или XVIII в. (деталь).
Détail d'un grand tapis iomoude (XVII-e ou XVIII-e s.).

Юмудскій „энси“.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis iomoude „ennsi“.
(Musée Russe Alexandre III).

которыхъ насчитывается до 250 видовъ, представляютъ собой кустарники и относятся къ семейству бобовыхъ (*leguminosae*). Красящее вещество изъ нихъ добывается такимъ образомъ, что срѣзанныя въ цвѣту растенія предають броженію въ чанахъ съ водой. Жидкость затѣмъ перемѣшиваютъ, осѣвшій индиго собираютъ и сушатъ. Въ продажу онъ поступаетъ въ видѣ кубиковъ или плитокъ. Чѣмъ сильнѣе металлическій блескъ такого куска, получающійся при треніи, тѣмъ лучшаго онъ качества. Индиго не имѣетъ ни запаха, ни вкуса, не ядовитъ и не растворимъ ни въ одномъ изъ обычныхъ растворителей. Уже въ древности это превосходное красящее вещество было извѣстно; евреи съ древнѣйшихъ временъ занимались его культурой и еще въ 1320 г. разводили его въ окрестностяхъ Іерихона. Плинію было извѣстно, что вещество это привозится изъ Индіи, а арабы называютъ его индостанскимъ словомъ «nil» — синій; Марко Поло описываетъ приготовленіе его въ Азіи. Очень темные синіе тона получаются, если шерсть, предварительно окрашенную мареной, обработать затѣмъ въ индиговой ваннѣ. Приемы окраски индиговой синью, различные въ разныхъ мѣстностяхъ, всюду хранятся въ тайнѣ, какъ драгоцѣнный секретъ.

Красивые желтые тона среднеазіатскіе красильщики добываютъ разными способами. Чаще всего употребляется для этой цѣли корень куркумы (*curcuma longa*). Въ Китаѣ, а также въ Яркандѣ, Хотанѣ и Кашгарѣ, для крашенія въ желтый цвѣтъ, преимущественно шелка, примѣняютъ цвѣточные почки растенія *sorhoga japonica*, однако обыкновенно еще примѣшиваютъ къ нимъ куркумы, такъ какъ иначе краска легко блекнетъ и выцвѣтаетъ. Очень часто пользуются и ягодами крушины, причемъ очень яркіе желтые тона получаются съ квасцовой и оловянной протравами. Другой оттѣнокъ получается изъ листьевъ винограда, а лимонно-желтые тона — при помощи «isperak» и «zerdtschube», послѣ вымочки шерсти въ известковой водѣ. «Isperak» (идетъ въ индійской торговлѣ подъ названіемъ «sragak» или «isparik», называется въ Персіи *gul-i-zalil*) представляетъ собой содержащее красящее вещество измельченные цвѣточные стебли растенія *delphinium camptocarpum* (живокость) изъ семейства лютиковыхъ; производится онъ главнымъ образомъ въ сѣверной Персіи, гдѣ туркмены и прочія племена западной части Среднеазіатской области пріобрѣтаютъ его путемъ мѣновой торговли. На Кавказѣ эта краска также примѣняется часто, но, какъ это ни странно, ею никогда не пользуются въ Малой Азіи.

Зеленые тона получаютъ различнымъ образомъ: во первыхъ, съ помощью крушинныхъ ягодъ и куркумы вмѣстѣ съ индиго. Для болѣе свѣтлыхъ зеленыхъ и голубовато-зеленыхъ тоновъ (цвѣта морской воды) обрабатываютъ мѣдныя опилки кислымъ молокомъ, или уксусомъ, или же кислымъ винограднымъ сокомъ; получается весьма прочная окраска. Изумрудный оттѣнокъ въ отличающихся своимъ шелковистымъ блескомъ яркендскихъ и тибетскихъ коврахъ достигается, по словамъ Робинсона, окраской шерсти съ помощью «персидскихъ» ягодъ послѣ предварительной индиговой подкраски.

Бѣлый цвѣтъ получается отбѣлкой шерсти известковой водой, кремовый же съ помощью гранатовой шелухи безъ квасцовой протравы.

Фиолетовые тона получаютъ изъ крапа съ желѣзнымъ купоросомъ, съ квасцовой протравой, или же изъ крапа съ кислымъ винограднымъ сокомъ, небольшого количества молока и известковой воды.

Для стальныхъ тоновъ употребляютъ крапъ, сѣрнистое желѣзо, квасцы и прибавляютъ сюда «gul-i-beneh» (*pistacia acuminata*), сушеной шелухи гранатовой, орѣховой скорлупы и т. п.

Чернильные орѣшки, два разныхъ сорта которыхъ привозятъ изъ Месопотаміи (Мосуль), Сиріи, Курдистана и Китая, также играютъ важную роль въ красильномъ дѣлѣ для полученія черныхъ и сѣрыхъ, или, вмѣстѣ съ крапомъ или желтыми красками, для темныхъ тоновъ.

Черная краска получается изъ смѣси желѣзныхъ опилокъ съ гранатной шелухой при обработкѣ уксуcomъ, квасцами или сѣрной кислотой. Весьма прочная коричневая краска дѣлается изъ крапа, квасцовъ и желѣзнаго купороса.

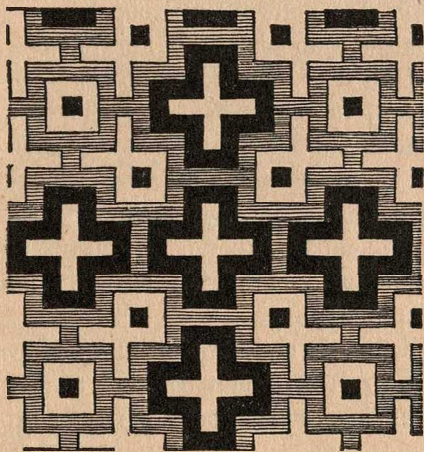
Стилизованные бараны въ ковровомъ орнаментѣ.
Figures de moutons stylisées.

V. Орнаментъ.

Въ каждомъ человѣкѣ живетъ «нѣчто», что вызываетъ въ немъ удовлетвореніе предѣлностью формъ, но что мы не можемъ опредѣлить словами. Это «нѣчто» — тѣ непрешедшія порога сознанія ощущенія, воспоминанія о событіяхъ, о видѣнномъ, пережитомъ и пережитомъ, быть можетъ даже атактистическія. Эти несознанныя воспоминанія подѣ влияніемъ опредѣленныхъ формъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ, переходятъ въ душевныя эмоціи, вызывающія въ насъ пріятныя или непріятныя ощущенія. Въ большинствѣ случаевъ подобныя впечатлѣнія чисто индивидуальнаго, чисто личнаго характера, однако, возможно, что часто они въ зависимости отъ расы, отъ крови, вызываютъ въ насъ болѣе или менѣе тождественныя ощущенія. Область такихъ комбинацій весьма обширна и безконечно число оттѣнковъ разнообразныхъ ощущеній, производимыхъ краской и линіей. Почему намъ нравятся мягкія, гармоническія, волнообразныя линіи? не потому ли, что онѣ вызываютъ въ насъ безсознательныя мысли о рожденіи формъ, здоровьѣ и жизни, о благополучіи, о нѣжномъ и пріятномъ? строгое линейное расположеніе не напоминаетъ ли о силѣ и крѣпости? зубчатые, прерывистые, измѣнчивыя линіи не отождествляются ли невольнo съ чѣмъ то задорнымъ, легкимъ, бодрымъ и радостнымъ? Всѣ эти моменты, конечно, не переступаютъ порога сознанія, но совокупность ихъ создаетъ въ насъ то, что называется настроеніемъ, пріятное или непріятное, со всѣми оттѣнками отъ радости до страха, отъ умиленія до отвращенія. Всѣ эти

моменты, въ сочетаніи вліянія линій и красокъ, не находятъ, пожалуй, нигдѣ въ области искусства такого полного выраженія, какъ именно въ плоскомъ орнаментѣ, въ узорѣ — повторяющемся орнаментѣ, — слѣдовательно, и въ области ковроваго производства.

Во всѣхъ среднеазиатскихъ коврахъ въ большей или меньшей степени выраженъ характеръ кочевничьяго ковра, въ которомъ мы въ первую очередь отмѣчаемъ мотивы, обусловливаемые самой техникой выдѣлки его: параллельныя граблеобразныя линіи, косыя полосы съ острыми углами, ступенчатыя фигуры, треугольники и четырехугольники, зубчатые и безъ зубцовъ. Особенно бросается въ глаза способность къ безконечнымъ варіаціямъ, благодаря которой невозможно, кажется, найти пару совершенно одинаковыхъ ковровъ; причина этого кроется въ очень небольшомъ запасѣ основныхъ орнаментальныхъ формъ; часто она объясняется и разнообразіемъ окраски. Это ясно видно на прилагаемыхъ образцахъ узоровъ. На первый взглядъ они всѣ кажутся разными, на самомъ же дѣлѣ узоръ всюду одинъ и тотъ же и лишь различная окраска его, выдвигая различныя части узора, производитъ самые разнообразные эффекты.

Образцы различнаго впечатлѣнія, получаемого отъ того же узора въ зависимости отъ различной расцвѣтки.

Deux exemples des différentes impressions produites par les différentes colorations d'un même dessin.

Въ нашихъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло лишь съ чернымъ и бѣлымъ цвѣтами, при наличіи же 5—7 цвѣтовъ число возможныхъ варіацій возрастаетъ весьма значительно. Просто изумительно, какое множество узоровъ содержится часто въ одномъ линейномъ узорѣ, смотря по тому, какъ мы воспринимаемъ игру линій, ихъ направленія, соединенія и расхожденія, пересѣченія и развѣтвленія, и смотря по тому, обращаемъ ли мы вниманіе на извѣстную пластичность узора или лишь на чередованіе и сочетаніе темнаго и свѣтлаго. Однако, каждый изъ этихъ узоровъ производитъ на зрителя особое впечатлѣніе, вызываетъ извѣстное настроеніе, извѣстное воспоминаніе, воспринимается имъ безсознательно, какъ бы въ видѣ нѣкотораго аккорда, затрагивающаго опредѣленныя вполне

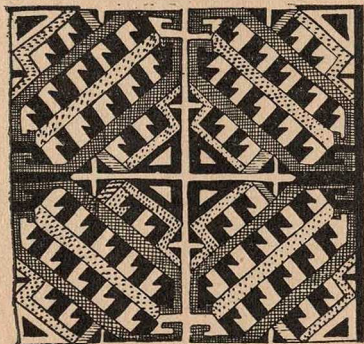
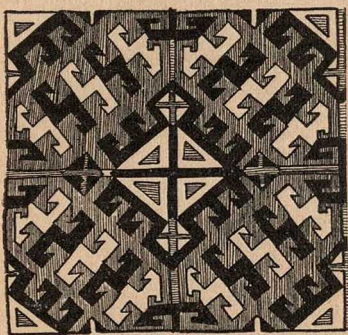
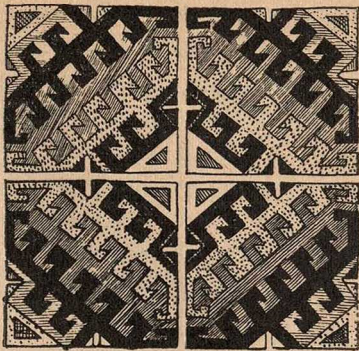
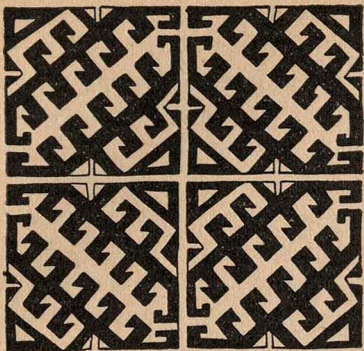
индивидуальныя струны его внутренняго «я». Это совмѣщеніе множества узоровъ въ одномъ выступаетъ особенно ясно, какъ только появляется окраска, которая какъ бы направляетъ нашъ глазъ по опредѣленнымъ линіямъ, а кромѣ того и сама, въ свою очередь, вызываетъ въ насъ тѣ или инныя ощущенія.

Если мы и признаемъ, что орнаментика всѣхъ «кочевничьихъ» ковровъ опредѣляется въ первую очередь не условнымъ національнымъ стилемъ, а непосредственно матеріаломъ, техникой и назначеніемъ, то все же не слѣдуетъ забывать, что эти орнаменты у разныхъ племенъ и народовъ совершенно различны по характеру и часто какъ національныя, такъ и индивидуальныя особенности находятъ свое выраженіе въ рисункѣ и окраскѣ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти узоры несомнѣнно весьма древняго происхожденія. Совершенно неправъ Ригль, который видитъ въ орнаментѣ кочевничьихъ ковровъ лишь ничего незначащія сочетанія линій или въ крайнемъ случаѣ наивныя копіи формъ въ природѣ. Если и не всегда въ этихъ линіяхъ кроется опредѣленное значеніе, то все же всегда отражаются мѣстныя особенности, служащія проявленіемъ національнаго и мѣстнаго вкуса. А такъ какъ на ряду съ такими чисто линейными мотивами мы всюду встрѣчаемъ и мотивы изъ растительнаго и животнаго міровъ, или фигурныя изображенія — правда, ихъ стилизація и искаженія доходятъ до крайнихъ предѣловъ — то мы въ правѣ признать, что символизмъ и религія легли въ основаніе первыхъ узоровъ, какъ на всемъ Востокѣ, такъ и здѣсь. Формы растений, животныхъ и человѣка уже въ очень раннее время были сведены къ геометрическимъ (ср. рисунки). Это вовсе не всегда вызвано необходимостью, какъ результатъ творческаго безсилія; наоборотъ, въ нихъ часто проглядываетъ опредѣленная, намѣренная линейная схематизація фигуръ, а нерѣдко геометрический орнаментъ является сознательной комбинаціей линій по законамъ симметріи и ритма.

Этотъ процессъ приведенія къ линейнымъ формамъ, выливающейся часто въ стилизацію, естественно долженъ былъ проявиться въ области символовъ. Съ начала міра, всякому религіозному символу суждено становится декоративнымъ мотивомъ. Продолжительное примѣненіе символа, ставшая стереотипной наружная форма его, исполненіе его изъ разнаго матеріала, — все это дѣлало его близкимъ и роднымъ человѣку. Поэтому символы по необходимости должны были сыграть извѣстную роль и въ области ковроваго производства Азіи.

Но такъ же достовѣрно и то, что — особенно при частыхъ измѣненіяхъ, которымъ съ теченіемъ времени постоянно подвергался какой нибудь орнаментъ, искажавшихъ его часто до неузнаваемости — совершенно утрачивалось первоначальное символическое значеніе его.

Изъ растительныхъ формъ въ средне-азиатскій орнаментъ вошли, главнымъ образомъ, древо жизни (*thuja*), гранатникъ, кипарисъ, финиковая пальма, лотосъ, тюльпанъ, роза и многіе другіе мелкіе цвѣты. Изъ животныхъ формъ встрѣчаются драконъ, левъ, козерогъ овца, коза, лошадь, верблюдъ, многія птицы и даже насѣкомыя, напримѣръ, бабочки и жуки. Человѣческія фигуры, правда, рѣдко, но все же попадаются. Изъ неодушевленныхъ предметовъ назовемъ: свастику, якорь,

Образцы различного впечатлѣнія, получаемаго
отъ того же узора въ зависимости отъ различ-
ной расцвѣтки.

Quelques exemples des différentes impressions
produites par les différentes colorations d'un
même dessin.

михрабъ, лампаду, также музыкальные инструменты, напримѣръ, нося-
щій у туркменовъ названіе «гопузъ», у киргизовъ «каузъ», инстру-
ментъ встрѣчающійся также у самоѣдовъ и остяковъ и т. п., а затѣмъ
цѣлый рядъ отчасти геральдическихъ знаковъ, называемыхъ «тамга» и
представляющихъ собой наслѣственный знакъ отдѣльных семей и
племенъ или даже отдѣльных лицъ. Какъ разъ въ Средней Азіи тамги
играли значительную роль. Намъ, напримѣръ, извѣстно, что тамга Чин-
гисъ-хана имѣла форму вродѣ Андреевскаго креста. Тамга одного изъ
потомковъ его, киргизскаго султана и хана Букея, «Государя Малой орды»,
названной по его имени «Букейской ордой», имѣла сходство съ буквой М;
этотъ знакъ сохранился въ гербѣ потомковъ его, ведущихъ свою линію
отъ киргизскаго хана Абулъ-Хаира, принявшаго въ 1717 г. русское поддан-
ство. * Но среднеазиатской орнаментикѣ уже въ очень раннее время не
чужды были и болѣе сложные символы. Клавихо въ 1403 г. пишетъ, что
видѣлъ на порталѣ Шимурова дворца въ Кешѣ изображеніе льва, лежа-
щаго на солнцѣ, то есть нынѣшній персидскій государственный гербъ.
Онъ называетъ его гербомъ князей Самаркандскихъ. Гербъ Шимура — его
тамгу — онъ описываетъ, какъ состоящій изъ трехъ эллипсовъ, двухъ
горизонтальныхъ на одномъ вертикальномъ (рис. на стр. 88), чѣмъ указы-
валось на владычество его надъ тремя частями міра. Далѣе Клавихо раз-

* П. Н. Петровъ: Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886.

сказываетъ: «этотъ гербъ онъ велитъ чеканить на монетѣ, помѣчать имъ всѣ предметы, изготовленные по его приказанію. Эти круги находятся также на его государственной печати и онъ велѣлъ народамъ, платящимъ ему дань, также чеканить этотъ знакъ на своей монетѣ». Отсюда можно заключить, что несомнѣнно существовали ковры и ткани съ изображеніемъ этого знака.

Другую группу символическихъ знаковъ составляютъ весьма древнія формы, заимствованныя изъ китайскаго культа; сюда относятся китайскій драконъ, фениксъ, рыбы, летучая мышь, жемчужина, «звучащій камень», зонтикъ, раковина, облака, водяная лилія и проч. Рядъ примѣровъ указанныхъ элементовъ орнамента мы помѣстили въ настоящей статьѣ въ видѣ небольшихъ рисунковъ.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ народностямъ, ткущимъ ковры въ Средней Азіи.

Тамга Тимурлана.
„Tamgha“ — signe héraldique de Tamerlan.

V. Туркмены.

Въ обычаи азіатскихъ деспотовъ (въ частности Шамерлана) входило принудительное переселеніе покоренныхъ народовъ и племенъ съ одного мѣста на другое, гдѣ ихъ уже разселяли большими группами, какъ колонистовъ. Дѣлалось это, съ одной стороны, съ цѣлью окончательнаго усмиренія ихъ — прибрать ихъ поближе къ рукамъ; и дѣйствительно, вдали отъ родины, въ новой обстановкѣ, они надолго теряли возможность проявленія непокорства; съ другой стороны, имѣлось въ виду созданіе оплотовъ въ иныхъ неполнѣ надежныхъ областяхъ и, наконецъ, преслѣдовалось желаніе насадить новыя отрасли производства и промышленности въ разныхъ мѣстахъ по собственному произволу. Весь Востокъ представляетъ безчисленное множество примѣровъ того, какъ цѣлыя округа такимъ путемъ совершенно мѣняли свою фیزیономію. Мы видимъ, какъ отдѣльныя мѣстности временами пышно расцвѣтаютъ, благодаря новшествамъ въ области земледѣлія или возникновенію новыхъ отраслей промышленности, становятся центрами производства и вывоза товаровъ, считавшихся рѣдкостью. Шакъ эта смѣна упадка и расцвѣта тянется на протяженіи многихъ вѣковъ. Шелководство, хлопководство, разведеніе льна и конопли, культура красивыхъ растений, все это такъ же часто пересаживается съ мѣста на мѣсто, какъ и разныя ремесла и производства: гончарное, ткацкое, ковровое, оружейное, кожевенное. Нѣкоторые города и области приходятъ въ совершенный упадокъ, другіе пышно расцвѣтаютъ, чтобы подчасъ такъ же внезапно испытать на себѣ поворотъ судьбы, въ зависимости отъ каприза или военнаго счастья своего правителя. Переселенныя такимъ образомъ племена лишь въ рѣдкихъ случаяхъ теряли свою само-

бытность. Пришельцы не могли слиться съ осѣвшимъ уже ранѣе въ этой мѣстности населеніемъ; если они были сильны численностью, то уже необходимость заставляла ихъ охранять свою этнографическую самобытность, такъ какъ иначе имъ, придавленнымъ тяжелымъ ярмомъ побѣдителей, грозила окончательная гибель какъ племени и паденіе до степени безправныхъ и презираемыхъ чужеземцевъ. Этимъ и объясняется возможность такого близкаго сосѣдскаго сожительства столькихъ разнообразныхъ племенъ, сохранившихъ тѣмъ не менѣе свою самобытность, какія мы видимъ въ Шуркестанѣ, Иранѣ, Афганистанѣ, Персіи, отчасти въ Малой Азіи, на Кавказѣ, въ Индіи и другихъ странахъ Востока.

Вторымъ достаточно важнымъ моментомъ въ этомъ вопросѣ на Востокѣ является гаремный укладъ, изъ за котораго сохраненіе расовой чистоты было немислимо. Женщины покоренныхъ сосѣдей или далекихъ племенъ, побѣжденных во время походовъ и набѣговъ, поступали, какъ цѣнная добыча, въ гаремы и кибитки побѣдителей. Вѣками шла торговля женщинами съ сѣвернаго и восточнаго побережья Чернаго моря въ Малую Азію, Месопотамію, Сирію, Персію и пр. Это были женщины совсѣмъ иныхъ расъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ жителями тѣхъ странъ, куда онѣ попадали въ качествѣ товара и гдѣ становились матерями. Назовемъ въ частности черкешенокъ (Адигѣ), абхазокъ, грузинокъ, имеретинокъ и т. д. Представимъ себѣ далѣе, что такое положеніе дѣлъ тянулось вѣками и имѣло мѣсто по всему Востоку. Стоитъ только просмотрѣть длинный рядъ женъ (имена и происхожденіе которыхъ нерѣдко извѣстны) всѣхъ правителей изъ большихъ азіатскихъ и вообще магометанскихъ династій, какими являются, на примѣръ, Саманиды (874 — 999) въ за-Амударьинскомъ краѣ и Персіи, Сельджуки (1037 — 1300) въ Персіи, Сиріи и Малой Азіи, султаны Мамелюки въ Египтѣ, монгольскіе Гулакиды, Шимуриды, Крымскіе ханы и индійскіе цари, и мы увидимъ, что среди всей этой аристократіи не найти ни одного вполне чистокровнаго представителя націи или племени, къ которымъ онѣ принадлежалъ. Въ широкой массѣ народа такія, правда безусловно невыполнимыя, изысканія хоть и не дали бы столь поразительныхъ результатовъ, но все же значеніе этого момента нельзя отрицать и имъ подкрѣпляется наше убѣжденіе, что обитатели Востока представляютъ собою народы весьма смѣшанной крови.

Подобное смѣшеніе расъ имѣетъ и для темы нашего очерка далеко немаловажное значеніе, ввиду того, что оно по необходимости влечетъ за собой и смѣшеніе вкусовъ, а это въ свою очередь должно проявиться въ художественной промышленности. Къ тому же, вкусъ не есть исключительно результатъ воспитанія, а несомнѣнно стоитъ въ зависимости и отъ несознанныхъ атавистическихъ воспоминаній.

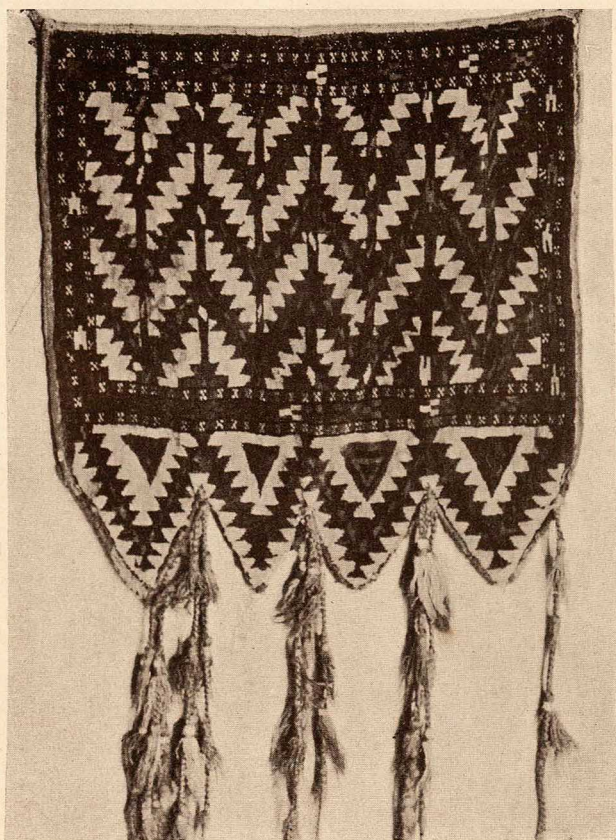
Шуркмены принадлежатъ къ тюркскому племени и родственны туркамъ въ сѣверной Персіи, Закавказьѣ и самой Шурдіи. Шипъ ихъ измѣнчивый; монгольскій типъ встрѣчается среди нихъ такъ же часто, какъ и типъ, не отличающій ихъ отъ западныхъ аріидцевъ. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ сильной примѣси чужой крови, которая вносится частыми браками съ персіанками и курдками. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что женщины, происходящія отъ

такихъ смѣшанныхъ браковъ, сохраняютъ въ большей чистотѣ отцовскій типъ, отчего среди нихъ арійскій типъ почти вовсе не встрѣчается. Дѣти, родившіяся отъ чистокровныхъ туркменокъ, считаются болѣе знатными и благородными; поэтому каждый туркменъ считаетъ своимъ долгомъ имѣть въ числѣ своихъ женъ хотя бы одну туркменку, но особенно охотно берутъ женъ и наложницъ иной расы.

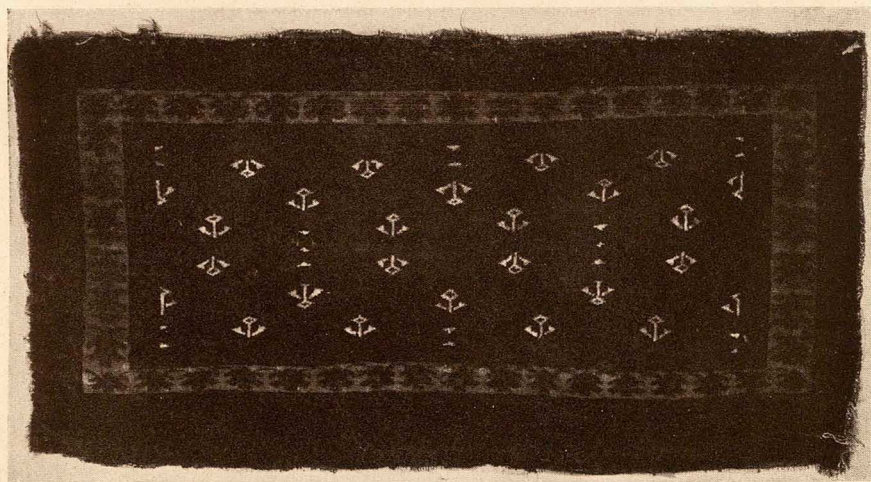
Говорятъ туркмены на джагатайскомъ нарѣчій татарскаго языка, однако, съ нѣкоторыми особенностями. Всѣ они сунниты. Замѣчательно полное отсутствіе среди нихъ религіознаго фанатизма. Общественное устройство ихъ патріархальное. Старѣйшины, именующіеся баями (бай — отъ турецкаго бей) и ханами, составляютъ какъ бы правительство. Нѣкоторыя семейства, отличающіеся древностью рода и богатствомъ, составляютъ своего рода аристократію, пользующуюся извѣстнымъ преимуществомъ въ собраніяхъ и совѣщаніяхъ. Муллы особой роли не играютъ. Имущество туркмена составляютъ кибитки, ковры, кошмы, желѣзная и мѣдная посуда, лошади и скотъ. До подчиненія Россіи туркмены были разбойничьимъ народомъ, промышлявшимъ исключительно грабежомъ и торговлей невольниками. Единственнымъ занятіемъ мужчинъ до недавняго времени были, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи остались и понынѣ, такъ называемые «аламаны» — обыкновенно ночные разбойничьи набѣги и нападенія на караваны, поселки и даже города; главная цѣль такихъ аламановъ — захватъ плѣнниковъ. Всѣ домашнія работы лежатъ исключительно на женщинахъ; онѣ собираютъ и разбираютъ кибитки, готовятъ пищу, ходятъ за скотомъ, поятъ верблюдовъ, шьютъ одежду, валяютъ кошмы, ткутъ ковры и паласы; мужчины же ничего опредѣленнаго не дѣлаютъ.

Шуркменъ по самой природѣ своей воинъ, и исключительно воинъ; это очень сильные люди, съ крѣпкой мускулатурой, особенно въ плечахъ и рукахъ, чѣмъ они обязаны въковому употребленію луковъ. По сложенію они сухи и худощавы. Грудь ихъ скорѣе узкая, чѣмъ широкая, и развита далеко не такъ сильно, какъ у монголовъ. Съ этими послѣдними туркмены, живущіе по ту сторону пустыни, имѣютъ больше сходства, чѣмъ кочующіе около персидской границы. Порода послѣднихъ значительно улучшена сильной примѣсью персидской крови, въ теченіе вѣковъ внесенной въ нихъ плѣнными персіанками. Шуркменскія старухи отвратительны въ полномъ смыслѣ этого слова. Некрасивость ихъ совсѣмъ иная, чѣмъ некрасивость старухъ персидскихъ народовъ. У послѣднихъ черты лица становятся карикатурно-рѣзкими, глаза западаютъ и взглядъ дѣлается дикимъ и провзительнымъ. Лицо же старухи-туркменки съ годами становится почти совершенно плоскимъ, носъ едва выступаетъ и все лицо изрѣзано морщинами и тысячами мелкихъ морщинокъ; прижатая къ губамъ форма носа есть слѣдствіе постоянного ношенія личнаго покрывала, придавливающаго кончикъ носа.

Дѣти туркменовъ вступаютъ въ бракъ въ весьма юномъ возрастѣ: мальчики — лѣтъ 14 — 15, а дѣвочки въ 10 — 12 лѣтъ. При этомъ у туркменовъ имѣется странный обычай, согласно которому молодые послѣ свадьбы живутъ вмѣстѣ лишь 2—3 сутокъ. Затѣмъ молодая возвращается на 2—3 года къ своимъ родителямъ и здѣсь работаетъ надѣ

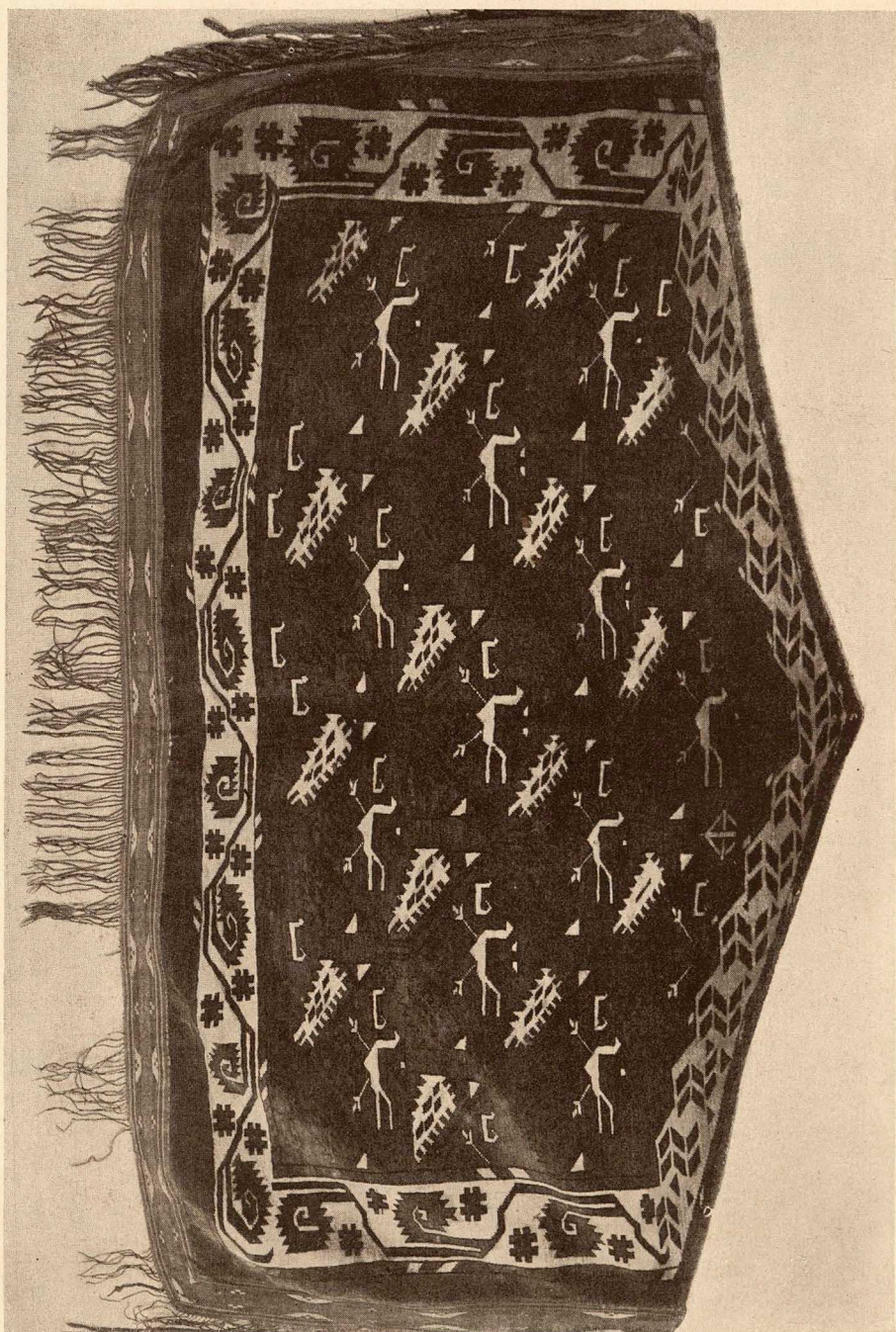

Іонудскіе коврики.
(Русскій Музей Александра III).

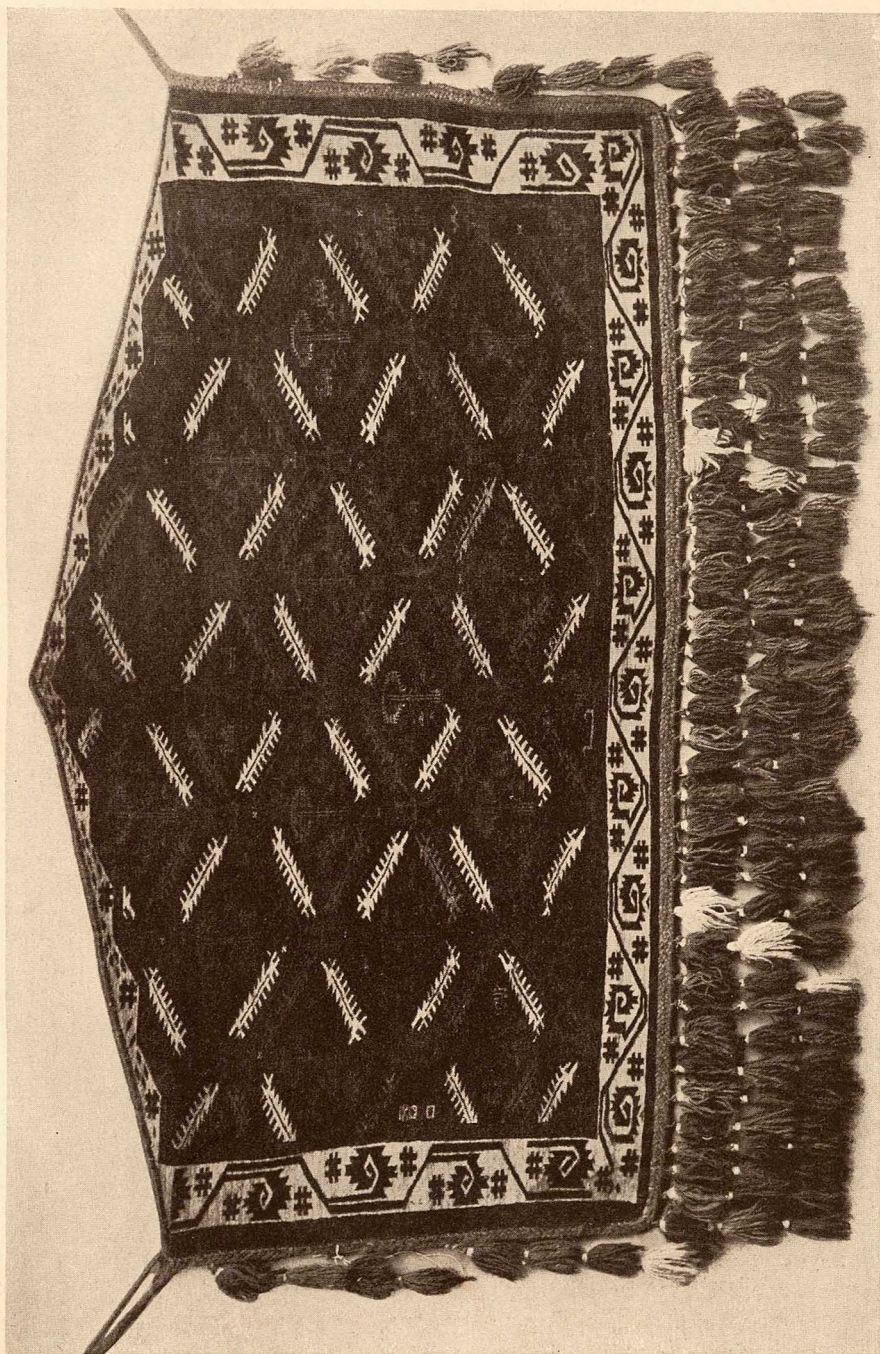

Tapis iomondes.
(Musée Russe Alexandre III).

Ломуценіи осолодучь. XVIII в.
(Русскій Музей Александра III).

Тapis (osmoldonk) iomonde du XVIIIe. s.
(Musée Russe Alexandre III).

Юмудский осмолдукъ.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (osmoldouk) iomoude.
(Musée Russe Alexandre III).

Иомудский йолажъ (дорожка), сложенный.
(Начала XIX в.).

Iolame (bordure de tapis) iomoude.
(Début du XIX-e s.).

своимъ приданымъ, состоящимъ изъ нарядовъ и изъ предметовъ для украшенія кибитки — ковровъ. Лишь послѣ этого она возвращается къ своему мужу, который отъ своего отца получаетъ кибитку, служащую жилищемъ всей семьи.

Шуркмены дѣлятся на пять главныхъ племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ свою очередь распадаются на болѣе мелкія. Есть различія въ нарѣчій этихъ племенъ, въ обычаяхъ и особенностяхъ, проявляющіяся, между прочимъ, въ характерныхъ орнаментахъ и узорахъ ковровъ; сами они отлично разбираются въ этихъ различіяхъ, въ то время какъ чужеземцу всѣ они кажутся весьма похожими. Это явленіе напоминаетъ «шотландскія» матеріи, которыя всѣ клѣтчатыя, но по сочетанію красокъ относятся каждая къ опредѣленному клану.

Изъ «Родословной туркменовъ» Абуль-Гази-Богадуръ-Хана * и отчасти изъ устныхъ преданій можно вывести, что въ глубочайшей древности туркмены жили на сѣверѣ, на берегахъ озера Иссы-Куля. Въ VI в. туркмены были на Сыръ-Дарьѣ, въ X в. перекочевали на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, а потомъ въ округъ Мерва. Въ 1036 г. въ Мервѣ водворяется тюрко-туркменская династія Сельджуковъ и городъ достигаетъ наибольшаго расцвѣта, но скоро гибнетъ подъ натискомъ тюркскихъ племенъ, а затѣмъ и монголовъ. Богадуръ-Ханъ пишетъ, что названіе «туркменъ» происходитъ отъ персидскаго «тюркманендъ» (похожій на тюрка).

Всѣ туркмены русской Средней Азіи, Бухары и Афганистана находятся между собой въ ближайшемъ родствѣ. Они составляютъ тамъ теперь 70% населенія и раздѣляются на пять главныхъ племенъ: Салоры, Сарыки, Шеке, Юмуды и Эрсари. Второстепенныя племена слѣдующія: Гокланы, Икдыръ, Абдалъ, Огурджали и Алиели. Всѣ эти племена въ свою очередь раздѣляются на многочисленные роды. Кромѣ этихъ племенъ существуютъ еще туркмены въ Персіи и Малой Азіи и даже на Кавказѣ, въ Дагестанѣ.

Древнѣйшимъ племенемъ считаются салоры, ведущіе свое происхожденіе отъ полумифическаго героя Салора, сына Шагъ-хана, внука Огузъ-хана. Послѣ продолжительныхъ войнъ съ тюркскимъ племенемъ Беджизъ они покинули занимаемая ими мѣста и переселились на югъ на Аму-Дарью и въ Мервъ, гдѣ тогда владычествовала арабская династія Абасидовъ. Около XI в. отъ салоровъ откололись юмуды, текинцы, сарыки и другіе. Во время пребыванія салоровъ въ сѣверо-восточной Персіи, въ Хорасанѣ, Иранѣ и Фарсѣ, появился среди нихъ богатырь Салоръ-Огурджикъ, который съ 1000 кибитками ушелъ въ Шемаху, оттуда въ Крымъ, а затѣмъ черезъ Волгу пришелъ на Уралъ. Отсюда онъ долженъ былъ уйти съ частью своихъ кибитокъ на Мангышлакъ и въ Балханскія горы недалеко отъ Красноводска. Отъ него ведутъ свой родъ многія туркменскія племена — Огурджали и другіе, живущіе въ Закаспійской области.

Страна, служащая въ настоящее время мѣстопробываніемъ туркменскихъ племенъ, принадлежала сначала персамъ (Дарій Гистаспъ), потомъ, вскорѣ послѣ возникновенія Ислама, владѣла ею арабская ди-

* Шаджереи-и-тѣракима, или книга родословнаго древа Шуркменовъ, написанная въ XVII в. хивинскимъ ханомъ Абуль-Гази-Богадуромъ.

настія Аббасидовѣ, а далѣе, до X в. — другія арабскія же династіи. Въ XI в. въ Мервѣ (древняя Маргіана) появляется туркменско-тюркская династія Сельджуковѣ, но вслѣдѣ за нею съ XIII по XVI в.в. страной завладѣвають монголы, на смѣну которымъ приходитъ персидская династія Сефевидовѣ. Послѣ смерти Надирѣ-Шаха въ 1747 г. Мервомъ завладѣвають бухарскіе ханы, разоряютъ городѣ, опустошаютъ страну, а жителей переселяютъ въ Бухару. Въ 1820 г. значеніе Мерва окончательно пало, а прочіе оазисы оставались во власти персовѣ, пока ими не овладѣли свободныя туркменскія племена. Каракумскія степи и Усть-Уртѣ входили въ составѣ сильнаго въ то время хивинскаго ханства.

Въ 1637 г. туркмены появились въ Шедженѣ, Бами, Беюрмѣ и на берегахѣ Атрека и Гюргена. Въ 1739 г. персидскій шахѣ Надирѣ покориѣ Хиву и переселиѣ жившихѣ тамѣ теке и іомудовѣ въ Хорасанѣ; прочіе туркмены остались на сѣверѣ, кочуя по Мангышлаку и по Аму-Дарѣ. Въ концѣ XVIII в. туркмены стали бичемѣ хивинцевѣ, ранѣе неоднократно побѣждавшихѣ ихѣ.

Въ такихѣ непрерывныхѣ войнахѣ и передвиженіяхѣ, то въ розыскахѣ удобной земли и воды, то въ разбойничьихѣ набѣгахѣ на хивинскія, бухарскія и персидскія владѣнія, жили туркмены почти все XIX столѣтіе до появленія въ Средней Азіи русской власти. Уже въ XVIII в. русское правительство неразѣ пыталось проникнуть въ среднеазиатскія степи. Въ 1804 г. генералѣ-маіорѣ Я. Е. фонѣ Фелькерзамѣ, командуя снаряженной по приказанію Павла I корабельной экспедиціей, собственноручно водрузилѣ российское знамя на восточномѣ берегу Каспійскаго моря и имѣѣ встрѣчи съ туркменами и киргизами, * однако, лишь въ половинѣ XIX в. русское владычество прочно утвердилось въ ханствахѣ Хивинскомѣ, Бухарскомѣ и Кокандскомѣ, а въ 1881 г. походѣ Скобелева и взятіе крѣпости Геокѣ-Шепе окончательно сломили упорное сопротивленіе наиболѣе сильнаго врага — туркменовѣ-текинцевѣ, которые въ 1885 г. подчинились русскому владычеству.

По свѣдѣніямѣ Боголюбова текинцы (около 36,800 кибитокѣ) сидятѣ въ оазисахѣ Ахалѣ-Шекинскомѣ, въ восточной части Атрека, въ Шедженскомѣ и Мервскомѣ съ окружающими степями; сарыки (около 7290 кибитокѣ) населяютѣ оазисы Іолатанскій и Пендинскій и окружающія степи; салоры (около 3000 кибитокѣ) живутѣ въ Іолатанскомѣ и Пендинскомѣ оазисахѣ, а также въ Серахскомѣ и окрестныхѣ степяхѣ; іомуды (около 4600 кибитокѣ) живутѣ по рѣкамѣ Сумбару и Атреку, частью въ Россіи, частью въ Персіи; эрсари по Аму-Дарѣ въ предѣлахѣ Россіи, Бухары и Афганистана; всѣ они ведутѣ полуосѣдлый образѣ жизни. Іомуды кочуютѣ по всему Мангышлаку.

Кромѣ туркменовѣ салорскаго происхожденія, въ Закаспійской области проживаютѣ туркмены Огузѣ-Ханѣ, распадающіеся на слѣдующія племена: Гокланы по р.р. Атреку и Сумбару, Игдыры и Абдалы по восточному берегу Каспійскаго моря, южнѣ форта Александровскаго, Огурджали по берегу Каспійскаго моря южнѣ Красноводска и на островахѣ

* «Акты Археографической Кавказской комисіи», т. III, стр. 701, т. IV, стр. 914 и пр.

Челекенѣ, Долгомѣ и Огурджинскомѣ; изъ нихъ многіе ведутъ осѣдлый образъ жизни и живутъ въ сакляхъ.

Отъ коренныхъ туркменовъ слѣдуетъ различать отуркменившіеся племена арабскаго происхожденія: Шихъ, Сеидъ, Махтумъ, Ходжа и Ата, хотя и живущія среди туркменовъ, но не смѣшивающіяся съ ними и считающія себя потомками пророка.

Затѣмъ слѣдуетъ выдѣлить тоже отуркменившіеся чисто тюркскія племена Аліели, Нухурли, Мурчали, Анаули и Мехинли. Быть можетъ, они представляютъ собой первоначальныхъ обитателей страны до вторженія туркменовъ, т. е. до X в. Живутъ они преимущественно не въ кибиткахъ, а въ глинобитныхъ сакляхъ, отличаясь многими особенностями обихода, и всѣ ведутъ осѣдлый образъ жизни.

По мнѣнію Ф. А. Михайлова, развитіе ковроваго производства въ томъ или иномъ племени находится въ тѣснѣйшей связи съ разведеніемъ овецъ породы «харчи», породъ степной по преимуществу, не переносящей горныхъ пастбищъ. Тѣ племена, которыя со степей переходили въ горы и стали разводить инныя, горныя, породы, утратили вмѣстѣ съ тѣмъ и производство ворсованныхъ ковровъ. Далѣе Ф. А. Михайловъ сообщаетъ, что среди туркменовъ принята классификація ковровъ, основанная на очертаніяхъ главной составной части рисунка, называемой «гюль» или «розой», т. е. четырехъ, шести, или восьмиугольныхъ фигуръ, заполняющихъ поле ковра. Такія «розы» носятъ названія: салорской, эрсаринской, іомудской, чаудорской и т. д. Къ салорской орнаментальной группѣ могутъ быть отнесены племена: салоры, сарыки, текинцы мервскіе и отчасти ахальскіе, дали и кизиль-аяки (эрсаринцы); къ группѣ іомудской причисляются: іомуды, огурджали, чаудоръ, икдыръ, абдалъ, ходжа (арабы), гокланы. Въ составъ эрсаринской группы входятъ племена и роды: каширъ, баширъ, бурдалыкъ, чакыръ, аліели, тонга, топча и другіе эрсаринцы, живущіе въ предѣлахъ Россіи, Бухары и Афганистана по Аму-Дарьѣ, а также каракалпакъ. Въ каждой группѣ имѣется по нѣсколько рисунковъ для разныхъ ковровыхъ издѣлій, какъ то чуваловъ и торбѣ, энси, намазлыковъ, дорожекъ и проч. т. п.

Наиболѣе древній рисунокъ принадлежитъ салорамъ; главный элементъ его — разукрашенный восьмиугольникъ, который и называется салорской розой (салоръ-гюль). Въ концѣ XVIII в. салоры жили въ оазисахъ Іолатанъ и Пендѣ; однако, подъ напоромъ сарыковъ, большая часть ихъ въ 1780 г. ушла на р. Герирудъ и въ Серахсѣ. Салоры передали свое искусство сарыкамъ, а сами почти совершенно перестали заниматься выдѣлкой ковровъ; сарыки же распространили ковровое производство между текинцами. На мѣстѣ говорятъ, будто салоры не выдѣлываютъ больше ковровъ по той причинѣ, что персидскіе ханы, подъ власть которыхъ они подпали, отбирали отъ нихъ все лучшее, и это ихъ отвратило отъ исконнаго ихъ занятія.

Рисунокъ салорской розы остался основнымъ элементомъ орнамента, принятаго не только сарыками, но и текинцами, особенно мервскими. Пекинцы Асхабадскаго и Шедженскаго оазисовъ имѣютъ тотъ же орнаментъ, но уже пострадавшій отъ измѣненій. Что касается ковровыхъ издѣлій туркменовъ, то они безспорно красивѣе всѣхъ прочихъ

кочевничьихъ ковровъ. Лишь тотъ, кто собственными глазами любовался роскошнымъ колоритомъ старинныхъ туркменскихъ ковровъ, кто самъ, зачарованный прелестью этихъ удивительныхъ издѣлій, испыталъ настроенія, навѣваемые ихъ гармоніей, тонкостью и шелковистымъ блескомъ, могъ составить себѣ понятіе о красотѣ этихъ, обычно небольшихъ по размѣрамъ, издѣлій, выработанныхъ вѣковымъ навыкомъ, то блестящихъ исчерна-красныхъ ковровъ съ шелковымъ, цвѣта слоновой кости и алой розы, орнаментомъ, то матовыхъ, какъ бы подернутыхъ дымкой съ тѣмъ же бѣлымъ цвѣтомъ и вкрапленнымъ синимъ на буро-красномъ фонѣ, то сіяющихъ своимъ насыщеннымъ краснымъ тономъ, усыпанныхъ крупнымъ стильнымъ орнаментомъ, или же, наконецъ, украшенныхъ пестрыми полосами по почти бѣлому фону.

Кому хоть разъ пришлось видѣть старинные туркменскіе ковры, тотъ никогда не спутаетъ ихъ съ издѣліями другихъ кочевыхъ племенъ уже по одному орнаменту, не говоря о техникахъ. Дать точное описаніе орнамента невозможно, такъ какъ своеобразныя фигуры его несравнимы ни съ цвѣтами, ни съ какими либо опредѣленными геометрическими фигурами. Слѣдуетъ упомянуть, что среди старинныхъ ковровъ одинаковаго возраста, качества, происхожденія и рисунка одни отличаются удивительнымъ шелковистымъ блескомъ, тогда какъ у другихъ общій тонъ совсѣмъ матовый, какъ бы подкопченный, что по своему не менѣе красиво, такъ какъ орнаментъ и рисунокъ выступаютъ съ особенной отчетливостью. Разница между ними, особенно тамъ, гдѣ много бѣлаго, приблизительно такая же, какъ между глазурированнымъ и неглазурированнымъ фарфоромъ. Особенно красивые образцы такого рода намъ приходилось встрѣчать среди пендинскихъ чуваловъ. Чудный блескъ, свойственный старымъ туркменскимъ коврамъ, ихъ ярко горящіе тона съ серебристымъ отблескомъ, насыщенные и глубокіе, являются неподражаемымъ результатомъ дѣйствія времени. Въ общемъ, ковры съ блескомъ всегда гораздо красивѣе; вѣдь, настоящій блескъ, присущій благородному матеріалу, до неузнаваемости облагораживаетъ краски, по сравненію съ матеріаломъ неблагороднымъ. Золотисто-желтый шелкъ и фіолетовый бархатъ даютъ, напримѣръ, прелестное сочетаніе, но тѣ же краски на холстѣ или ситцѣ, кажутся некрасивыми и вульгарными. Многіе восточные ковры, особенно ковры съ частымъ ворсомъ, имѣютъ, пока новы, своего рода аппретуру. Они жестки на ошупъ и сгиба, иногда даже настолько, что при сгибаніи ковра должны, казалось бы, полопаться нитки основы. Совсѣмъ ошибочно по этой жесткости выводить заключеніе о добротѣ ковра, какъ это зачастую дѣлаютъ торговцы, расхваливая свой товаръ. Жесткость доказываетъ лишь, что коверъ еще ни разу не мытъ и не промоченъ, то есть, что онъ совсѣмъ новый.

У туркменовъ ткутъ исключительно женщины, и въ употребленіи исключительно горизонтальныя ткацкія станки. Въ туркменскихъ половыхъ коврахъ наблюдается общая характерная черта: на обоихъ концахъ ихъ почти всегда имѣется по широкой гладкой полосѣ основной ткани. Гладкіе паласы выдѣляются трехъ сортовъ: высшій сортъ отличается мелкимъ двухстороннимъ рисункомъ, т. е. рисунокъ ясно виденъ и на изнанкѣ, что менѣе отчетливо во второ-сортныхъ, а въ третьемъ

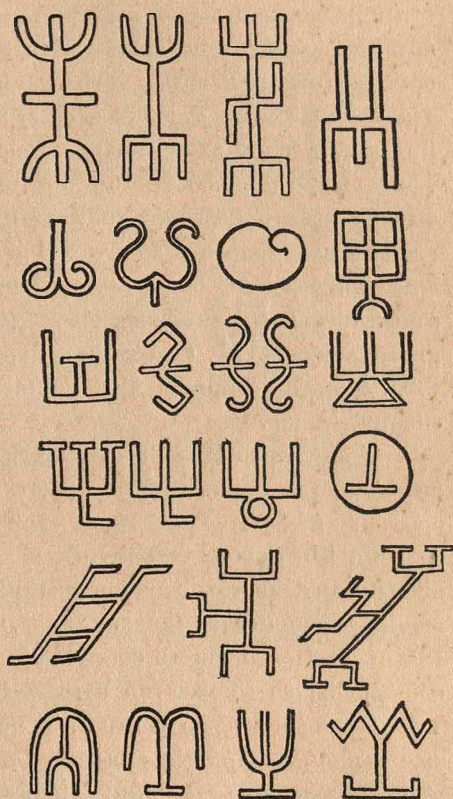
сортѣ съ оборотной стороны лишь кое гдѣ замѣтны слѣды рисунка и они усажены длинными концами нитокѣ. Всѣ ковровыя ткани туркменовѣ имѣютѣ шерстяную основу и такой же утокѣ. Фонѣ ихѣ всегда буро-красный или красный, только вѣ издѣліяхѣ племени огурджаля фонѣ и орнаментѣ имѣютѣ равное значеніе. При тканьѣ ковровѣ туркмены пропускаютѣ только по одной уточной ниткѣ послѣ каждаго ряда петель, тогда какѣ киргизы и узбеки — по двѣ.

Шуркмены примѣняютѣ для выдѣлки ковровѣ шерсть овецѣ исключительно одной — бѣлой — съ черными или покрайней мѣрѣ пятнистыми головами персидской породы. Бумажная пряжа иногда примѣняется, особенно вѣ дверныхѣ коврахѣ (энкси), однако лишь для петель; шелкѣ примѣняется лишь изрѣдка и то лишь для отдѣльных частей орнамента. Шакіе ковры цѣнятся особенно высоко и встрѣчаются почти исключительно среди пендинскихѣ. Сами туркмены не очень бережно обходятся съ своими издѣліями; обыкновенно ковры большого размѣра вѣ скатанномѣ видѣ лежатѣ вѣ углу кибитки и разстилаются только по случаю какихѣ либо празднествѣ или для встрѣчи гостей, и назначеніе ихѣ, вообще, чисто декоративное. Вѣ прежнее время ковры выдѣлывались только для собственнаго обихода, но недавно вѣ Мервѣ и вѣ Асхабадѣ стали нанимать работницѣ и изготовлять ковры специально для продажи; предпринимателей изѣ европейцевѣ пока, кѣ счастью еще нѣтъ.

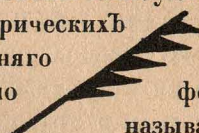
Кромѣ овечьей шерсти, примѣняется иногда и мягкая шерсть верблюжатѣ 3 — 4 дневнаго возраста; изготовленные изѣ нея ткани называются «агари» (агѣ, (акѣ) = бѣлый; агармакѣ = бѣлѣть, быть бѣлымѣ).

Лучшими являются ковры племенѣ сарыкѣ и салорѣ вѣ Іолатанѣ и Пендѣ; за ними слѣдуютѣ ковры текинцевѣ вѣ Мервѣ и Асхабадѣ, далѣе идутѣ іомудскіе, огурджалийскіе и т. д., а также ковры племенѣ, кочующихѣ вѣ окрестностяхѣ Кызылѣ-Аяка (3 сорта), Колы, Ахчи и Бешира.

Что касается орнаментики, то, по свѣдѣніямѣ С. М. Дудина, у каждаго племени, а по другимѣ источникамѣ (Н. Ф. Бурдуковѣ) и у каждаго рода племени, существуетѣ свой узорѣ или орнаментальный элементѣ, всегда повторяющійся. Вѣ почти тождественныхѣ между

Среднеазиатскія и кавказскія мусульманскія тамги.
„Tamgha“ — signes héraldiques musulmans.

собой коврахъ это проявляется преимущественно во внутреннихъ деталяхъ «тюли», орнаментальной розы, въ которыхъ мы встрѣчаемъ безчисленные преднамѣренные различія; къ нимъ мы еще вернемся, когда рѣчь дойдетъ до отдѣльныхъ племенъ. Существуютъ даже опредѣленные названія для отдѣльныхъ рисунковъ, напримѣръ: «кызилъ гилемъ» — двичій коверъ. Въ орнаментѣ своихъ узоровъ туркмены пользуются — кромѣ неимѣющихъ опредѣленнаго значенія геометрическихъ фигуръ — исключительно предметами своего домашнего обихода, или же переносятъ названія ихъ на сходныя по формѣ орнаментныя фигуры, такъ напримѣръ: фигура называется «аранакшъ-гюль», т. е. пила, фигура — «айна-гюль», т. е. зеркало. Въ этихъ случаяхъ слово «гюль» получаетъ какъ бы значеніе «фигуры» хотъ собственно оно означаетъ — «розу». Одна звѣздчатая фигура носитъ названіе «илдызъ-нашъ-гюль» другія «куриный слѣдъ», «лошадиная голова», «цвѣтокъ» и т. п. (Н. Ф. Бурдуковъ).

Фигура называется «гопузъ», правильнѣе «кобузъ», что соответствуетъ вышедшему уже изъ употребленія музыкальному инструменту (духовому), игрой на которомъ занимались женщины. С. М. Дудинъ говоритъ, что форма этого инструмента на самомъ дѣлѣ совсѣмъ иная.

Уже Марко Поло восхваляетъ ковры «туркомановъ», но никакихъ подробностей о нихъ не сообщаетъ; такъ же мало сообщаютъ по этому вопросу и другіе источники, всѣ они даютъ лишь общій похвальный отзывъ. Въ Европу туркменскіе ковры попадали въ прежнее время, повидимому, лишь въ очень маломъ числѣ; намъ удалось найти изображеніе туркменскаго ковра лишь на одной картинѣ кисти Лоренцо ди Креди въ Пистойскомъ соборѣ, въ то время, какъ персидскіе и малоазійскіе ковры во множествѣ встрѣчаются на картинахъ XIV до XVIII в.

О видовомъ подраздѣленіи ковровъ, согласно назначенію ихъ, мы уже выше дали общія свѣдѣнія, такъ что можемъ ограничиться здѣсь нѣкоторыми добавленіями. Молитвенные ковры рѣдко встрѣчаются у туркменовъ; михрабъ въ нихъ обыкновенно небольшой, угловатый; бордюры по бокамъ очень широки, а среднее поле раздѣлено на квадраты или же поперечной полосой, что по словамъ самихъ туркменовъ обозначаетъ Каабу.

Въ эскисѣ преобладаетъ бордюръ и занимаетъ большую часть площади ковра. Весь узоръ располагается по вертикальной оси, причѣмъ небольшое среднее поле обыкновенно дѣлится поперечной полосой, какъ и въ молитвенныхъ коврахъ.

Среднеазіатскія и кавказскія мусульманскія тамги.
„Tamgha“ — signes héraldiques musulmans.

Племя сарыкѣ, вытѣснившее салоровѣ изѣ обоихѣ оазисовѣ, не имѣетѣ собственного производства и всѣ старинныя ковры, находящіеся вѣ настоящее время вѣ рукахѣ сарыковѣ—салорскіе; сарыки сами ихѣ очень цѣнятѣ и продаютѣ ихѣ только за большія деньги. Вѣ 1902 г. С. М. Дудинѣ не нашелѣ у сарыковѣ ни единой ткачихи и ни одного ткацкаго станка. Возможно, что нѣсколько десятковѣ лѣтѣ назадѣ среди нихѣ ткачихи имѣлись, но вѣ такомѣ случаѣ онѣ только копировали салорскіе рисунки и производили невысокаго качества ковры. Утвержденіе Черчилля, будто пендинскіе ковры отличаются густымѣ ворсомѣ, а по краскамѣ и рисунку не представляютѣ собой ничего выдающагося, либо относится кѣ такимѣ сарыкскимѣ коврамѣ, либо вызвано тѣмѣ, что за такіе ковры по недоразумѣнію были признаны нѣкоторые сорта іомудскихѣ. Но когда Черчилль говоритѣ далѣе, что туркменское племя сарыкѣ, живущее вѣ Мервѣ, производитѣ прекрасныя ковры, пользуется наемной рабочей силой и покупаетѣ шелкѣ уже вѣ крашеномѣ видѣ, то здѣсь явная ошибка: сарыки живутѣ вѣ долинѣ Мургаба, а вѣ Мервѣ ихѣ совсемѣ нѣтъ.

Салорскіе орнаменты и рисунки по большей части довольно сильно отличаются отѣ орнамента и рисунковѣ другихѣ туркменскихѣ племенѣ. Они благороднѣе, чище по стилю и вѣ нихѣ замѣтно сильное персидское вліяніе. Матеріалѣ, краски и техника выше всякихѣ похвалѣ. Часто встрѣчающимися салорскими элементами являются фигура, напоминающая двойной крестѣ , и фигура вродѣ ; далѣе мы часто встрѣчаемся сѣ разбивкой всего ковра на смежныя продолговатыя четырехугольники, по срединѣ которыхѣ помѣщаются классическія фигуры туркменовѣ, такѣ называемыя «гюль», почти совсемѣ сходныя сѣ текинскими.

Вѣ высшей степени характерна и кайма. Кайма вообще является, по мнѣнію С. М. Дудина, для туркменскихѣ ковровѣ весьма важнымѣ отличительнымѣ признакомѣ. Характерной особенностью салорскихѣ ковровѣ является то, что только вѣ нихѣ для бѣлыхѣ мѣстѣ обыкновенно примѣняются бумажныя нитки, чего не дѣлаетѣ ни одно другое туркменское племя, какѣ утверждаетѣ Н. Ф. Бурдаковѣ. Особенно охотно прибѣгаютѣ кѣ этому вѣ Пендинскомѣ оазисѣ, такѣ какѣ тамѣ нѣтъ шелковичныхѣ деревьевѣ, а слѣдовательно и шелка, вѣ салорскихѣ же коврахѣ шелкѣ не примѣняется никогда. Весьма интересный, очень старый салорскій паласѣ я видѣлъ лѣтъ 10 назадѣ у полковника А. В. Верещагина, пріобрѣтенный имѣ вѣ 1878 г. у одного салорскаго хана вѣ Геокѣ-Шене. На немѣ было изображено — а это рѣдкое явленіе — возвращеніе салоровѣ послѣ аламана. Длинный рядѣ сильно стилизованныхѣ небольшихѣ человѣческихѣ фигурѣ, привязанныхѣ другѣ кѣ другу за руки, изображалѣ плѣнныхѣ; затѣмѣ слѣдуютѣ женщины и мужчины со многими верблюдами, овцами, козами и лошадьми; всадники, вооруженные копьями, сопровождаютѣ шествіе; кромѣ того, изображены всякія другія животныя, какѣ собаки и птицы. Фонѣ былѣ черновато-синій. Всѣ фигуры были вышиты, а

не ткани, что, однако, замѣчалось лишь при внимательномъ разсмотрѣніи (ср. воспроизведение). Такого же рода паласъ принадлежалъ въ 1905 г. гр. Бобринскому въ Петроградѣ и, наконецъ, третій, на которомъ, правда, только были изображены нѣсколько рядовъ верблюдовъ — кн. Шенишеву. Стилизація фигуръ вполне соответствовала стилизаціи юмудской дорожки, воспроизводимой здѣсь.

Вѣчныя войны и распри между туркменскими племенами были причиною ихъ постоянныхъ передвиженій и переселеній. Вполнѣ естественно, что мы почти ничего не знаемъ объ этихъ событіяхъ, разыгрывавшихся въ краѣ, который до недавняго времени былъ совершенно закрытъ для европейцевъ, да и врядъ ли намъ когда либо удастся разобратъ въ этой исторической путаницѣ.

Въ 1884 г. П. М. Лессаръ, объѣздившій Мервъ, Пендэ, Иолатанъ и пр., сдѣлалъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ сообщеніе о «Юго-Западной Туркменіи, странѣ сарыковъ и салоровъ»; отсюда мы и почерпаемъ нижеслѣдующія данныя.

Прямыхъ послѣдствіемъ взятія Мерва и принятія жителей его въ русское подданство было возникновеніе сношеній съ жившими между Мервомъ и Афганистаномъ туркменами, въ частности съ «сарыками» и «салорами», убѣдившимися въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Къ тому же торжества коронаціи Императора Александра III произвели такое потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ туркменскихъ хановъ, что имъ удалось убѣдить большую часть соплеменниковъ въ безцѣльности продолженія враждебныхъ дѣйствій. Шѣмъ не менѣе, полное успокоеніе еще не наступило и нѣкоторыя племена легко увлекали за собой колеблющуюся еще часть населенія при малѣйшемъ удачномъ аламанѣ. Туркмены не забыли своихъ успѣховъ въ вѣковой борьбѣ съ считавшимися непобѣдимыми Персией и Хивой, и броженіе стало усиливаться. Лѣтомъ 1883 г. повсемѣстно предпринимались аламаны и даже Мервскій оазисъ находился въ состояніи полной анархіи. До 1884 г., когда былъ покоренъ Ахалъ-Шекинскій оазисъ, русскимъ почти не приходилось сталкиваться съ сарыками. Набѣговъ на русскія владѣнія это племя не могло водить, какъ за дальностью разстоянія, такъ и ввиду враждебныхъ отношеній съ мервскими туркменами, землями которыхъ имъ для этого приходилось проходить. Съ утвержденіемъ въ Мервѣ русскаго владычества обстоятельства сразу измѣнились, такъ какъ сарыки оказались въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ русской территоріей.

Кромѣ того, между оазисомъ Иолатанъ и Мервомъ существовала тѣсная связь. Около 1787 г., послѣ разгрома Мерва бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ и увода жителей въ Бухару, Мешхедъ и Гератъ, земли по Мургабу около Бай-рамъ-али-кала были заняты племенемъ сарыкъ. Здѣсь они оставались до конца 1850-хъ гг., производя отсюда по всѣмъ направленіямъ разбойничьи набѣги и аламаны, причемъ не щадили и своихъ родичей другихъ туркменскихъ племенъ. Хива, постоянно враждовавшая съ салорами и текинцами, понесла въ 1855 г. такое рѣшительное пораженіе отъ жившихъ близъ стараго Серакса текинцевъ, что всѣмъ, жившимъ въ Сераксѣ и Мервѣ, хивинцамъ пришлось спастись бѣгствомъ. Однако, такъ какъ въ это же время персы сильно потѣснили текинцевъ,

они покинули Сераксѣ и постепенно проникли въ Мервскій оазисѣ, откуда, послѣ двухлѣтней ожесточенной борьбы, вытѣснили сарыковѣ къ Пендѣ. Изъ послѣдняго сарыки вытѣснили сидѣвшихъ тамъ салоровѣ, часть которыхъ вернула себѣ Иолатанѣ въ 1867 г. Взятіе нами Геокѣ-Шепе и Мерва вызвало большія измѣненія въ отношеніяхъ сарыковѣ къ сосѣдямъ. Во время похода персовѣ противъ Мерва и текинцевѣ въ 1860 г. сарыки дѣйствовали заодно съ персами и съ той поры между мервскими текинцами и пендинскими сарыками шла непрерывная борьба, проявлявшаяся въ разбойничьихъ нападеніяхъ и внезапныхъ, обычно ночныхъ набѣгахъ — пресловутыхъ аламанахъ.

По даннымъ генерала Петрусевича салоры дѣлятся на три вѣтви кипчагѣ, даярду-ходжа и караманѣ-ялавачѣ.

У стараго Серакса жили въ 1884 г. около 4000 юртѣ; по Мургабу среди текинцевѣ и сарыковѣ около 1000 юртѣ; близъ Чарджуя — около 400, въ Майманѣ — 200 и близъ Герата около Пуль-и-салара — около 100 юртѣ салоровѣ. Это, нѣкогда столь богатое и сильное, племя, производившее красивѣйшіе ковры, въ настоящее время является самымъ слабымъ и бѣднымъ среди туркменовѣ. Почти ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе настоящихъ юртѣ — они все живутъ въ тростниковыхъ, обмазанныхъ глиной хижинахъ. Стада, лошади и верблюды имѣются лишь у очень немногихъ и земледѣліе составляетъ ихъ единственное занятіе.

Около 1830 г. салоры жили близъ стараго Серакса, который считался весьма важнымъ пунктомъ. Въ 1832 г. Аббасѣ-мирза взялъ городъ приступомъ. Хотя уже тогда салоры не дѣлали болѣе самостоятельныхъ набѣговъ, они все же оказывали помощь всемъ прочимъ врагамъ Персіи, снабжая ихъ оружіемъ въ обмѣнъ за персидскихъ плѣнниковъ; поэтому и Аббасѣ-мирза предалъ разграбленію поселки салоровѣ и перебилъ большую часть жителей. Остатки ихъ, въ числѣ около 5000 душъ, были выкуплены за 50.000 тумановъ хивинскимъ ханомъ, обязавшимся сверхъ того защищать персидскую границу отъ текинцевъ и сарыковъ. Послѣ такого тяжкаго пораженія, салоры покинули берега Герируда и перекочевали къ среднему теченію Мургаба, гдѣ основали крѣпости Шаза-Пендѣ * и Иолатанѣ, среди развалинъ которыхъ впослѣдствіи поселились сарыки. Изъ Пендѣ салоры при этомъ вытѣснили жившихъ тамъ чоршанговъ племени эрсари; однако, разгромъ салоровъ персами былъ настолько рѣшительный, что они не могли уже оправиться. Когда черезъ 25 лѣтъ сюда проникли сарыки, тѣснимые текинцами, то они почти не встрѣтили сопротивленія; салоры откочевали и поселились съ разрѣшенія Персіи въ окрестностяхъ Сурѣ-Абада. Пробывъ здѣсь 12 лѣтъ, они захотѣли переселиться въ старый Сераксѣ на правомъ берегу Герируда. Это имъ было разрѣшено подѣ условіемъ защиты границы отъ сарыковъ и текинцевъ. Послѣдніе, однако, предупредили это соглашеніе внезапнымъ нападеніемъ на сало-

* Оазисѣ Пендѣ или Пенджѣ-Ди (5 поселковъ) расположенъ на берегу Мургаба, верстахъ въ 225 отъ Асхабада и въ 20 отъ Афганской границы. Пендѣ стоитъ на Иолатанской дорогѣ; здѣсь перекрещиваются дороги изъ Мерва на Гератъ и изъ Мешехда въ Майману и Балхъ. По имени мѣста, называется по русски «пендинкой» или «пендинской язвой» такъ наз. «сартовская болѣзнь»; «алепская язва» или «le bouton d'Aleppe».

ровъ, причемъ угнали весь салорскій скотъ, объявивъ, что возвратятъ его, если все салорское племя переселится въ Мервъ; на это салоры и принуждены были согласиться. Лишь небольшая часть ихъ продолжала прежній кочевой образъ жизни, а значительно бôльшая часть перешла на земледѣліе, отдавая въ качествѣ ежегодной подати мервскимъ текинцамъ четвертую часть своей жатвы. Въ 1881 г. текинцы опять вернули свободу салорамъ, въ числѣ 2000 кибитокъ направившихся къ Сераксу, прося у персовъ разрѣшенія опять поселиться здѣсь. Однако, хорасанскому вали удалось убѣжденіемъ и подкупомъ старѣйшинъ склонить большую часть къ поселенію въ Суръ-Абадъ, дабы такимъ образомъ создать своего рода «буферъ» отъ текинцевъ и сарыковъ. Здѣсь салоры заняли всѣ удобныя для земледѣлія мѣста по рѣкѣ, начиная отъ Пульи-Хатума до Суръ-Абада и южнѣе. Но ввиду неисполненія персами своихъ обѣщаній и притѣсненій, салоры сейчасъ же послѣ взятія русскими Кучукъ-Калы вернулись въ старый Сераксъ и поселились здѣсь въ количествѣ около 3000 юртъ на правомъ берегу Герируда.

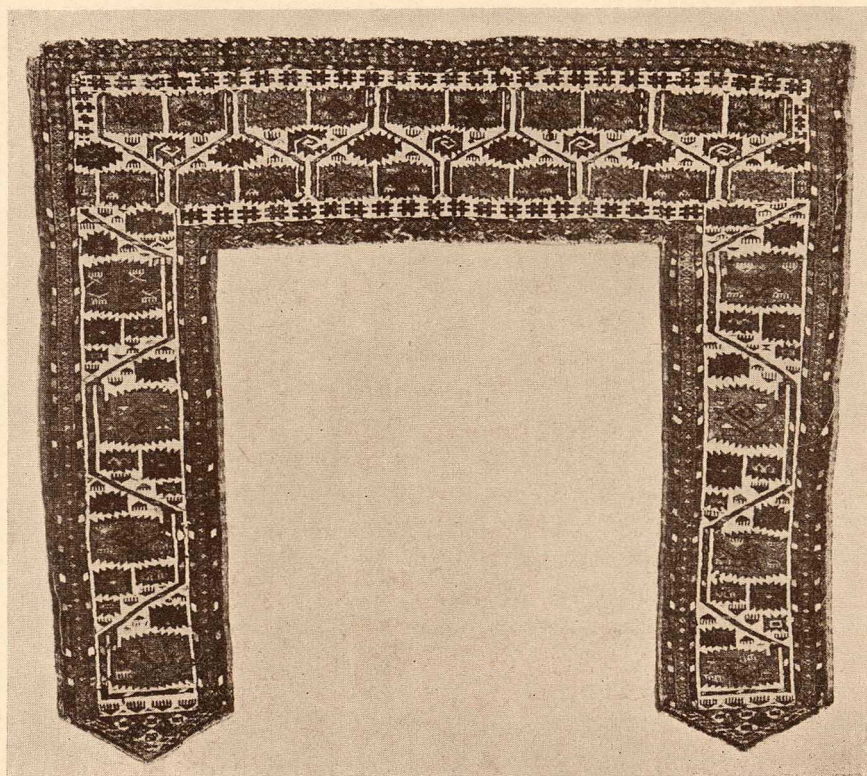
Вотъ что говорятъ данныя Лессара. Изъ нихъ ясно, какимъ образомъ у салоровъ, нѣкогда производившихъ прекраснѣйшіе ковры, окончательно погибло это производство. Полное обнищаніе, въ связи съ переходомъ къ земледѣльческому труду и жизни въ тростниковыхъ хижинахъ, за полвѣка уничтожили всѣ необходимыя условія для ковроваго производства. Всѣ прелестные старинные ковры ихъ, которые теперь еще встрѣчаются въ Центральной Азіи или увезены въ Европу, приходится, такимъ образомъ, отнести по крайней мѣрѣ къ началу XIX, а то и къ XVIII и XVII в.в. Если когда либо вполнѣдствіи салоры и выдѣлывали ковры, то уже врядъ ли придерживались еще старинныхъ племенныхъ рисунковъ. А насколько отдѣльныя племена, пересаженыя куда нибудь со своихъ старыхъ мѣстъ, подчиняются вліянію новой обстановки и новыхъ своихъ сосѣдей, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ Дагестанѣ находится аулъ Геокча, основателями котораго были туркмены салорскаго племени, бѣжавшіе сюда изъ за Каспійскаго моря; въ коврахъ этихъ салоровъ трудно найти теперь какое либо сходство съ коврами соплеменниковъ ихъ на родинѣ; они переняли характеръ прочихъ дагестанскихъ ковровъ съ типичнымъ восьмиконечнымъ крестомъ, повторяющимся по всему полю ковра; такъ же несвойственны имъ стилизованныя птицы и фигура вродѣ двуглаваго орла. Но же можно сказать и о «черныхъ туркменахъ», племени, давно уже откочевавшемъ къ западу и осѣвшемъ вблизи Шавриза въ Персіи; ихъ ковры приняли совершенно характеръ прочихъ сѣверо-персидскихъ и кавказскихъ.

Юлатанъ и въ особенности Пендъ были почти совсѣмъ неизвѣстны еще въ 1880-хъ г.г. Изъ европейцевъ почти никому не удалось проникать туда; также и справки, наведенныя Лессаромъ въ Мервъ, дали очень скудные результаты, такъ какъ аулы сарыковъ были недоступны для текинцевъ. Въ 1884 г. юлатанскіе и пендинскіе туркмены отправили депутацію въ Мервъ для совѣщанія съ текинцами о цѣлесообразности перехода въ русское подданство. Послѣщеніе это дало русскимъ желанный поводъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Юлатаномъ и Пендъ. П. М. Лессаръ, сопровождавшій депутацію на

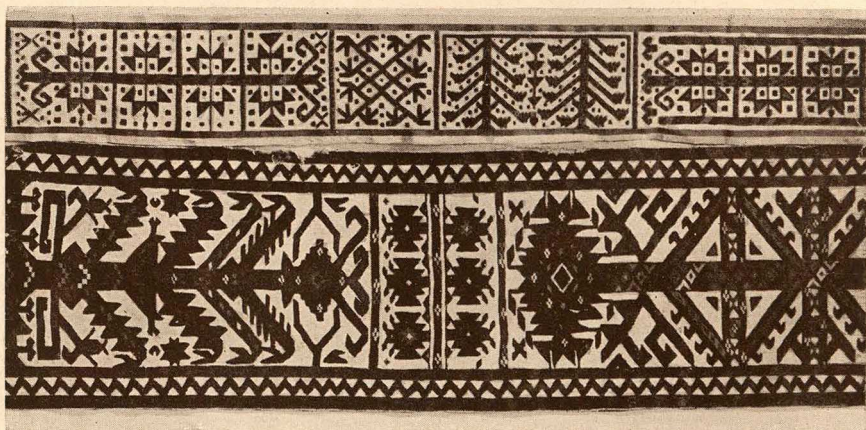
Юмудский Юламыш (деталь). „Свадебное шествие“.
(Русский Музей Александра III).

Détail d'un iolame (bordure de tapis) iomoude.
„Procession nuptiale“.
(Musée Russe Alexandre III).

Іомудскій капуніуць XVIII в.

Kapounnouk iomoude du XVIII-e s.

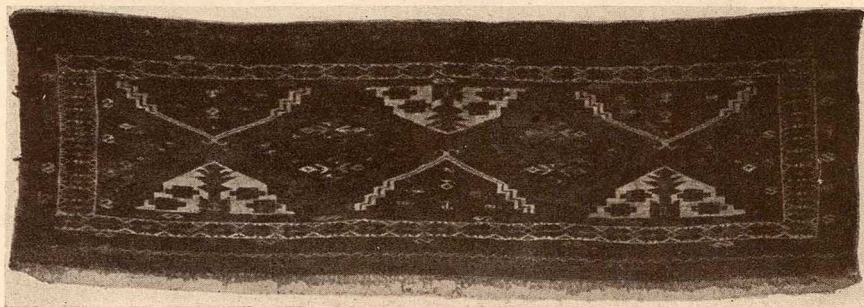

Іомудскіе „іоламы“ (дорожки) — детали.

Détails de iolames (bordures de tapis) iomoudes.

Юмудскій капунуукъ. (Русскій Музей Александра III).
 Кароунпук юмуде. (Musée Russe Alexandre III).

Эрсаринскій капъ XVIII в. (Русскій Музей Александра III).
 Таріс ерсаріен. XVIII-е с. (Musée Russe Alexandre III).

Иомудский капуннукъ (деталь).
(Русский Музей Александра III).

Détail d'un kapounnouk iomoude.
(Musée Russe Alexandre III).

ея обратномъ пути, первымъ вступилъ въ ихъ предѣлы, причемъ задачей его было подняться какъ можно дальше вверхъ по Мургабу и собрать свѣдѣнія о сарыкахъ, ихъ земледѣліи, скотоводствѣ, торговлѣ, отношеніяхъ къ сосѣдямъ и проч. Это происходило какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нашъ отрядъ собирался выступить противъ Мерва, гдѣ собрались и укрѣпились всѣ недовольные элементы текинцевъ. Лессаръ отправился въ сопровожденіи переводчика и 5 туркменовъ изъ Мерва въ Иолатанъ. По пути онъ встрѣтилъ сперва небольшое племя «Векилъ», а затѣмъ аулы рода Медше-уръ — одного изъ мелкихъ туркменскихъ племенъ, сидѣвшаго здѣсь еще до вторженія въ Мервъ текинцевъ и послѣдними оставленнаго на занятыхъ земляхъ въ качествѣ «гостей» (михманъ).

Оказалось, что Иолатанъ представлялъ собой обширную площадь развалинъ стараго Иолъ-Отана, гдѣ на высокомъ берегу Мургаба возвышалась новая крѣпость. Иолатанскій оазисъ, непосредственно примыкающій къ мервскому, былъ населенъ сарыками, весьма обнищавшими. Ни хорошихъ коней, ни богатаго оружія у нихъ не было и впечатлѣніе они оставляли неважное. Небольшой сарыкскій родъ Гѣрсекъ въ частности считался воровскимъ своими же соплеменниками и былъ у нихъ на плохомъ счету. Въ Пендѣ Лессаръ нашелъ совсѣмъ иную картину: пендинцы были зажиточнѣе, у нихъ были прекрасные кони, лучшая одежда и богатое оружіе. Кибитки ихъ были новыя и украшены красивыми коврами. Лессаръ былъ первымъ путешественникомъ, ближе изслѣдовавшимъ этотъ край. Европейцы, бывавшіе тамъ до него (англичане Шекспиръ и Абботъ, ген. Гродековъ, Н. Петрусевицъ, англійскій полковникъ Стюартъ, кап. Гладышевъ, пор. Хабаловъ и Н. В. Чарыковъ) могли добыть лишь весьма отрывочныя свѣдѣнія. * Границами этой юго-западной Шуркменіи являются мервскій оазисъ, Мургабъ и рѣка Кушкъ, борхутскія горы и Герирудъ, служащій одновременно и персидской границей. Протяженіе оазиса съ сѣвера на югъ составляетъ верстъ 250, а ширина его въ среднемъ равняется 100 верстамъ.

По ихъ свѣдѣніямъ скотоводство находилось въ цвѣтущемъ состояніи и, благодаря этому, сарыки жили въ довольствѣ. У многихъ имѣлось по нѣсколько кибитокъ. Кибиточныя кошмы у нихъ съ обѣихъ сторонъ обшиваются бѣлымъ холстомъ, что придаетъ кибиткамъ опрятный праздничный видъ; этимъ сарыкскіе аулы выгодно отличаются отъ ауловъ другихъ племенъ. Въ юртахъ мы находимъ множество ковровъ и всевозможнаго имущества, а многія изъ нихъ украшены даже съ наружной стороны дорожками и весьма цѣнными коврами. Такъ часто встрѣчающіеся въ Мервѣ тростниковые, обмазанные глиной, шалаши бѣдняковъ почти совершенно не попадаются въ Пендѣ. По показаніямъ самихъ туркменовъ, можно было по говору отличить сарыка отъ салора или текинца, а еще легче отъ болѣе отдаленныхъ юмудовъ, эрсарей и другихъ племенъ. Это и вполнѣ вѣроятно, такъ какъ у каждого изъ этихъ, постоянно враждовавшихъ между собой, племенъ естественно должны были выработаться свои особенности. Одежда мужчинъ сходна съ текинской. Женщины же почти исключительно одѣ-

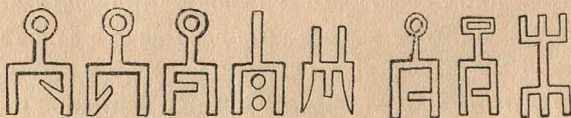
* Sir H. Rowlinson: Mr. Lessar's second journey in the turkoman-country. Proceedings of The Royal Geographical Society. Jan. 1883.

ваются въ синій цвѣтъ, а не въ красный, какъ текинки. Иолатанскія стада немногочисленны, тогда какъ большія пендинскія стада пасутся въ бадхызскихъ горахъ, за что пендинцы, впрочемъ, обязаны платить афганцамъ. Сарыкскія овцы прекрасной породы и пастбища сарыковъ считаются лучшими во всей туркменской степи; поэтому сарыки и являются, несмотря на непрерывныя войны, самымъ богатымъ туркменскимъ племенемъ.

До 1884 г. дорога между Пендѣ и Иолатаномъ была весьма небезопасна, и караваны проходили здѣсь подѣ постоянной угрозой нападенія и ограбленія. Поэтому торговля болѣе сѣвернаго Иолатана шла главнымъ образомъ съ Бухарой, а болѣе южнаго Пендѣ — съ Гератомъ.

Въ 1884 г. численность сарыковъ доходила, по словамъ Лессара, до 12.000 кибитокъ, изъ нихъ около 4000 въ Иолатанѣ, а остальные въ Пендѣ, Кушкѣ, Кашѣ и Кайсорѣ. По укладу жизни и обычаямъ, сарыки лишь незначительно отличаются отъ текинцевъ. Пендинцы являются наименѣе осѣдлыми изъ всѣхъ туркменовъ. Во всемъ оазисѣ не имѣется ни одного, хотя бы самаго простого, постоянного зданія; всѣ живутъ группами кибитокъ, которыя ставятся въ совершенно открытыхъ мѣстахъ. Характеръ пейзажа этой мѣстности слѣдующій: склоны горъ, образованныя твердымъ песчаникомъ, совершенно голы; лишь по берегамъ Герируда встрѣчаются небольшія рощицы и заросли кустарника, но зато во всякомъ поселкѣ имѣются богатые фруктовыя насажденія. Берега рѣкъ представляютъ собой либо богатые пастбища, либо пустынные пески. Попадаются иногда тополя, ивы и разные кустарники, также фисташковые и туовыя деревья. На совершенно ровномъ плоскомъ треугольникѣ между рѣками Мургабъ и Кушкъ лежитъ Пендѣ, главное поселеніе сарыковъ.

Племя Сарыкъ, владѣющее по Мургабу оазисами Иолатанъ и Пендѣ, имѣетъ слѣдующія подраздѣленія: Байрадчѣ, Сукты, Алаша, Хорасалы и Герзеки; послѣдніе раздѣляются на двѣ отдѣльныя вѣтви, такъ, что сами сарыки всегда утверждаютъ, что ихъ племя состоитъ изъ шести вѣтвей.

Среднеазиатскія и кавказскія мусульманскія тамги.
„Tamgha“ — signes héraldiques musulmans.

Шекинцы.

Шекинцы раздѣляются на три главныя группы: ахалъ-текинцевъ, мервскихъ и тедженскихъ. Общимъ родоначальникомъ всѣ они почитаютъ Саларъ-Казана. По преданіямъ прочихъ туркменскихъ племенъ, праматерью текинцевъ была рабыня, и поэтому они у нихъ считаются низшими по происхожденію, отношеніе іомудовъ къ нимъ и совсѣмъ пренебрежительное, а туркменское слово текѣ означаетъ «коза».

Какъ почти всѣ туркмены, такъ и текинцы распадаются на два класса, на чомуровѣ — болѣе осѣдлыхъ земледѣльцевъ и на чорвѣ — пастуховъ-кочевниковъ.

Шуркмены-текинцы производятъ впечатлѣніе сильныхъ и мужественныхъ людей. Обыкновенно они хорошо сложены и высокаго роста; у нихъ черные глаза, длинный носъ съ горбиной и густые волосы и борода. Голову они бреютъ и всѣ носятъ «тюбетейку», поверхъ которой надѣвается огромная лохматая баранья папахъ; рубахи и шаровары холщевые, поверхъ ихъ надѣвается халатъ изъ бумажной матеріи, затянутый широкимъ кушакомъ. Развлеченіями текинцевъ служатъ скачки, бои верблюдовъ, барановъ и пѣтуховъ, или кулачные бои и борьба мальчиковъ. Героическія преданія и пѣніе играютъ немаловажную роль, а въ качествѣ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ распространена тростниковая сопѣлка (свирѣль) и дутарѣ.

Пекинки лица не закрываютъ, но въ остальномъ находятся въ совершенно подчиненномъ положеніи. Въ замужество онѣ продаются за высокій калымъ, который, по Черчиллю, за вдову всегда выше и повышается съ каждымъ новымъ замужествомъ, ввиду, якобы, большей опытности вдовъ въ работѣ ковровъ. Сверхъ обычнаго домоводства, исключительно женскимъ дѣломъ являются сборка и разборка кибитокъ, но главнымъ занятіемъ текинокъ является тканье ковровъ, матерій и проч., а также изготовленіе кошмѣ; затѣмъ онѣ шьютъ наряды и расшиваютъ ихъ весьма прочно и кропотливо разноцвѣтными шелками.

Оазисъ Ахалъ-теке составлялъ, по свѣдѣніямъ древнихъ греческихъ географовъ, часть государства Маргіана, лежавшаго между рѣками Атрекомъ (Euphrates) и Аму-Дарьей (Oxus), которыя обѣ вливались въ Каспійское море. Черезъ этотъ оазисъ проходилъ Александръ Великій, когда изъ лѣсовъ Гирканіи направлялся въ Бактрію. Названіе «Ахалъ» происходитъ якобы отъ словъ «Акъ-халъ», что означаетъ «бѣлая родинка», и это было по преданію имя пустынника, впервые появившагося среди туркменовъ съ проповѣдью ислама, Ахалъ-текинскій оазисъ простирается отъ Кизилъ-Арвата (по туркменски — красная дѣвица) до Гяурса, приблизительно на 240 верстѣ. Его окружаютъ Копетъ-дагъ, Хорасанскія горы и пустыня Кара-кумъ (по туркменски — черный песокъ); ширина его лишь 20 — 30 верстѣ. Здѣсь находятся два знаменитыхъ пункта: Геокъ-тепе и Асхабадъ. Названіе Геокъ-тепе происходитъ отъ слова «туокъ» — спаленный, выжженный, или отъ слова «гѣкъ, гыокъ» — голубой, и слова «тепе» — холмъ. Здѣсь находилась сильная крѣпость, взятая Скобелевымъ приступомъ въ 1881 г., а Асхабадъ является въ настоящее время центромъ Закаспійской области. Названіе происходитъ либо отъ туркменскаго слова «усхъ» — милый, или отъ арабскаго «асъ-хабъ» — хозяинъ, и отъ слова «абадъ» — поселокъ, городъ.

Мервѣ, — старый Мервѣ, Меру, Муру, Мерви-шахъ, Маргія, Селевкія-Александрія, какъ онъ называется у Діодора, Страбона, Арріана и другихъ — носитъ теперь у туркменовъ имя Кунія-Мервѣ — старый Мервѣ. Городъ этотъ, лежащій на Мургабѣ, былъ въ свое время богатой, густонаселенной и обширной столицей Хоросана и въ настоящее время считается центромъ земель, населяемыхъ туркменами, — древней области

Маргианы. Мервѣ былъ осажденъ уже Александромъ Великимъ, затѣмъ входилъ въ составъ новоперсидскаго царства, арабскаго халифата, а въ IX в. былъ самостоятельнымъ съ туземной династіей во главѣ, затѣмъ былъ покоренъ узбеками, сельджуками и въ 1219 г. взятъ сыномъ Чингисъ хана — Шули-ханомъ, который перерѣзалъ здѣсь якобы до милліона народа. Затѣмъ въ концѣ XIV в. старый городъ былъ разрушенъ Шимуромъ, вновь построенъ его сыномъ, покоренъ узбеками, а въ 1795 г. его завоевываетъ эмиръ Бухарскій. Съ тѣхъ поръ это мѣсто представляло обширную площадь, усѣянную развалинами, среди которыхъ видѣлись кибитки кочевыхъ туркменовъ.

Ужѣ въ древности Мервѣ славился своими бумажными и полотняными тканями, какъ объ этомъ упоминаетъ уже Ибнъ-Хаукаль въ 950 г. Ковры текинцевъ принадлежатъ къ лучшимъ туркменскимъ издѣліямъ, но неправильно въ торговлѣ чуть ли не всѣ туркменскіе ковры называются текинскими. Старинные салорскіе ковры стоятъ выше ихъ, а издѣлія іомудовъ и гоклановъ почти равны имъ по достоинству. Основной цвѣтъ текинскихъ ковровъ — буровато-вишнево-красный, а въ орнаментѣ и въ узорахъ мы находимъ темносиній, свѣтло-кирпичный и желтовато-бѣлый (цвѣтъ слоновой кости), темный желтовато-зеленый и черный цвѣта. Основа и узоръ всегда шерстяные; лишь въ послѣднее время для основы берется и русская пряжа.

Асхабадскіе текинцы сами окрашиваютъ лишь въ красный и желтый цвѣта; для крашенія въ остальные цвѣта они отдаютъ, по свѣдѣніямъ Черчилля, пряжу въ города. Для желтыхъ тоновъ они употребляютъ «исперакъ», для красныхъ — «бакамъ кирмизъ» камышевое дерево, *bois de sapan* (*Haematoxylon camphesianum*), фонъ всегда преобладаетъ надъ узоромъ.

Пекинцы выдѣлываютъ только «даури-хана». Ихъ шитые паласы и прочія вышивки отличаются, по словамъ С. М. Дудина, всегда одноцвѣтнымъ бѣлымъ или краснымъ фономъ. За послѣдніе 50 лѣтъ текинцы показали наибольшую ковровую производительность по сравненію съ остальными туркменами; этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ торговлѣ извѣстно почти исключительно одно ихъ имя и что всѣ ковры, приходившіе въ Европу черезъ Мервѣ и Асхабадъ, назывались текинскими.

Въ трудѣ «*L'art de l'Asie centrale*» Симаковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ рисунковъ бухарскихъ, и текинскихъ ковровъ, но раскраска ихъ неудачна и рисункъ исполненъ слишкомъ схематично и аккуратно. О трудѣ А. А. Астафьева «Пекинскіе орнаменты, собранные въ Ахалъ-текинской экспедиціи съ ихъ примѣненіемъ для ковровъ, вышивокъ и пр.» нужно сказать то же самое. Помѣщенные тамъ 28 рисунковъ, исполненные схематично, съ величайшей аккуратностью, какъ узоры для вышиванья по канвѣ, теряютъ въ такой европейской передачѣ всякую прелесть. При этомъ нужно отмѣтить, что не всѣ приводимые Астафьевымъ рисунки текинскіе; среди нихъ попадаются и іомудскіе и салорскіе, бывшіе, повидимому, военной добычей, находимой въ кибиткахъ текинцевъ; при постоянныхъ междоусобныхъ раздорахъ среди туркменовъ это было такъ возможно.

Стилизація двуглавого
орла.

Aigle bicéphale
stylisée.

Іомуды и гокланы.

Объ этихъ племенахъ имѣются три подробныхъ отчета 1842, 1846 и 1872 гг. Въ 1842 г. баронъ К. фонъ Боде посѣтилъ земли ихъ и наблюденія его были опубликованы въ 1849 г. въ «Запискахъ Импер. Русскаго Географическаго Общества». Извлечемъ оттуда нѣкоторые данныя.

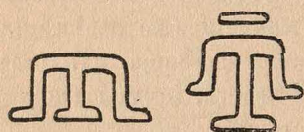
Пастбища (и кочевья) іомудовъ и гоклановъ находятся восточнѣе пастбищъ текинцевъ и отдѣляются отъ нихъ горнымъ хребтомъ Эльбурсъ. На югъ они доходятъ до Гургена и Кара-су; на сѣверъ — до Хивинской пустыни. Границей между территориями гоклановъ и іомудовъ служатъ минаретъ Гумбети-Каусъ и Герирудъ, причемъ, во избѣжаніе постоянныхъ треній между этими двумя племенами, пастбища ихъ раздѣлены нейтральной зоной, шириною около 2 верстъ; іомуды пасутъ свои стада западнѣе этой полосы, а гокланы восточнѣе.

Изъ всѣхъ туркменовъ у гоклановъ лучшія пахатныя и пастбищныя земли. У подножья горъ почва превосходна и даетъ обильныя жатвы, кромѣ того всюду имѣется достаточно воды, притомъ весь край, за исключеніемъ границы съ Персіей, болѣе защищенъ отъ нападеній, чѣмъ владѣнія другихъ племенъ. Къ гокланамъ бар. Боде относитъ роды: 1) Янгакъ, 2) Сенкрикъ, 3) Череръ-Бегдели, 4) Керикъ, 5) Бо-индеръ, 6) Кара-Балханъ, 7) Еркеклэ, 8) Кои, 9) Аи-Дервишъ, въ количествѣ всего 2500 семействъ. Эти главные роды, въ свою очередь, подраздѣляются на безконечное число болѣе мелкихъ. Каждая «обэ» или группа (отъ 10 до 100) кибитокъ имѣетъ свое особое названіе и подчиняется своему «ак-сакалу» или старшинѣ. Набѣги хивинскихъ хановъ сильно уменьшили ихъ численность, и большая часть гоклановъ должна была переселиться въ Хиву. Однако, въ послѣдствіи, въ виду меньшаго плодородія почвы и особенно недостатка воды, часть выходцевъ опять вернулась на старое мѣсто. Но это возвращеніе происходило лишь постепенно, такъ какъ поселившимся въ Хивинскомъ ханствѣ строжайше воспрещалось оставлять его предѣлы; поэтому приходилось уходить тайкомъ и поодиночкѣ. Хотя гокланы живутъ еще въ кибиткахъ, они все же скорѣе осѣдлые, чѣмъ кочевое, племя и большинство ихъ земледѣльцы.

Роды Кои и Бо-Индеръ, отчасти Керикъ и Кара-Балханъ, занимаются шелководствомъ. Гокланки ткутъ превосходные ковры и выдѣлываютъ кошмы, кисти, ленты и всѣ принадлежности кибитокъ, а также и матеріи изъ шелка и изъ грубой шерсти.

Въ 1902 г. С. М. Дудинъ нашелъ гоклановъ лишь въ сравнительно маломъ числѣ и пишетъ, что изъ прежде занимаемыхъ ими мѣстностей они по большей части исчезли.

Владѣнія іомудовъ ограничиваются: на востокѣ — минаретомъ Гумбети-Каусъ и рѣкой Герирудъ, на югѣ — рѣкой Гургенъ; на западѣ — Каспійскимъ моремъ, а на сѣверѣ Хивинской пустыней. Іомуды дѣлятся на 4 главныхъ рода: Шерефъ, Чуни, Крджукъ-Татаръ и Байрамшъ-Али, въ свою очередь распадающихся на множество «тир» — семей или мелкихъ родовъ. Раздѣленіе на «чомуровъ» (болѣе осѣдлое) и «чорвовъ» (кочевники) у іомудовъ особенно рѣзко: іомуды-чомуры менѣе дики и нѣсколько болѣе культурны. Они поддерживаютъ постоянныя сношенія съ Астерабатомъ, куда продаютъ ковры, кошмы, чепраки, хлѣбъ, лошадей и овецъ. Наиболѣе обширныя рисовыя поля ихъ находятся на Кара-су. Іомуды-чорвы живутъ преимущественно по Атреку. Они богаче чомуровъ, владѣютъ большими стадами овецъ и верблюдовъ и табунами лошадей и находятся въ меньшей зависимости отъ Персіи. Іомудская овца существенно отличается отъ овцы иранскаго плоскогорья: она меньше ростомъ и съ меньшимъ курдюкомъ; шерсть ея тоже менѣе тонкая и доброкачественная. Шѣмъ не менѣе іомудки умѣютъ выдѣлывать изъ нея отличные ковры, чепраки и т. д.

Среднеазиатскія и кавказскія мусульманскія танги.
„Tangha“ — signes héraltiques musulmans.

Іомуды крайне алчны и жадны, мстительны и горды. Они не выдаютъ дочерей замужъ за туркменовъ другихъ племенъ; тѣмъ не менѣе берутъ себѣ въ жены персіанокъ и киргизъ-кайсачекъ, которыхъ покупаютъ у узбековъ или забираютъ въ плѣнъ во время набѣговъ. Дѣти отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ носятъ названіе «гулъ», дѣти же чисто туркменской крови называются «икъ»; гулы могутъ жениться только на дочеряхъ гуловъ же, или на плѣнныхъ женщинахъ и даже, если такой гулъ сдѣлается предводителемъ или старшиной — онъ не можетъ взять себѣ въ жены чистокровную туркменку.

Съ тѣхъ поръ, какъ іомуды поселились на границѣ истерзанной внутренними смутами Персіи, они постоянно предпринимали въ предѣлы ея аламаны, встрѣчавшіе лишь слабое сопротивленіе. Въ 1842 г. у іомудовъ насчитывалось 6—7000 всадниковъ, изъ которыхъ, однако, лишь у 1000—1200 были хорошіе кони и огнестрѣльное оружіе, между тѣмъ какъ вооруженіе остальныхъ состояло только изъ копыя и шашки. По временамъ у нихъ устанавливались съ Персіей добрососѣдскія отношенія; старшины ихъ одно время даже присутствовали въ совѣтѣ шаха и 250 конныхъ іомудовъ и гоклановъ постоянно служили за плату въ персидскихъ войскахъ. Настоящихъ даней они не платили, лишь къ празднику «новрузъ» они ежегодно преподносили шаху въ даръ извѣстное число лошадей — и то скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ по обязанности. По временамъ также намѣстники и правители смежной персидской провинціи Астерабатъ взимали дань съ каждой іомудской кибитки, но раздавали столько халатовъ знатымъ и старшинамъ во время сбора ея, что доходъ уравнивался расходомъ.

Тогда какъ голканы, какъ сказано выше, охотно занимаются земледѣльческимъ трудомъ, іомуды — природные купцы и торговцы. Всѣ почти торговые сношенія между Хивой и Астерабадомъ находятся въ ихъ рукахъ. Въ Шегеранѣ постоянно находилось нѣкоторое число іомудовъ въ качествѣ заложниковъ и родственники ихъ нерѣдко посѣщаютъ столицу, попутно забирая для продажи множество ковровъ, кошмъ, чепраковъ и прочихъ издѣлій своей кустарной промышленности. Іомудскій родъ Джафаръ-Бей занимается даже морской торговлей — нефтью, рыбою, каменной солью. Внутренняя торговля по всей туркменской территоріи находится въ рукахъ родовъ Ата и Шейхъ, которые наряду съ родами Махтумъ и Ходжа, считаются потомками четырехъ калифовъ; по этой причинѣ они пользуются среди всѣхъ туркменовъ особымъ уваженіемъ, нѣкоторые даже неприкосновенностью. Они по мѣрѣ силъ извлекаютъ выгоду изъ своего привилегированнаго положенія и, безопасно посѣщая земли сосѣдей, выступая посредниками между враждующими племенами и родами, пользуются случаемъ вести при этомъ оживленный мѣновой торгъ.

Къ даннымъ барона Бодѣ, собраннымъ лѣтъ 75 тому назадъ, мы присоединимъ еще нѣкоторыя выдержки изъ позднѣйшихъ записокъ русскаго военнаго, опубликованныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1872 г.

Іомуды раздѣляются на два главныхъ рода: Бейрамшъ-Али и Кара-Чуха, въ свою очередь распадающихся на рядъ вѣтвей. По образу жизни кара-чухинцы дѣлятся на осѣдлыхъ (чомуръ) и кочевыхъ (чорва). И тѣ и другіе живутъ въ кибиткахъ и, въ сущности, даже чомуры не остаются постоянно на одномъ мѣстѣ, но передвигаются со своими кибитками, только на небольшія разстоянія, версты на 2, на 3, главнымъ образомъ съ цѣлю перемѣнить свою загрязненную стоянку на чистую. Чомуры, живущіе въ юго-восточномъ углу по берегу Каспійскаго моря, занимаются рыболовствомъ и торговлей съ Персіей, а прежде слыли дерзкими пиратами; живущіе на Атрекѣ занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Напротивъ того, чорвы представляютъ собой кочевниковъ въ полномъ смыслѣ слова и никогда земледѣліемъ не занимаются. Рогатаго скота они не держатъ, а только верблюдовъ и овецъ. Въ каждомъ родѣ, даже въ каждомъ семействѣ одни члены осѣдлы, другіе же ведутъ кочевой образъ жизни, при этомъ отдѣльныя лица часто мѣняются ролями. Ссора съ сосѣдомъ, бракъ съ дочерью кочевника уже достаточны, чтобы превратить осѣдлаго въ кочевника и наоборотъ. Кара-чухинцевъ въ 1872 г. насчитывалось 7.200 кибитокъ. На Россійской территоріи изъ нихъ проживало приблизительно 900 кибитокъ, главная же масса держалась въ предѣлахъ Персіи. Кочевые карачухинцы собираются на зимовья на Гургенѣ и на Атрекѣ обыкновенно въ ноябрѣ и остаются здѣсь до середины февраля, а лѣтомъ сосредоточиваются на пастбищахъ.

Убранство и украшеніе кибитки у зажиточныхъ іомудовъ составляютъ ковры и подушки. Послѣднія имѣютъ форму цилиндра и называются мутаками, — названіе общеупотребительное вообще въ Средней Азіи и на Кавказѣ для подобныхъ подушекъ. Убранство кибитокъ гораздо богаче чѣмъ у прочихъ туркменовъ. Вся внутренняя сто-

рона плетеныхъ стѣнъ кибитки зашивается коврами и шелковыми тканями. Шамъ, гдѣ смыкается сводъ со стѣнами юрты прикрѣпляется по всей юртѣ (сѣ внутренней стороны) фризь, состоящій изъ длинной и узкой ковровой полосы, специально выдѣланной для этого, отличающейся особой техникой и своеобразнымъ узоромъ, не встрѣчающимся на другихъ ковровыхъ издѣліяхъ. Длина ея соответствуетъ длинѣ окружности юрты, ширина колеблется отъ 3 до 18 вершковъ. Особенно красивыя, тщательно выдѣланныя и широкія «дорожки» составляютъ гордость хозяина кибитки и служатъ мѣриломъ его состоятельности. Эти ковры извѣстны въ продажѣ подъ названіемъ «дорожекъ». Кошмы (войлочные ковры) у іомудовъ бываютъ двухъ сортовъ: болѣе тонкія, темно-желтаго цвѣта — ими обыкновенно покрываютъ кибитки; и болѣе толстыя и прочныя, темнаго цвѣта съ пестрымъ рисункомъ, которыя разстилаются на полу или замѣняютъ настоящіе ковры.

Іомуды, какъ и всѣ туркмены, носятъ шерстяные халаты, темно-желтаго цвѣта. На головѣ они носятъ, какъ почти всѣ бредущіе голову народы, тюбетейку, а поверхъ нея — огромную овальной формы баранью папаху, лохматый длинный мѣхъ которой придаетъ носителю весьма дикій видъ. Женщины обыкновенно одѣты въ шелковыя рубашки и такіе же шаровары, а поверхъ этого халаты, или накидываютъ на себя большой платокъ. Онѣ носятъ громадные головные уборы, увѣшанные золотыми и серебряными украшениями, монетами, камнями и т. п.

Совсѣмъ особую и совершенно замкнутую область, населенную исключительно іомудами, составляютъ островъ Челекенъ, недалеко отъ Красноводскаго мыса, и полуостровъ Мангышлакъ, которымъ они владѣютъ, впрочемъ, совмѣстно съ киргизами. Недалеко отсюда, къ сѣверу, у устья Урала находилась вторая столица хановъ Золотой Орды — Сарайчикъ, но постепенно сюда продвинулись уральскіе казаки и здѣсь волны безпокойныхъ разбойничьихъ степныхъ племенъ разбивались о крайній, передовой оплотъ Россійскаго государства. Эти іомуды занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ, торговлей и промышленностью. Шорговля ихъ въ прежнее время была оживленнѣе, особенно въ 1810—15 гг.; по словамъ туркменовъ, въ нынѣшнемъ Ново-Петровскѣ собиралось до 5.000 верблюдовъ съ товарами для Астрахани, привозимыми сюда изъ Средней Азіи, Персіи и Индіи; есть даже указанія, будто туркмены одно время разводили здѣсь шелковицу.

М. И. Иванинъ въ 1846 г. описываетъ посѣщеніе ауловъ туркменовъ-ходжа, живущихъ приблизительно въ 70 верстахъ отъ Петровска по сосѣдству съ киргизскимъ племенемъ Адай. Убранство ихъ кибитокъ отличалось чистотой и опрятностью, въ немъ виденъ былъ даже изящный вкусъ. Внутри кибитки были завѣшаны коврами, на полу были постланы кошмы, а поверхъ ихъ — ковры; сундуки и кровати были аккуратно разставлены. Сырая копченая говядина была не просто развѣшана, какъ у киргизовъ, но обернута чистыми полотенцами, «однимъ словомъ, между туркменскими и киргизскими кибитками такая же разница, какъ между опрятнымъ домикомъ помѣщика и грязной крестьянской избой».

Главнымъ занятіемъ племени Ходжа является выдѣлка ковровъ. По ихъ словамъ они сами готовятъ краски и сами же занимаются кра-

Огурджалинский намазлыкъ
начала XIX в.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (namazlyk) ogourdjalien.
(Début du XIX-e s.).
(Musée Russe Alexandre III).

Огурджалинскій осмолдукъ съ острова
Челекена.

Osmoldouk ogourdjalien provenant de l'île
Tchélékenn.

пеніемъ. Особенно удивительно, сообщаетъ далѣе Иванинъ, что они, при кочевомъ образѣ жизни, умудряются выдѣлывать ковры длиной и шириной въ 5 аршинъ и выше; правда, стрижка у нихъ не всегда равномерна.

О тѣхъ іомудахъ, занявшихъ пастбища близъ форта Александровска, мы имѣемъ свѣдѣнія по запискамъ М. Н. Галкина отъ 1868 г. Онъ нашелъ, что ихъ скотоводство весьма незначительно, особенно у племени Игдырцевъ, кочующихъ отъ Киндерли до Кара-Бугаза. Богаче другихъ племѣя Ходжа. Самые богатые изъ нихъ имѣли до 40 верблюдовъ и до 300—400 барановъ, но ихъ только 2, 3 человека. Отсутствіе скотоводства обуславливаетъ и домашнія работы, исключительное состояніе женщинъ, какъ дѣланіе ковровъ и пр. Произведеній такихъ мало и въ продажу они почти не идутъ. Довольно оригинально, что въ узорѣ ковровъ какъ у этихъ, такъ и у всѣхъ прибрежныхъ туркменъ входитъ непременно изображеніе якорей большой и малой величины. Краски для ковровъ они берутъ на Челекенѣ. Коврами и порохомъ ограничиваются торговые сношенія этихъ туркменъ со своими сосѣдями, остальными іомудами, живущими за Кара-Бугазомъ.

Въ общемъ ковровыя издѣлія іомудовъ, гоклановъ, чаудоровъ и др. отличаются высокимъ качествомъ, хотя обыкновенно они менѣе тонки и менѣе коротко стрижены, чѣмъ салорскія и текинскія. Но зато краски въ нихъ великолѣпны и старые ковры обладаютъ шелковистостью въ высокой степени. Специальностью іомудовъ являются всегда парные халыки и осмолдуки — ковры, напоминающіе формой чепраки, употребляемые исключительно какъ украшеніе для верблюдовъ въ свадебномъ шествіи; такъ какъ всѣ они выдѣлываются на подкладкѣ, то въ обыкновенное время они замѣняютъ въ кибиткѣ мафрачи.

Шолько эти племена и изготовляютъ такіе ковры, въ Ахалъ-Шеке и въ Мервѣ они не выдѣлываются вовсе. Затѣмъ, всѣ старыя бѣлыя дорожки съ гладкимъ фономъ и стриженнымъ узоромъ, на которыхъ лѣтъ 20 назадъ былъ такой спросъ (для обивки мебели) и за которые тогда очень дорого платили, являются, по словамъ С. М. Дудина, исключительно издѣліями іомудовъ и родственныхъ имъ племенъ. Очень часто въ іомудскихъ коврахъ узоръ преобладаетъ надъ фономъ. Среди іомудскихъ орнаментовъ можно упомянуть о такъ называемыхъ въ Россіи «подсвѣчникахъ»; затѣмъ о сильно стилизованныхъ птичьихъ фигурахъ, между которыми появляется и двуглавый орелъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ бѣлыхъ дорожекъ встрѣчаются еще, особенно у племени Канюкъ-Маръ, гладкія дорожки, выдержанныя въ красномъ, черномъ и бѣломъ цвѣтахъ.

Орнаменту ковровъ іомудовъ и огурджалинцевъ, кочующихъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, пока очень трудно охарактеризовать тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе ковры часто похожи другъ на друга и опредѣлить ихъ бываетъ трудно. У огурджалинцевъ также замѣчается обыкновенно преобладаніе узора надъ фономъ и въ коврахъ имѣется обычно столько же бѣлаго, сколько красного и синяго. Полосы, ломанныя, зубчатая, стропилообразныя фигуры встрѣчаются чаще всего: затѣмъ встрѣчаются узоры, состоящіе изъ примкнутыхъ другъ къ другу восьми-

угольниковъ, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на 4 поля или болѣе, причемъ въ поляхъ помѣщаются особыя фигуры вродѣ цифры «5». Статья о іомудскихъ коврахъ К. Гопфа, появившаяся въ 1902 г. въ Германіи, къ сожалѣнію, намъ не была доступна и мы не могли здѣсь использовать его свѣдѣнія.

Стилизованныя животныя
въ ковровомъ орнаментѣ.

Figures d'animaux
stylisées.

Кара-туркмены, аліели и эрсари.

Кара-туркмены и аліели живутъ главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Кызыль-Аяка и въ Керкахъ; кромѣ того встрѣчаются отдѣльныя небольшія группы аліелинцевъ близъ Андикуя и Кашки. Эти пришли сюда не изъ Афганистана, какъ думаетъ полк. Стюартъ, * а изъ Китая, какъ это уже въ 1884 г. установилъ Лессаръ, встрѣчавшій тогда аліелинцевъ близъ Кашки. Объ этомъ упоминаютъ и другіе, англійскіе, путешественники. **

Ковры каратуркменовъ и аліелинцевъ обыкновенно называются общимъ именемъ «кызыль-аякскихъ». Шакъ называемые «керкинскіе» происходятъ изъ той же мѣстности и выдѣляются въ частности въ окрестностяхъ Керки; они являются разновидностью кызыль-аякскихъ; количество цвѣтовъ ихъ меньше, чѣмъ у первыхъ; въ продажу они обыкновенно поступаютъ подъ названіемъ «бухарскихъ» ковровъ. Весьма характеренъ для нихъ орнаментъ въ видѣ зубчатаго листа, обыкновенно краснаго на синемъ фонѣ. Другая группа этихъ ковровъ называется «баширскими» коврами. Въ нихъ узоръ преобладаетъ надъ фономъ, въ то время какъ въ Кызыль-аякскихъ фонъ все же ясно выдѣляется. Во всѣхъ этихъ коврахъ преобладаетъ красный цвѣтъ.

Въ заключеніе, изъ остальныхъ туркменскихъ племенъ нужно упомянуть еще объ эрсариндахъ, кочующихъ по Аму-Дарьѣ; они выдѣляются почти исключительно длинными узкія торбы, мафрачи и османлыхи, очень хорошіе по качеству.

* Proc R. G. S. 1881, № 9.

** Extraits from a diary of a tour in Khorassan by Capt Napier. Journ R. G. S. Vol XLVI, p. 91.

VII. Киргизы.

Подъ именемъ «киргизовъ» въ настоящее время объединяется народность, въ составъ которой входитъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ племенъ: болѣе западныя — «киргизъ-кайсаки», и живущія въ восточномъ Туркестанѣ — «кара-киргизы». Первыми свѣдѣніями о киргизахъ, относящимися еще къ до-христіанской эрѣ, мы обязаны китайцамъ, которымъ киргизы были извѣстны подъ разными иными названіями. Въ свое время киргизы имѣли свое самостоятельное сильное государство, предѣлы котораго простирались отъ Байкала до восточнаго Туркестана, а, быть можетъ, и до самаго Шибета. Ко времени подчиненія киргизовъ владычеству монголовъ въ эпоху Чингизъ-хана, имя «киргизъ» для этого народа является уже установившимся. Въ XIV вѣкѣ, свергнувъ иго монголовъ, они ведутъ съ ними непрестанныя войны. Къ тому времени кара-киргизы уже успѣли сильно смѣшаться съ бурутами, народностью, жившей по южнымъ склонамъ Шянь-Шаня. Въ 1745 г. отъ главнаго племени отдѣлилась Кипчакская орда, поселившаяся южнѣе Хотана. Всѣмъ восточно-туркестанскимъ киргизамъ пришлось въ срединѣ XVIII в. подчиниться китайскому господству, а въ 1860-хъ гг. часть киргизовъ перешла въ русское подданство. Последними изъ этихъ племенъ признали русское владычество монгуши и адыгинцы въ Ферганской области. Съ той поры прочимъ киргизамъ, не перешедшимъ въ предѣлы Россіи, пришлось подчиниться Китаю, въ особенности же съ момента возстановленія китайскаго владычества въ Кашгарѣ въ 1878 г. Надо полагать, что и понынѣ киргизскія племена, живущія въ этихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, не особенно стѣсняются пролегающаго тамъ государ-

ственного рубежа и свободно переходятъ его при ежегодныхъ кочевкахъ. Въ Кашгарскомъ округѣ киргизы занимаютъ предгорья и горы, гдѣ и живутъ совершенно самостоятельной жизнью, несмотря на свое номинальное подчиненіе Китаю. До самаго взятія русскими Коканда, они, какъ и туркмены на западѣ, предпринимали частые разбойные набѣги и нападенія на города, поселки и караваны. Другая часть кара-киргизовъ занимаетъ плоскогорье Памира, а третья населяетъ средній Шянь-Шань, проникая вглубь Алтая съ одной стороны и въ Монголію съ другой.

Отдѣльныя киргизскія племена лишь незначительно отличаются другъ отъ друга въ обычаяхъ, укладѣ жизни, одеждѣ и устройствѣ жилищъ. Киргизы, нѣсколько различаясь въ зависимости отъ примѣси монгольской или иранской крови, въ общемъ имѣютъ тѣлосложеніе плотное и крѣпкое, грудь широкую, растительность на лицѣ скудную; черты лица чаще носятъ монгольскій отпечатокъ. Степная жизнь съ ея рѣзкими климатическими переходами закалила киргиза, сдѣлала его нечувствительнымъ къ зною и холоду и развила въ немъ острое зрѣніе и слухъ.

Численностью киргизы превосходятъ всѣ прочіе кочевые народы Средней Азіи. Площадь ихъ кочевья громадна: одни киргизъ-кайсаки распространяются на площади свыше 50.000 кв. миль. Большая часть киргизовъ нынѣ подвластна Россіи; помимо Средней Азіи, мы встрѣчаемъ ихъ въ Астраханской губ., въ Приуральѣ, въ Шургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ; въ кочевкахъ они заходятъ и въ Оренбургскую губ. Киргизы всѣхъ племенъ убѣждены въ своей принадлежности къ единой народности, раздѣляющейся на три отдѣла: Большую, Среднюю и Малую орды; отъ послѣдней отдѣлилась Букеевская. Специально насъ интересующіе восточно-туркестанскіе кара-киргизы дѣлятся на 2 главныхъ вѣтви — «онгъ» (правую) и «солъ» (лѣвую). Жившіе еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ совершенно самостоятельно среди китайцевъ и другихъ народовъ Средней Азіи, кара-киргизы сохранили воинственный духъ и національное самосознаніе сильнѣе, чѣмъ киргизъ-кайсаки. Они кочуютъ не отдѣльными аулами, какъ кайсаки, а цѣлыми родами. При зимнихъ мѣсяцахъ они проводятъ постоянно на одномъ мѣстѣ, причѣмъ зимуютъ въ землянкахъ и мазанкахъ, а болѣе зажиточные въ деревянныхъ избахъ; но едва стають снѣга, какъ наступаетъ время перекочевковъ, обусловливаемыхъ не поисками лучшихъ пастбищъ, а многовѣковой традиціей. Каждый родъ или аулъ изъ года въ годъ слѣдуетъ по одному и тому же пути, останавливаясь каждый разъ у тѣхъ же ключей и колодезѣвъ, и неизмѣнно возвращаясь на зимовку на старое мѣсто. Всякая попытка нарушить установившійся порядокъ влечетъ за собой кровавыя столкновенія. Въ кочевое время отдѣльные роды останавливаются въ какомъ либо мѣстѣ не долѣе 1—2 недѣль. На мѣстѣ стоянки первымъ долгомъ разбираются кибитки, что лежитъ всецѣло на обязанности женщинъ.

Главнымъ источникомъ доходовъ у киргизовъ являются стада овецъ крупныхъ и сильныхъ, но безобразныхъ на видъ; курдюки ихъ даютъ 20—30 ф. сала, а темно-рыжая шерсть на нихъ растетъ клокьями и до того груба, что едва ли годится даже для самыхъ грубыхъ тканей. Наряду съ этими овцами, однако, нѣкоторые, особенно восточно-турке-

станскія, племена разводять еще тонкорунную породу, дающую прекрасную шелковистую шерсть, похожую на шерсть туркменских овец. Киргизы держат также отличных лошадей, коз и верблюдов; крупный же рогатый скот имѣется въ небольшомъ количествѣ и мало распространенъ. Въ то время, какъ вообще киргизы изготовляютъ лишь кошмы и простыя ткани, кара-киргизы Восточнаго Туркестана являются въ полномъ смыслѣ слова художниками въ ковровомъ производствѣ.

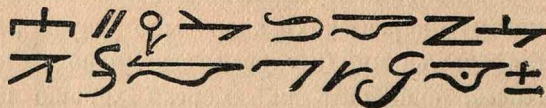
Киргизы—сунниты, однако, всѣ они весьма безразличны къ вопросамъ вѣры; выдающейся чертой ихъ характера являются гостепріимство и склонность къ поэзіи, что доказываетъ ихъ живую фантазію. Они отличаются замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, причѣмъ любятъ говорить ритмически развѣренной рѣчью, видя въ ней проявленіе высшаго въ мірѣ искусства; при такихъ условіяхъ понятна высокая степень развитія народной поэзіи, а послѣдняя имѣетъ громадное значеніе въ той отрасли, которой посвящено наше изслѣдованіе. Киргизскія женщины пользуются сравнительно большою свободой и не закрываютъ лица, зато на ихъ плечахъ лежатъ всѣ заботы, — что мы видѣли и у туркменовъ. Мужчины ведутъ праздную жизнь, развѣзжаются по ауламъ, ѣздятъ на охоту, собираются на скачки, сборища и т. п. Большинство имѣетъ по 2—3 жены, среди которыхъ первой подчинены остальные.

О ковровомъ производствѣ киргизовъ Ферганской области авторъ настоящей статьи получилъ въ 1902 г. рядъ цѣнныхъ свѣдѣній отъ прекраснаго знатока этого края, г. А. Утямышева въ Андижанѣ, которыми и пользуется въ своемъ изложеніи.

Прежде въ Ферганѣ выдѣлывались исключительно небольшіе ковры, размѣрами отъ $1\frac{1}{2} \times 3$ до 2×4 арш., но съ конца прошлаго вѣка здѣсь стали изготовляться и большіе ковры въ 10×16 арш. и болѣе, по своимъ размѣрамъ превосходящіе всѣ прочіе ковры Средней Азіи. Ковровое производство распространено по всей области и находится исключительно въ рукахъ киргизовъ, преимущественно племенъ Ичкиликъ, Хидыръ-Ша (Кадыръ-Ша) и Ширъ. Главными центрами являются Андижанскій уѣздъ съ волостями Курганъ-Шепинской, Дусала-Кудукской и Аймской, а также Ошскій уѣздъ съ волостью Булакъ-Башинской, гдѣ кочуютъ какъ разъ вышеупомянутыя киргизскія племена. Ковровое производство здѣсь растетъ съ каждымъ годомъ. Преобладающими цвѣтами мѣстныхъ ковровъ являются красный и синій; обычно либо по красному фону синій рисунокъ, либо по синему красный и черный. Прочіе цвѣта встрѣчаются рѣдко, такъ какъ иныхъ прочныхъ красокъ у киргизовъ нѣтъ; однако, изрѣдка попадаются желтый и зеленый. Разные оттѣнки цвѣтовъ достигаются одними и тѣми же красящими веществами, въ зависимости отъ большей или меньшей густоты даннаго раствора краски. Всѣ рисунки киргизскихъ ковровъ носятъ свои особыя названія по отдѣльнымъ элементамъ узора, преобладающимъ въ данномъ рисункѣ. Въ дальнѣйшемъ читатель найдетъ краткое описаніе и объясненіе старинныхъ киргизскихъ ковровыхъ узоровъ, здѣсь же прибавимъ, что авторъ статьи имѣлъ случай, вскорѣ послѣ полученія даныхъ А. Утямышева, проверить ихъ черезъ хорошо говорящаго по русски киргиза, казака Приданова, хорошо знакомаго съ народнымъ

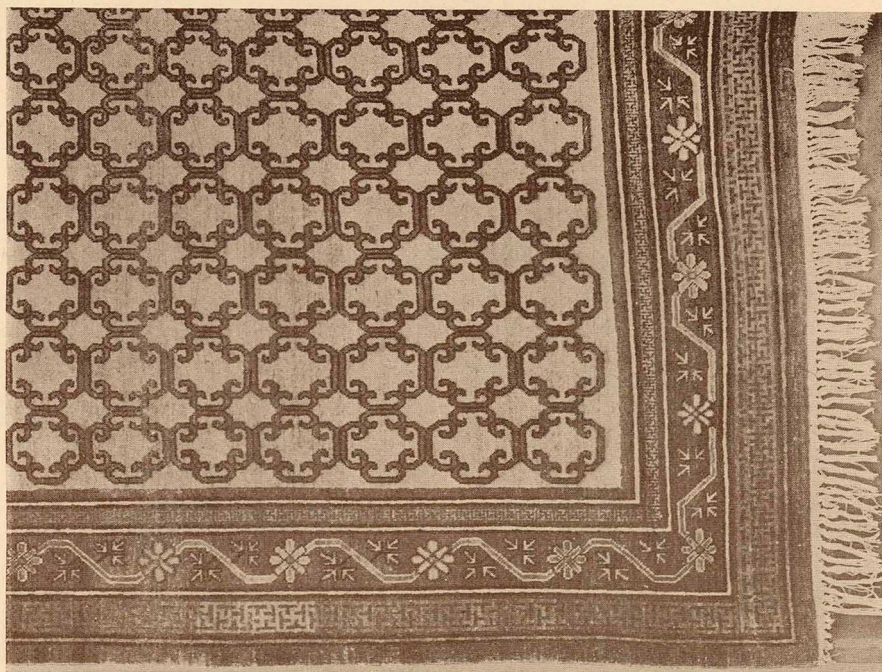
бытомъ и ковровымъ производствомъ. Далѣе, по многимъ вопросамъ авторомъ были получены подробныя указанія отъ г. Брандорфа, проведшаго много лѣтъ въ Ферганѣ на судебной должности, отъ С. М. Дудина, который втеченіе ряда лѣтъ путешествовалъ по Средней Азіи съ цѣлью собирательства для Русскаго Музея Александра III; такимъ образомъ, свѣдѣнія автора проверены впечатлѣніями разныхъ лицъ.

Обыкновенно названіе узору дается по какому либо часто повторяющемуся въ немъ орнаментальному мотиву. Утямышевъ уже указалъ, что киргизы передъ каждымъ названіемъ узора ставятъ слово «хучатъ» или «кучатъ», но изъ повѣрочныхъ сообщеній, выяснилось, что это слово является лишь непереводимой присказкой, и не обозначаетъ узоръ. Любопытно, что понынѣ каждое племя киргизовъ примѣняетъ свою родовую тамгу, особенно букеевскіе киргизы. Эти тамги встрѣчаются въ узорѣ каждой «дорожки», опоясывающей снаружи кибитку и извѣстны каждому киргизу, но онѣ не имѣютъ своихъ особыхъ названій, а называются по имени того рода, которому принадлежатъ. Незнакомые киргизы при встрѣчахъ первымъ долгомъ чертятъ на песокъ свои тамги, что нетрудно ввиду того, что фигура тамги обыкновенно состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ линий. Тамги наследственны, какъ гербы въ Европѣ или старинные японскіе фамиліные значки, которые, пожалуй, тоже можно было бы назвать гербами. Въ зависимости отъ численности рода можно встрѣтить десятки, а то и сотни, кибитокъ или юртъ съ той же тамгой, но обыкновенно число ихъ колеблется около 20. На стриженныхъ коврахъ тамги встрѣчаются лишь изрѣдка, такъ какъ они предназначаются для продажи, тогда какъ дорожки (по киргизски — «куръ») выдѣлываются въ каждой юртѣ, въ каждой семьѣ для собственнаго обихода. Существуетъ обычай собственную тамгу нашивать на подаркахъ на память. О значеніи тамги въ обиходѣ и жизни среднеазиатскихъ народностей мы уже выше говорили; имѣются документальныя данныя объ употребленіи этихъ родовыхъ знаковъ въ очень давнія времена: еще Чингизъ-ханъ жаловалъ своихъ военачальниковъ тамгами и значками, точное описаніе которыхъ сохранилось до насъ. Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на этомъ интересномъ вопросѣ, и мы можемъ лишь отмѣтить здѣсь, что до сихъ поръ сдѣлано лишь немного для систематизаціи его. Мы не имѣемъ до сихъ поръ труда о тамгахъ Большой орды, туркменъ, узбековъ, афганцевъ и др. Что касается киргизовъ, то тутъ извѣстны многіе родовые знаки Малой и Средней орды, часть которыхъ воспроизведена при настоящей статьѣ. Въ 1627 г. упоминаются тамги (20—30) касимовскихъ киргизовъ, изображенія которыхъ мы находимъ въ «Исслѣдованіяхъ о Касимовскихъ царяхъ» В. В. Вельяминова-Зернова. Прекрасное исслѣдованіе о тамгахъ башкировъ было опубликовано въ 1904 г. Д. Н. Соколовымъ.

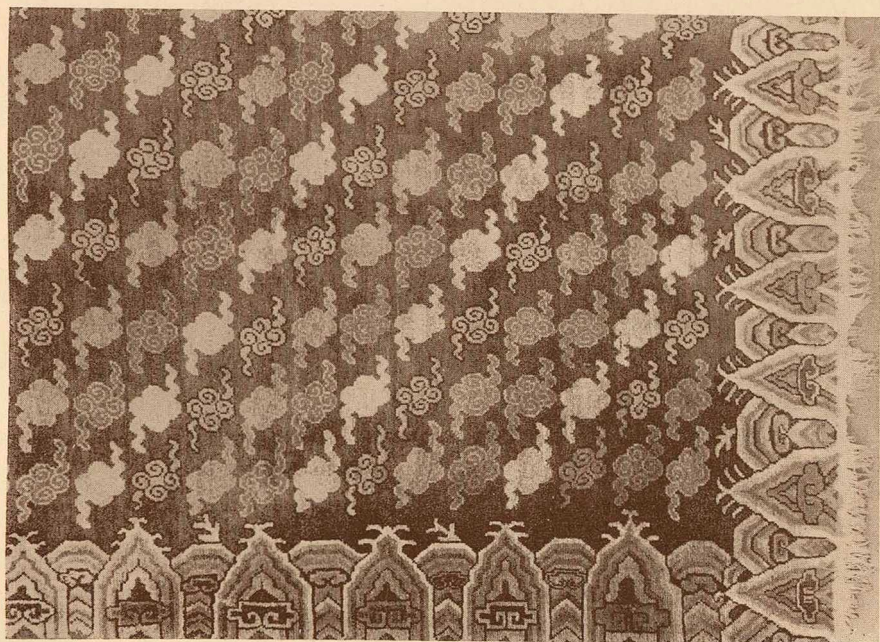
Тамги киргизовъ „Малой Орды“.

„Tamgha“ — signes héraldiques des kirghiz.

Часть кара-киргизскаго ковра съ пряничнымъ
узоромъ изъ Ферганской области.
(Собр. автора).

Détail d'un tapis kara-kirghiz de Ferghana
à dessin „de boucles“.
(Coll. de l'auteur).

Часть хотанскаго ковра съ облачнымъ
узоромъ. XVIII в.
(Собр. автора).

Détail d'un tapis khotan à dessin
„nébuleux“. XVIII-e s.
(Coll. de l'auteur).

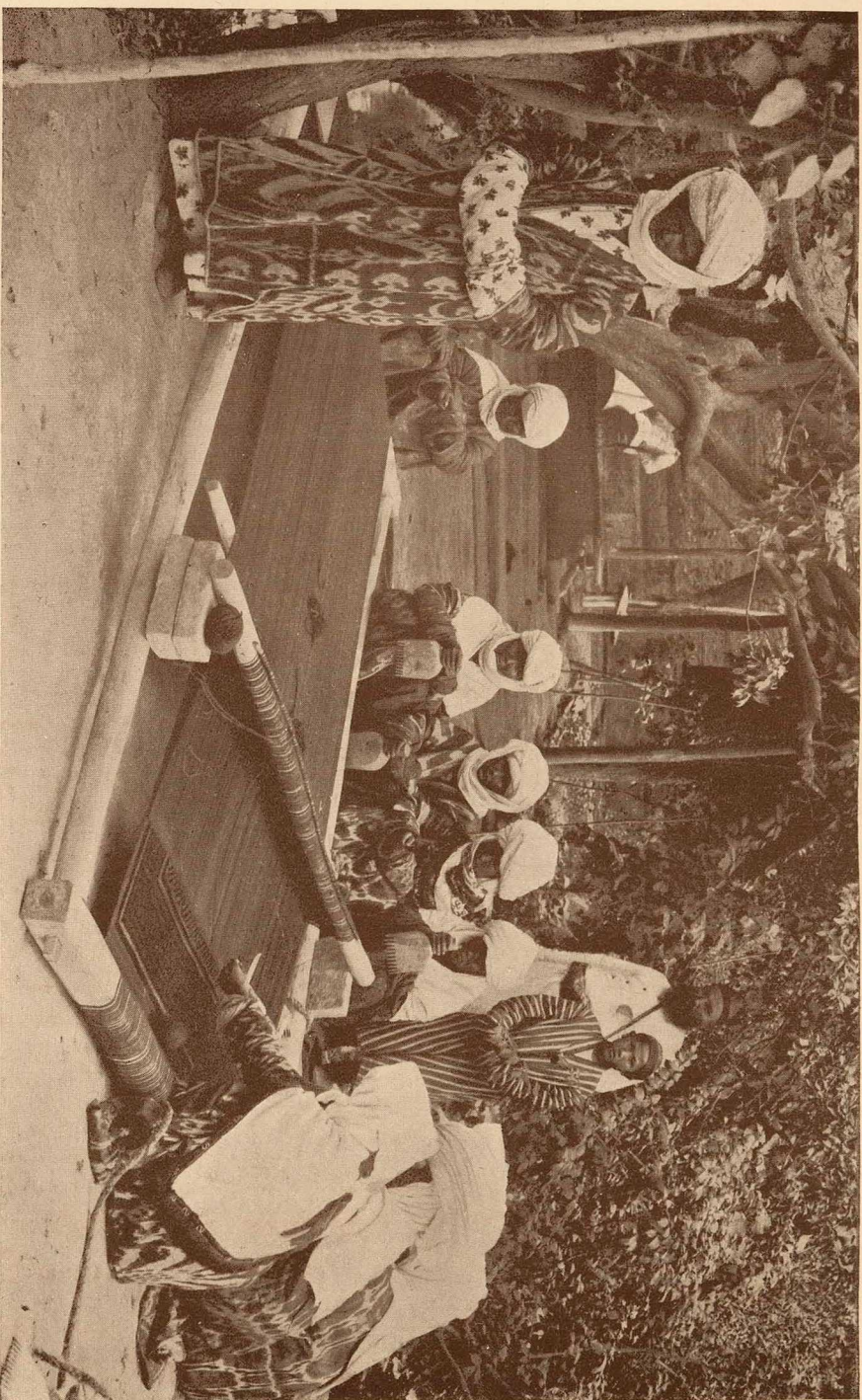
Часть кара-киргизского ковра Ферганской
области. Гранатовый узоръ.
(Собств. бар. В. В. Фелькерсажа).

Détail d'un tapis kara-kirghiz de Ferghana
à dessin „de grenades“.
(App. au baron W. W. Foelkersam).

Часть хотанского ковра.
(Собр. автора).

Détail d'un tapis khotan.
(Coll. de l'auteur).

Кара-киргизские женщины Ферганской
области за работой ковра.

Femmes kara-kirghiz tissant
un tapis à Ferghana.

Въ киргизскихъ ковровыхъ узорахъ вообще — это относится отчасти и къ Букеевской ордѣ — на основаніи указаній Приданова удалось установить слѣдующія названія и данныя:

1) Чи-гарчикъ — «12 колецъ», названіе сѣтчатого узора, встрѣчающагося преимущественно на паласахъ.

2) Сигзальма — фигура, похожая на раздѣленную пополамъ геральдическую лилію, встрѣчается часто въ бордюрахъ ферганскихъ и иногда хотанскихъ ковровъ.

3) Энъ — обозначеніе меандрового орнамента.

4) Джулдузъ — фигуры, похожія на цвѣтокъ или розетку.

5) Али-суръ — «желтый и синій», также «Пачала», называются фигура ввидѣ буквы «х» и сходныя съ нею; встрѣчаются на дверныхъ занавѣскахъ большинства кибитокъ.

6) Чайдашъ или Чайджушъ — «чайникъ», но металлическій или стеклянный, въ отличіе отъ фарфоровыхъ, глиняныхъ и другихъ, называемыхъ «чайгонъ», и отъ высокихъ мѣдныхъ «кунгановъ»; обозначеніе особаго коврового узора.

7) Юлъ (также Іолъ, Жолъ), по Приданову — «беркутъ», названіе узора съ стилизованными фигурами птицъ. По А. Утымышеву и С. М. Дудину, однако, слово это означаетъ просто «дорожку»; въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько напоминаетъ туркменское «Іоланъ» — дорожка.

8) Шютабанъ — «верблюжья нога», названіе фигуры, напоминающей форму верблюжьяго слѣда.

9) Кочхаракъ (также Исхагаръ) — названіе особаго рода пугала, которое киргизы по ночамъ выставляютъ для огражденія домашнего скота или стада отъ хищныхъ птицъ и животныхъ.

10) Игеръ (или Аксуръ) — «надгробный памятникъ». Памятники эти всегда ставятся стоймя и ихъ названіе передалось похожему орнаменту, въ которомъ свободная площадь въ свою очередь покрыта узоромъ.

11) Шахта или Пакта — по киргизски «доска», а также досчатый ящикъ, покрываемый ковромъ и служащій диваномъ. Ковровый узоръ обозначается этимъ словомъ либо потому, что ковры для тахтъ всегда выдѣляются одного опредѣленнаго узора, либо потому, что одна изъ фигуръ узора напоминаетъ очертанія тахты.

12) Чуатма — узоръ, въ которомъ встрѣчаются круги, напоминающіе круглыя блюда (чуатъ), на которыхъ гостямъ подается мясо. Это толкованіе приводитъ и С. М. Дудинъ.

13) Машитъ (Манблайга) — деревянная дверная рама киргизской кибитки, состоящая изъ 3 или 4 брусьевъ и имѣющая форму четырехугольника или «покоя». Названіе это перенесено на ковровый узоръ либо по сходству орнамента, либо вслѣдствіе обычнаго примѣненія такого узора для дверныхъ ковровъ.

14) Пчакъ (или Пшекъ) — Учи — обозначеніе узора, отъ слова «пшекъ-учи», что по словамъ Приданова означаетъ: «безъ ножа нельзя быть»; возможно, что это имѣетъ отношеніе къ ковровой технике. С. М. Дудинъ переводитъ это слово — «рабочій ножъ» или же «ножъ мастера».

15) Шалъ-барки — это названіе происходитъ отъ словъ «талъ» (прутъ, лоза) и «барки» — названіе особаго дерева.

16) Кашагаръ-Нусха — второе слово означаетъ «уважаемая знатная женщина», а Кашагаръ киргизское названіе Кашгара (области и города). Придановъ это названіе толкуетъ, какъ «хорошая мастерица изъ Кашгара». Пожалуй, названіе это относится не столько къ узору ковра, какъ къ его качеству и доброти.

17) Машади — такъ называется деревянная рама въ головахъ киргизской постели; самая постель состоитъ только изъ кошмъ, а головная рама состоитъ изъ задней четырехугольной и двухъ треугольных боковыхъ стѣнокъ; въ ней помѣщаются только подушки. Къ угламъ и съ боковъ задней стѣнки обыкновенно придѣлываются по 2 металлическихъ кольца въ видѣ украшенія, а наружная поверхность задней стѣнки расписывается крестообразнымъ узоромъ. Пакже «машади» называются тонкія киргизскія кошмы, которыми накрываются и въ которыхъ заворачиваются ящики и сундуки, обыкновенно расписные.

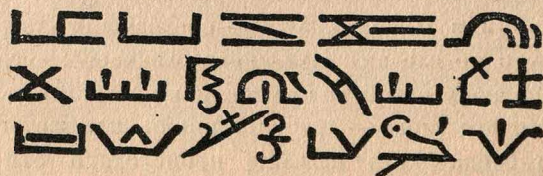
18) Сандыкъ — названіе узора отъ слова «ящикъ»; отсюда же происходитъ русское «сундукъ».

19) Керекъ — или Харачъ-нусха. Пакъ называется узоръ, похожій на орнаментъ дорожекъ, который опоясываютъ кибитку ниже «керехъ-нусхи», т. е. деревяннаго вѣнца, образующаго основаніе кровли.

По С. М. Дудину, однако, этимъ словомъ обозначается не кровельный вѣнецъ, а весь рѣшетчатый остовъ кибитки.

20) Падшахи — названіе узкихъ длинныхъ, весьма красивыхъ ковровъ — происходитъ отъ слова «падъ» (стриженный коверъ), тогда какъ гладкіе, безворсные ковры называются «клэнь» (тотъ же корень, что въ «скилемъ» или «гилемъ»).

Остается еще привести указанные, но необъясненные А. Утяшевымъ названія: Майда-Машади, Сандыкъ-Машади и Кишъ. Однако, Приданову и С. М. Дудину эти названія неизвѣстны. Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть объ указаніи С. М. Дудина, согласно которому киргизы въ своихъ узорахъ часто пользуются формами разныхъ кормовыхъ и лечебныхъ травъ, причемъ каждый такой отдѣльный орнаментъ сохраняетъ свое названіе. Это доказываетъ, что формы стилизаціи являются вполне установленными. Орнаментъ, называющійся у туркменовъ «куринымъ слѣдомъ», носитъ у киргизовъ племени Мангитъ и Хидырча — названіе «клеверный листъ». По словамъ Приданова съ послѣдняго времени въ ходу главнымъ образомъ старинные орнаменты и лишь изрѣдка женщины придумываютъ и компануютъ новые узоры. Въ Букеевской ордѣ женщины за послѣднее время (1902 г.) стали пользоваться, главнымъ образомъ, узорами, которые онѣ получаютъ отъ школьныхъ учителей въ Казелуе, составляющихъ и раскрашивающихъ рисунки и отдающихъ ихъ ученицамъ на домъ.

Шеперь перейдемъ спеціально къ восточно-туркестанскимъ киргизамъ. О Восточномъ Шуркестанѣ, Ферганѣ, Кашгарѣ и Хотанѣ, — областяхъ, гдѣ живутъ киргизскія племена, ковровыя издѣлія которыхъ принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Средней Азіи, — мы имѣемъ для болѣе отдаленнаго времени лишь отрывочныя свѣдѣнія. Древнѣйшія изъ этихъ данныхъ китайскаго происхожденія. Познакомилъ насъ съ ними о. Іоакимъ Бичуринъ, переведшій въ 1851 г. съ китайскаго на русскій «Собраніе извѣстій о народахъ, населявшихъ въ древнія времена Среднюю Азію». Этотъ и другіе источники мы используемъ здѣсь, конечно, лишь поскольку они касаются ткацкаго дѣла.

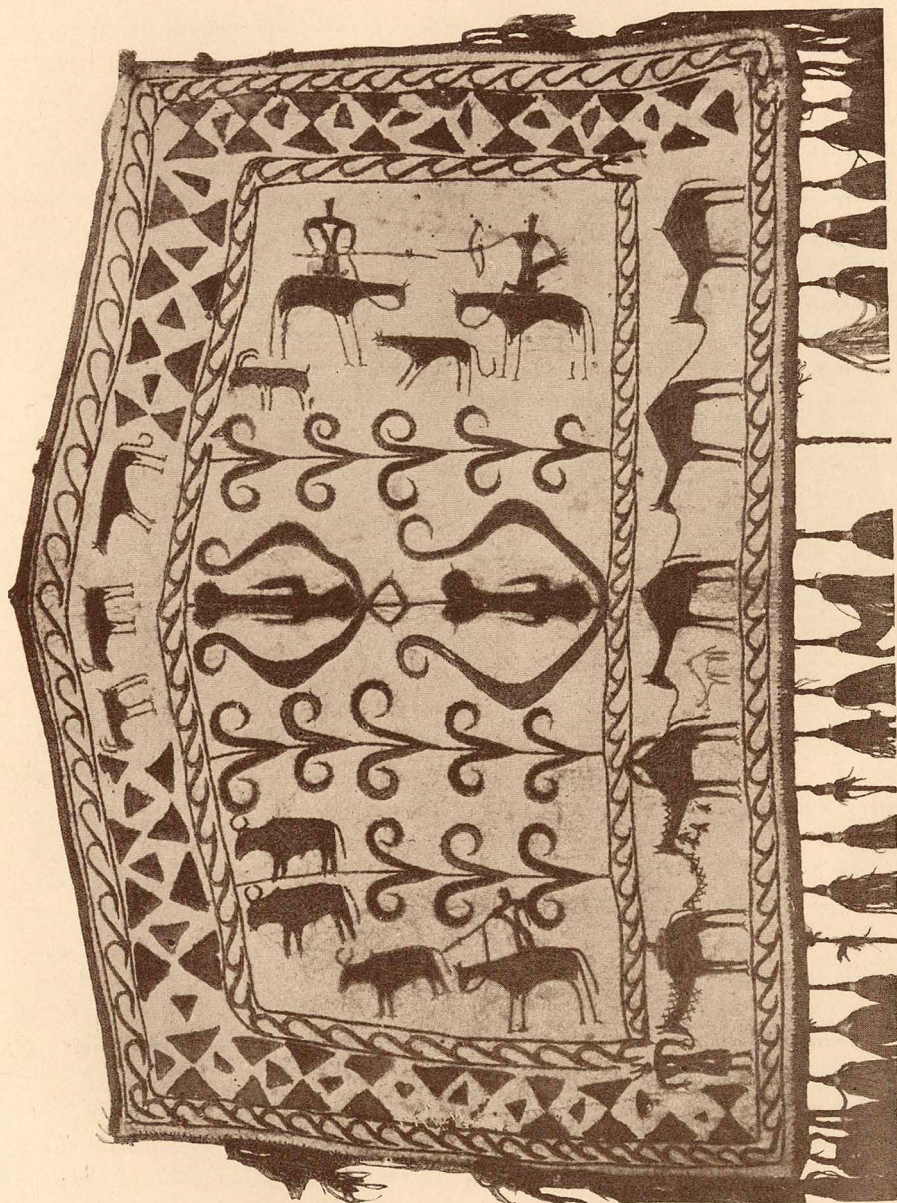
Въ 60 г. по Р. Хр. хотанскій князь подчинился власти гунновъ съ обязательствомъ уплачивать ежегодную дань въ видѣ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ получилъ въ собственность Яркандъ (Яркентъ), одну изъ 13 бывшихъ ранѣе подъ властью Хотана полусамостоятельныхъ областей.

Самый Хотанъ — древній сирійскій Исседонъ, въ отличіе отъ скийскаго Исседона (нынѣ Куча) — былъ уже во времена Птолемея китайскимъ (Григорьевъ, ч. I, стр. 69). Изъ того же источника, въ частности изъ «Исторіи сѣверныхъ Дворовъ» (II—VII вв.), мы узнаемъ, что уже тогда въ Хотанѣ культивировались туовыя деревья, т. е. уже существовали шелководство и, слѣдовательно, выдѣлка шелковыхъ тканей. О Кучѣ говорится, что эта область производитъ тонкія ткани и ковры, а о Харашарѣ, что тамъ разводились шелковичные черви, но выдѣлывались здѣсь не шелковыя ткани, а только вата и шелковая пряжа. Въ китайской «Исторіи южныхъ Дворовъ» (переводъ Абель Ремюза) ничего не говорится о шелковомъ производствѣ Хотана, а лишь упоминается, что буддисты-хотанцы искусны въ выдѣлкѣ мѣдныхъ сосудовъ. Для изученія буддійскаго ученія китаецъ Сьюанъ-Цанъ совершилъ въ 629 г. путешествіе черезъ Восточный Шуркестанъ въ Индію. Онъ упоминаетъ, что въ Кучѣ произрастаютъ гранаты, что тамъ статуи Будды одѣваются въ парчевыя ткани и что Куча была мѣстомъ оживленной караванной торговли съ Китаемъ черезъ Ляу-Чеу, сильно страдавшей, впрочемъ, отъ разбойныхъ нападеній. Григорьевъ упоминаетъ о существованіи съ 618 до 907 гг. небольшого государства Болуга, впослѣдствіи называвшагося Гумо, откуда приходили тонкія шерстяныя и бумажныя ткани. Изъ сообщеній арабскихъ географовъ VIII—XI вв., напримѣръ, Эдрисси, мы узнаемъ, что тогда уже существовалъ оживленный товарообмѣнъ между Шуркестаномъ и Китаемъ, а также мусульманскими странами, которыя получали оттуда желѣзо и оружіе, а главнымъ образомъ — прочныя шелковыя ткани. Къ серединѣ XV в. относятся отчеты китайскаго посольства въ Хотанъ, гдѣ говорится, что страна эта въ своихъ обычаяхъ совершенно подчинилась китайскому вліянію и вела непрестанныя войны съ Шибетомъ; тутъ же указывается, что хотанцы одѣваются въ шелковыя и полотняныя одежды, причемъ фіолетовый цвѣтъ представленъ одному буддійскому духовенству.

Сохранилась опись хотанской дани Китаю отъ 965 г. (хотя возможно, что это только перечень обычныхъ караванныхъ товаровъ); тутъ приведены лошади, верблюды, нефритъ и янтарь, о тканяхъ же

не упоминается. Зато имѣются свѣдѣнія, что хотанскія посольства, отправлявшіяся въ 1068—1077 гг. ежегодно въ Китай, возили въ числѣ дани, сверхъ нефрита, жемчуга, коралла, слоновой кости, янтаря, благовонныхъ деревъ, ртуты, камфоры, нашатыря, конской сбруи съ нефритовыми украшеніями, пуха и ладана, еще узорчатое полотно и «ткани изъ западныхъ областей». Извѣстно также болѣе раннее китайское посольство, отправленное въ 981 г. въ область Уйгуровъ, тюркского народа, подпавшаго съ 640 г. подъ власть Китая. Гдѣ именно жили Уйгуры въ Восточномъ Туркестанѣ—опредѣлить съ точностью невозможно, но посольство вывезло отъ нихъ соболиныя и бѣлыя кошачьи шкурки и расшитыя цвѣтами ткани. Затѣмъ наступаетъ перерывъ свѣдѣній, длѣющийся отъ XI до XVI вв., и лишь изрѣдка объ этихъ средне-азиатскихъ мѣстностяхъ, непрерывно опустошаемыхъ войнами, песочными буранами и землетрясеніями, появляются сообщенія мусульманскихъ писателей, основанныя, повидимому, на чужихъ словахъ. Лишь іезуитъ Goes, совершившій въ 1603—5 гг. путешествіе изъ Бадахшана въ Китай черезъ Восточный Туркестанъ, даетъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія на основаніи собственныхъ наблюденій. Яркендъ въ то время былъ столицей Кашгарскаго государства, а Су-Чеу раздѣлилось на двѣ части, населенныя китайцами и сарацинами (такъ Goes называетъ всѣхъ магометанъ), привлекаемыми изъ кашгарскаго государства и болѣе западныхъ областей торговлею. О тканяхъ, коврахъ и т. п. онъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ. Въ первой половинѣ XVII в. изъ Кашмира ежегодно отправлялись караваны въ Восточный Туркестанъ и въ Китай черезъ Малый Шибетъ и въ 1650 г. властитель послѣдняго закрылъ этотъ путь послѣ набѣга Шаха Джегана, такъ что караваны принуждены были направляться черезъ округъ Лхассы. Въ 1660 г. Кашгаръ является центральнымъ пунктомъ, куда стекаются товары изъ Китая, направляющіеся затѣмъ въ Персію черезъ область узбековъ или черезъ Шибетъ въ Индію.

Въ 1734 г. русскій академикъ Гергардъ Мюллеръ, во время своего пребыванія на берегахъ Иртыша, собиралъ свѣдѣнія о Туркестанѣ у бухарскихъ купцовъ; при этомъ упоминается, что въ Ургѣ разные товары, особенно же бухарскія ткани, замѣняютъ денежные знаки и являются единицами расчета. Указывается далѣе и описывается цѣлый рядъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, которыя въ большомъ количествѣ вывозились изъ Туркестана, причемъ говорится, что шелка идутъ только изъ Яркенда и Кашгара, и что весь этотъ товаръ въ Сибири называется «Яркендскимъ». Въ 1759 г. китайскій военачальникъ Чао-Хой, посланный императоромъ съ войскомъ на Бухару, сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что купцы изъ Кашгара, гдѣ тогда правила дзунгарская династія, платили слѣдующія подати: 20000 тенкэ, 4 ковра, 4 куска бархата, 26 кусковъ другихъ матерій и 26 кошмѣ. Напечатанный въ Пекинѣ въ 1777 г. трудъ «Географическое описаніе западныхъ странъ» (переводъ Klaproth и Gobert) указываетъ, что Хотанъ главнымъ образомъ занимается шелководствомъ. «Выше всѣхъ прочихъ сортовъ цѣнится шелкъ изъ горныхъ мѣстностей; изъ него выдѣлываются прекрасныя блестящія матеріи, которыя охотно раскупаются, хотя и дороги». Шамъ же ска-

Вышитый киргизскій осмолдукъ съ
Мангышлака. XVIII в.
(Асхабадскій музей).

Osmoldouk brodé kirghiz (de Mangychlak).
XVIII-e s.
(Musée d'Askhabad).

Вышитый киргизский осмолдукъ съ Мангы-
шлака. XVIII в.
(Асхабадскій музей).

Osmoldouk brodé kirghiz (de Mangy-
chlak). XVIII-e s.
(Musée d'Askhabad).

зано о Кашгарѣ: «Здѣсь много купцовъ и торговля процвѣтаетъ; иноземцы стекаются сюда отовсюду, а мѣстные жители зажиточны, искусны во многихъ отрасляхъ промышленности, отлично шлифуютъ нефритъ, производятъ ювелирныя работы и приготавливаютъ отличныя краски». Послѣднее важно для насъ, такъ какъ и въ настоящее время ковры изъ этихъ мѣстностей не только отличаются богатствомъ и разнообразіемъ красокъ, но особенно красивыми тонами, какихъ мы въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи не встрѣчаемъ.

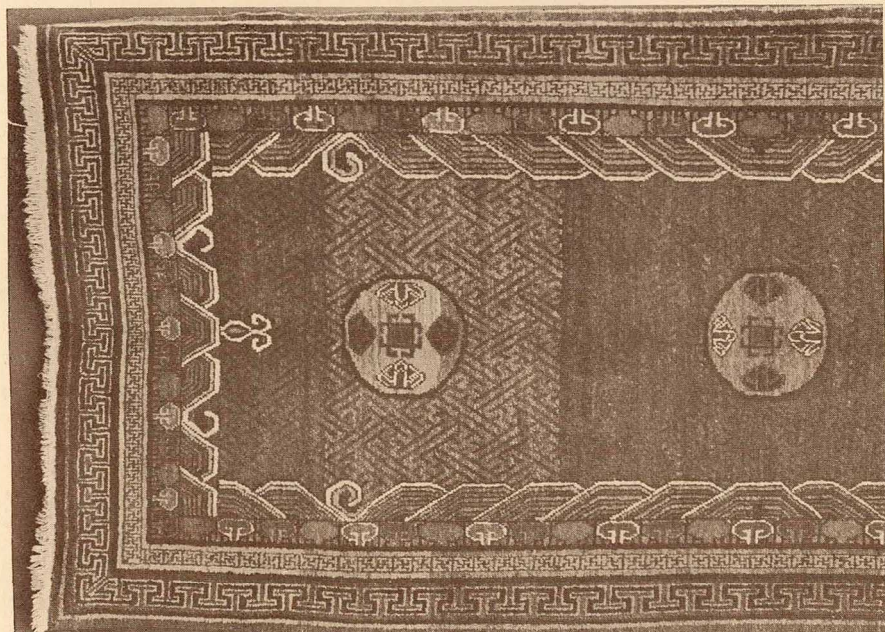
Единственнымъ европейцемъ, побывавшимъ въ XVIII в. въ Восточномъ Туркестанѣ, былъ русскій Филиппъ Ефремовъ, который, убѣжавъ изъ бухарскаго плѣна и направляясь въ Индію подъ видомъ магометанскаго купца, прошелъ этими мѣстами, такъ называемой Малой Бухарой. Малая Бухара состояла подъ властью Китая; важнѣйшіе города ея по Ефремову — Кашгаръ, Аксу, Яркендъ и Хотанъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были правителями князья — вассалы богдыхана, носившіе, какъ это ни странно, персидскій титулъ «сардаровъ»; при каждомъ сардарѣ состоялъ еще китайскій представитель; онъ вмѣстѣ съ прочими китайцами занималъ особый китайскій кварталъ. Изъ иноземцевъ въ предѣлы области допускались лишь купцы, и то магометане, а не христіане; европейцамъ удавалось проникать сюда лишь подъ видомъ магометанъ-купцовъ, и то только знавшимъ азіатскіе языки. Около 1790 г. тамъ проживали двое армянъ, братья Атанасовы, и грузинскій дворянинъ Данибеговъ, прибывшіе сюда изъ Константинополя въ поискахъ за новыми источниками торговли шелкомъ. Въ 1808 въ Кашгарѣ и въ Аксу проживалъ сибирскій татаринъ Муртаза-Фейсъ-удъ-Диновъ, занимавшійся торговлей. Его наблюденія и впечатлѣнія записаны были усерднымъ изслѣдователемъ Азіи Г. Ш. Генсомъ.

Китайскіе источники XIX в., кажется, не упоминаютъ о коврахъ и тканяхъ. Лишь въ дневникахъ англійскаго посольства 1873 — 74 гг. мы находимъ достовѣрныя данныя о торговлѣ и произведеніяхъ Кашгара, Яркенда и Хотана въ серединѣ XIX в., нашедшихъ въ 1864 г. дорогу въ индійскій Пенджабъ черезъ Пибетъ. Особо упоминаются краски для шерсти и шелка, шерсть, вывозившаяся въ Кашмиръ для выдѣлки шалей и, слѣдовательно, отличавшаяся высокимъ качествомъ, шелкъ и хлопчатая бумага, въ особенности же хотанскіе ковры и кошмы, вывозившіеся для мѣнновой торговли во всѣ сосѣднія области. Хотанскій шелкъ въ то время считался значительно хуже кокандскаго, но шерсть изъ Шурфана въ Восточномъ Туркестанѣ по тѣмъ же даннымъ превосходитъ всѣ прочіе сорта въ мѣрѣ. Въ Саншу производится невысокаго качества шелкъ, который на мѣстѣ употребляется для грубыхъ тканей. Въ Каргалыкѣ англичане замѣтили, что въ домахъ полы устилались «прекрасными хотанскими коврами», а стѣны на три фута отъ пола обиты бумажными матеріями и бархатомъ; въ Яркендѣ единственное убранство пріемной залы «даквата» составляли хотанскіе ковры, которыми устланъ былъ весь полъ. Путѣ же упоминается о Кашгарскихъ киргизахъ: въ области насчитывалось до 30.000 кибитокъ, кочевавшихъ частью въ китайскихъ, частью въ русскихъ земляхъ. Главными стоянками ихъ подъ Кашгаромъ были въ то время Актага, Саяки и Каратага. Въ

Яркентѣ англичане встрѣтили въ 1873 г. купцовъ изъ Оренбурга, Пашкента, Вѣрнаго и другихъ мѣстъ, вымѣнивавшихъ разные товары, особенно же ковры и кошмы. Къ новѣйшему времени относятся данныя извѣстнаго изслѣдователя Азіи Свена Гедина, который сообщаетъ изъ Хотана, что мѣстные шелковые ковры отличаются удивительной красотой и тонкостью работы и что они употребляются китайцами вмѣсто скатертей въ торжественныхъ случаяхъ, а въ Западномъ Шуркестанѣ ихъ вѣшаютъ на стѣны для украшенія.

Оазисъ и городъ Хотанъ расположены на сѣверномъ склонѣ Куэнь-Луни и съ незапамятныхъ временъ являются центромъ ослѣдлости. Еще до нашей эры китайцы уже нашли здѣсь старую культуру, преимущественно индійскаго происхожденія. Впослѣдствіи владычество здѣсь переходило изъ китайскихъ въ афганскія и монгольскія руки, но все же оазисъ сумѣлъ при этомъ сохранить сравнительную самостоятельность внутренняго строя. Какъ и въ настоящее время, здѣсь производилось много кукурузы, пшеницы, ячменя, всевозможныхъ фруктовъ и винограда, особенно же хлопка; въ старину процвѣтало шелководство, теперь же эта отрасль сильно падаетъ. Но все же и нынѣ, по словамъ Грумъ-Гржимайло, въ Хотанѣ выдѣлывается больше шелковыхъ матерій и ковровъ, чѣмъ гдѣ либо въ Восточномъ Шуркестанѣ и Хотанскій оазисъ является еще самымъ оживленнымъ промышленнымъ центромъ.

Восточно-туркестанскіе ковры, называемые то яркентскими, то кашгарскими, то хотанскими, по техникѣ раздѣляются на два рѣзко отличающихся типа, а по характеру орнамента можно различить множество типовъ. Что касается техники, то одинъ типъ представляетъ собой ковры весьма тонкой и тщательной выдѣлки, весьма плотные, причемъ ворсъ у нихъ торчитъ совершенно прямо. Другой типъ опредѣляется тѣмъ, что на лѣвой сторонѣ замѣчается пропускъ попеременно одной нитки основы, а на лицевой ворсъ стоитъ наклонно, т. е. какъ волоски на шкурѣ животнаго; весь коверъ отъ этого дѣлается весьма мягкимъ и неплотнымъ. Насколько первые не знаютъ износа, настолько послѣдніе мало прочны и быстро изнашиваются; по краскамъ же второй типъ часто мало уступаетъ первому. Шакъ какъ въ узорѣ мягкихъ ковровъ съ лежачимъ ворсомъ всегда входятъ китайскіе орнаментальные элементы, то нужно допустить, что они идутъ изъ самыхъ восточныхъ мѣстностей Шуркестана, именно изъ Хотана, хотя въ Хотанѣ выдѣлываются также превосходные плотные ковры. Кто именно изготовляетъ мягкіе ковры — пока нельзя сказать опредѣленно; С. М. Дудинъ высказалъ предположеніе, что въ Хотанѣ помимо киргизовъ выдѣлку этихъ ковровъ можно было бы, пожалуй, приписать одному изъ племенъ узбековъ. Послѣ долгихъ трудовъ намъ удалось вполне опредѣленно установить, что превосходные плотные ковры Восточнаго Шуркестана, обыкновенно называемые хотанскими или кашгарскими, выдѣлываются киргизами; къ счастью, мы можемъ подтвердить это и фотографіей, — изображающей киргизокъ за работою такого ковра, гдѣ рѣзко выступаетъ характерный для большихъ «кашгарскихъ», «ферганскихъ» или «хотанскихъ» ковровъ меандровый узоръ. Этимъ важнымъ документомъ мы обязаны любезности г. Брандорфа.

Часть хотанского ковра меандрового
узора.
(Собр. автора).

Détail d'un tapis khotan à dessin
de méandres.
(Coll. de l'auteur).

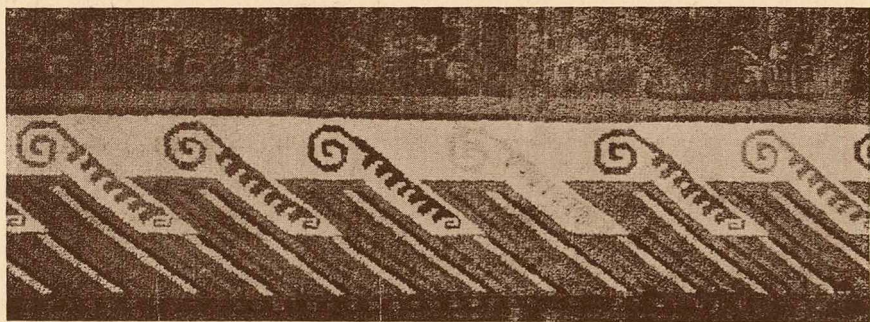
Хотанский коверъ „кафельного“ узора.
(Собр. автора).

Tapis khotan à dessin „de carreaux“.
(Coll. de l'auteur).

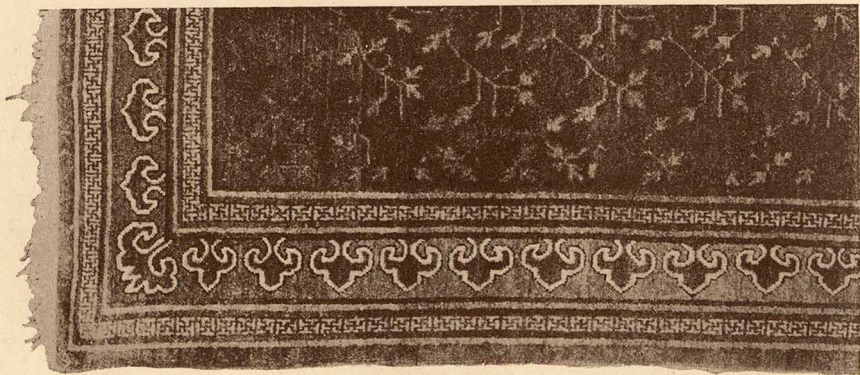
Часть хотанского шелкового ковра.
(Собр. автора).

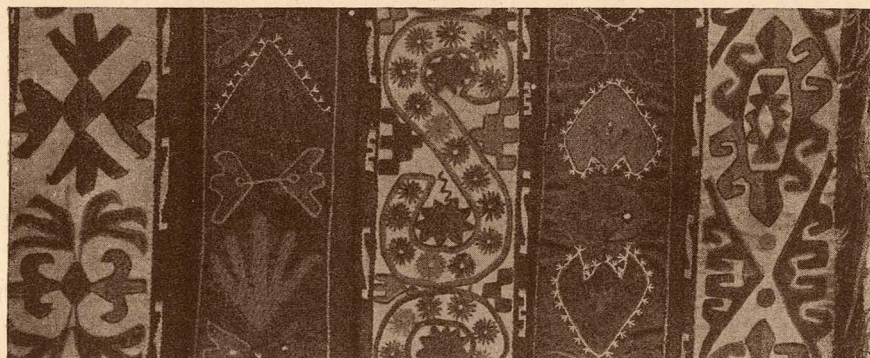
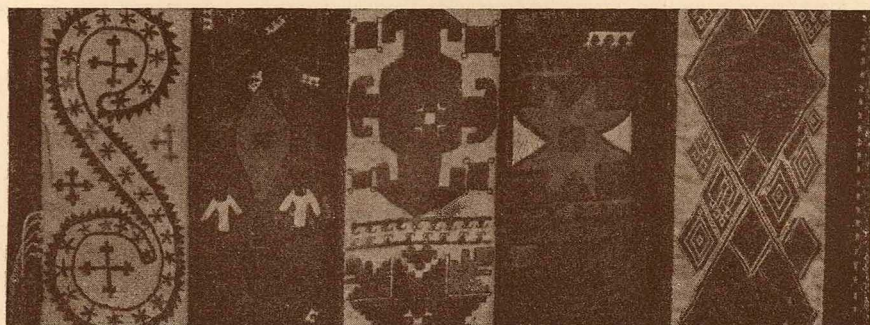
Détail d'un tapis de soie khotan.
(Coll. de l'auteur).

Части кара-киргизских ковровъ
Ферганской области.
(Собр. автора).

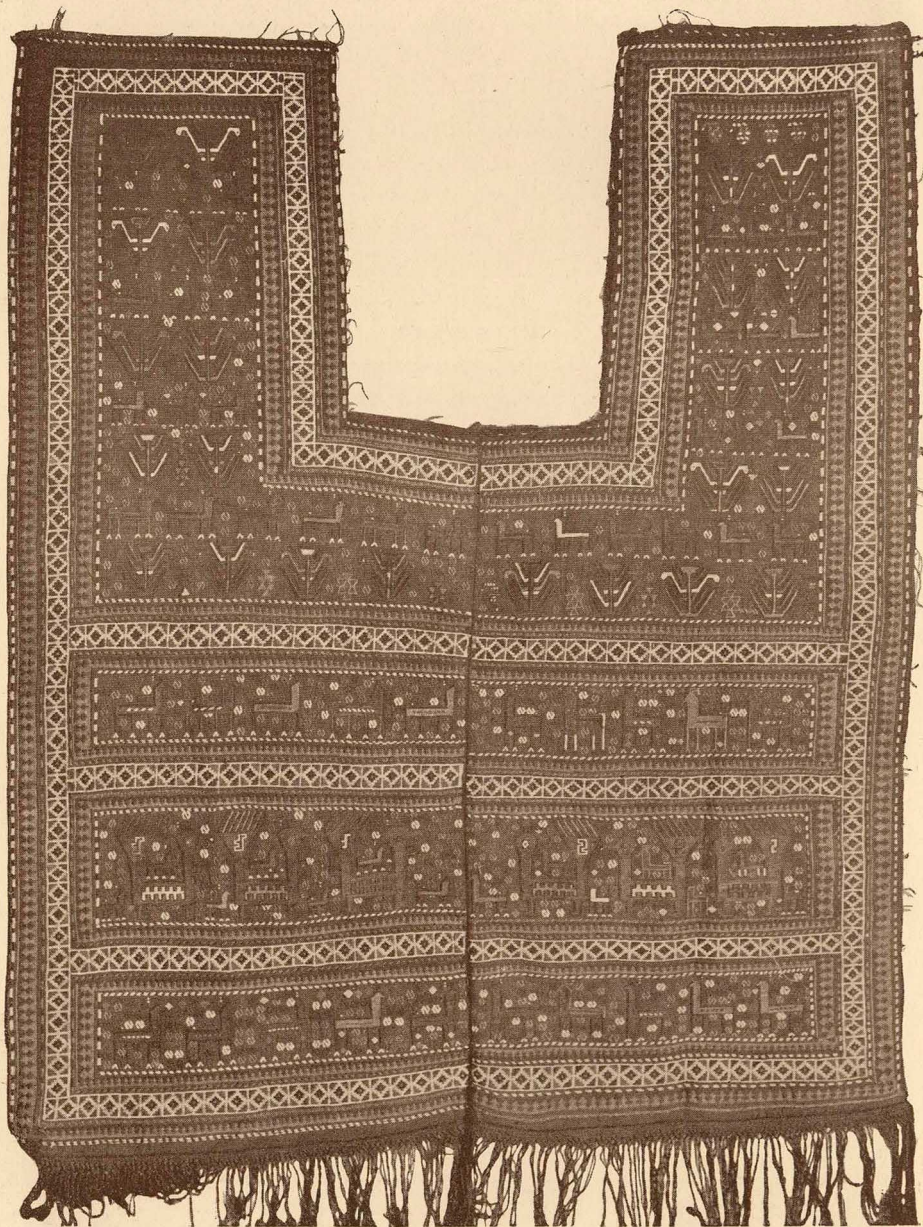
Détails de tapis kara-kirghiz de
Ferghana.
(Coll. de l'auteur).

Части узбекских кунгратских шитых
паласовъ.
(Русскій Музей Александра III).

Détails de tapis ouzbek-koungrath
brodés.
(Musée Russe Alexandre III).

Узбекскій баширскій чапракъ.
(Русскій Музей Александра III).

Tapis (tchaprak) ouzbek-bachir.
(Musée Russe Alexandre III).

Что касается узоровъ восточно-туркестанскихъ ковровъ, то ихъ можно разбить на слѣдующіе типы, которые встрѣчаются то въ чистомъ, то въ смѣшанномъ видѣ: 1) гранатный орнаментъ, 2) рѣшетчатый орнаментъ, 3) ковры съ одноцвѣтнымъ фономъ, на которомъ выдѣляются 1—3 восьмиугольниковъ, 4) кафельный орнаментъ—все поле ковра раздѣлено на восьмиугольники, 5) меандровый орнаментъ, 6) облачный орнаментъ, 7) древесный орнаментъ съ вазами, бабочками и проч.

Столь же характерны, сколь узоры самихъ ковровъ, и ихъ окаймленія. И тутъ мы встрѣчаемъ повторяющіеся узоры; орнаментальные элементы ихъ также попадаютъ чистые и смѣшанные. Особенно бросаются въ глаза ряды узкихъ одноцвѣтныхъ полосокъ, отдѣляющіе другъ отъ друга разныя части каймы и такимъ образомъ раздѣляющіе ее на рядъ полосъ. На каймахъ встрѣчаются слѣдующіе мотивы: 1) сарацинскій клеверный листъ,—фигура, напоминающая геральдическую лилію; 2) розетки и восьмиугольники съ косыми крестами; 3) розетки на однотонномъ фонѣ съ большими разстояніями между отдѣльными розетками; 4) меандровый рисунокъ по длинѣ бордюра; 5) меандръ, пересекающій бордюръ накосъ; 6) слоистый узоръ изъ волнистыхъ, разноцвѣтныхъ, поперечныхъ полосъ; 7) ломанный побѣгъ, соединяющій отдѣльныя розетки; 8) фигура «Чи» — гриба, китайскаго символа счастья, повторяющаяся рядами; 9) узоръ, состоящій изъ крючковъ вродѣ буквы «Е», и 10) одноцвѣтныя полосы.

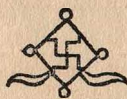
Уже бѣглый взглядъ на этотъ перечень убѣждаетъ, что подобное распредѣленіе орнаментовъ каймы и ихъ расположеніе совершенно отличны отъ всего, что мы до сихъ поръ видѣли на прочихъ среднеазиатскихъ, персидскихъ малоазійскихъ и всѣхъ кавказскихъ коврахъ, несмотря на все ихъ разнообразіе. Шакъ же характерно отличіе киргизскихъ ковровъ отъ всѣхъ прочихъ по краскамъ и по сочетанію ихъ, которыя часто бываютъ неожиданны и своеобразны. Уже тона и оттѣнки красокъ совершенно особенны и необычны, а сочетанія ихъ часто поражаютъ тонкостью вкуса и виртуозностью, какъ то: алый съ темно-краснымъ или фіолетовый съ синимъ. Нигдѣ красивый и роскошный желтый тонъ не играетъ такой роли, какъ на коврахъ Восточнаго Туркестана, въ чемъ ясно сказывается китайское вліяніе.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ типамъ узора.

Гранатный орнаментъ. Этому узору, по справедливости, принадлежитъ первое мѣсто не только за ясную красоту его, но также и по древности и приписываемому ему мистическому значенію. Гранатникъ (*Punica Gran. L*) представляетъ собой кустарникъ съ красными цвѣтами, узкими листьями и желтыми или красными плодами. Уже въ сирійско-финикійскомъ культѣ онъ игралъ важную роль; упоминается о немъ и въ Одиссѣѣ; въ Греціи онъ являлся символомъ неясныхъ еще представлений о рожденіи и оплодотвореніи, о смерти и уничтоженіи; въ Италіи гранатъ считался атрибутомъ Геры, а гранатный орнаментъ мы находимъ уже у ассирійцевъ, откуда онъ былъ заимствованъ и развитъ дальше евреями, арабами и греками; наконецъ, онъ проникъ и въ Европу, гдѣ сталъ типичнымъ для средневѣковаго ткацкаго искусства. Въ Египтѣ гранатникъ культивировался уже съ древнѣйшихъ временъ, а дикій гра-

натникъ произрастаетъ въ Курлистанѣ, Белуджистанѣ, Сѣверной Индіи и Афганистанѣ, стало быть, область распространенія дикорастущаго гранатника вплотную подходитъ къ границамъ нашего Восточнаго Туркестана. Въ спеціальныхъ трудахъ о ботаникѣ читатель найдетъ исчерпывающія свѣдѣнія объ этомъ древнемъ растеніи, здѣсь же ограничимся указаніемъ, что на кашгарско-тюркскомъ и на сартскомъ языкахъ оно носитъ названіе «анаръ» — родственное персидскому и курдскому «энаръ». Въ узорахъ нашихъ ковровъ гранатникъ является исключительно въ видѣ плоскаго орнамента; отдѣльные плоды встрѣчаются въ двухъ формахъ, изъ которыхъ одна болѣе натуральна а другая сильнѣе стилизована. Обыкновенно на коврахъ, гранатовые кусты вырастаютъ изъ небольшихъ вазочекъ, расположенныхъ по серединѣ короткихъ сторонъ ковра, причемъ обычно плоды красные на темносинемъ фонѣ, а листья зеленые; однако, намъ приходилось видѣть также роскошные ковры съ золотисто-желтыми и голубыми плодами, мелкими желтыми и крупными разноцвѣтными листьями на желтыхъ вѣтвяхъ, все на вишневокрасномъ фонѣ, или свѣтложелтые плоды, зеленые листья и вѣтви на свѣтлобирюзовомъ фонѣ. Иногда стилизація вѣтвей доходитъ до крайности и онѣ тогда являются въ видѣ прямыхъ, развѣтвленныхъ линий. Повидимому это излюбленный узоръ ферганскихъ и кашгарскихъ кара-киргизовъ, рѣже онъ встрѣчается въ Хотанѣ.

2) Рѣшетчатый узоръ состоитъ, какъ видно на одномъ изъ нашихъ снимковъ, изъ составныхъ фигуръ, имѣющихъ форму четырехъ связанныхъ С, на однотонномъ фонѣ. На прекрасныхъ старыхъ коврахъ мы встрѣчали этотъ узоръ въ слѣдующихъ сочетаніяхъ красокъ: а) красная, окаймленная бурымъ рѣшетка на золотистожелтомъ фонѣ; б) свѣтло-зеленая рѣшетка на вишневокрасномъ фонѣ; в) рѣшетка темносиняя, фонъ алый; г) рѣшетка алая, фонъ бирюзовый; д) рѣшетка темнозеленая, фонъ земляничнаго цвѣта, и е) рѣшетка красная, окаймленная чернымъ, фонъ лимонно-желтый. Кайма этихъ ковровъ обыкновенно состоитъ изъ

Разные виды „свастики“.
Différents dessins de „Svastiques“.

неширокихъ полосъ съ синими вѣтвями на земляничнаго цвѣта фонѣ, съ розетками и листьями, или же изъ свастика-меандрового узора, въ свою очередь окаймленного одноцвѣтными полосами синими съ бурымъ. Повидимому, такія каймы распространены, кромѣ Фергана (особенно въ Андижанѣ) и Кашгара, также въ Хотанѣ.

3) Восьмиугольники на одноцвѣтномъ фонѣ. Часто встрѣчается лишь одинъ восьмиугольникъ въ серединѣ поля ковра, нерѣдко, однако, на одноцвѣтномъ фонѣ расположены 3 восьмиугольника; каждый изъ нихъ въ свою очередь отдѣланъ разноцвѣтнымъ узоромъ. У этихъ ковровъ всегда имѣются широкія, богатые каймы, часто въ нѣсколько полосъ. Намъ пришлось видѣть такіе ковры съ фономъ земляничнаго цвѣта, алымъ, бирюзовымъ и зеленымъ, цвѣта морской воды. Они, по-видимому, кашгарскаго и хотанскаго происхожденія.

4) Кафельный узоръ. Это обыкновенно очень пестрый узоръ, въ которомъ, однако, преобладаютъ совсѣмъ свѣтлые тона. Все поле ковра

раздѣлено, какъ это видно на нашемъ снимкѣ, на восьмиугольники, въ которыхъ нѣкоторые орнаменты выдѣлены чернымъ или иными совсѣмъ темными красками. Этотъ узоръ встрѣчается лишь на неплотныхъ коврахъ съ лежащимъ ворсомъ и намъ казалось бы справедливымъ приписать имъ хотанское происхождение, за что говорятъ и китайскія черты самого узора. Часто основной тонъ каждаго восьмиугольника не повторяется въ другомъ, а прочія фигуры такъ же вытканы въ смѣшанныхъ тонахъ; кайма образована изъ «пряжечнаго» узора, названнаго нами такъ потому, что онъ напоминаетъ очертанія пряжки китайскихъ кушаковъ. Шерсть въ этихъ коврахъ блестящая, шелковистая.

5) Меандровый узоръ. Все поле одноцвѣтнаго фона покрыто діагонально расположенными меандровыми узорами. Часто на этихъ коврахъ мы находимъ отъ 1 до 3 восьмиугольниковъ, расположенныхъ по длинной оси, каждый изъ нихъ имѣетъ свою орнаментировку, въ которой часто встрѣчается китайскій символъ слова «счастье» или стилизованные цвѣты лотоса. Среди воспроизводимыхъ нами снимковъ замѣчается коверъ и этого типа. Намъ приходилось видѣть подобные ковры съ темносинимъ узоромъ на темнокрасномъ фонѣ, съ зеленымъ на красномъ, и обратно. Въ противоположность рѣшетчатому узору, меандровый всегда выдержанъ въ темныхъ тонахъ на темномъ фонѣ. Шерсть въ этихъ коврахъ блестящая, шелковистая, ворсъ обыкновенно лежащій, такъ что типъ этотъ, надо думать, хотанскаго происхожденія.

Въ 8-угольникахъ встрѣчаются самые разнообразныя цвѣта, какъ черный, бурый, бѣлый, красный и синій. Каймы такихъ ковровъ нерѣдко чисто китайскаго характера, состоятъ изъ ряда косыхъ полосъ, бѣлыхъ, желтыхъ и синихъ, или изъ стилизованныхъ китайскихъ грибовъ — синихъ, красныхъ и желтыхъ, или же образованы изъ свастикъ, напр.

„Священный грибъ“ — китайскій знакъ счастья.
„Le champignon sacré“ — signe de bonheur chinois.

темно-красныя свастики на самомъ свѣтло-земляничномъ фонѣ, или же, наконецъ, бурыми меандрами съ синей каймой на красномъ фонѣ.

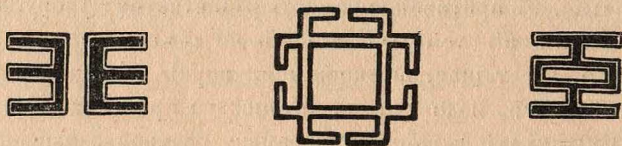
6) Облачный узоръ. Этотъ чисто-китайскій узоръ состоитъ изъ расположенныхъ въ рядъ фигуръ, изображающихъ облака въ высшей степени стилизации и въ весьма древней условной формѣ. Фигуры эти, формой своей похожи на узлы или на свившихся въ клубокъ змѣекъ. Одноцвѣтный фонъ такихъ ковровъ всегда сплошь усѣянъ этими фигурами, причемъ онъ, однако, расположенъ такимъ образомъ, что образуютъ разноцвѣтныя діагональныя полосы.

Коверъ, воспроизводимый нами, имѣетъ ярко-земляничный фонъ орнаменты — попеременно темносиніе съ голубой каймой, голубые съ бѣлой, голубые съ черной и свѣтло-красные съ желтой каймой. Бортъ такъ же чисто-китайскій, составляется изъ поперечныхъ волнистыхъ полосъ (китайская стилизація волнъ); цвѣта ихъ — бурый, синій, свѣтлаго, средняго и темнаго оттѣнковъ, желтый, розовый и бѣлый. Несмотря на кажущуюся пестроту тоновъ, сочетанія ихъ подобраны съ

такимъ художественнымъ вкусомъ, что въ цѣломъ коверъ производитъ весьма гармоничное и роскошное впечатлѣніе.

Замѣтимъ кстати, что этотъ самый бордюръ намъ приходилось видѣть на роскошныхъ китайскихъ коврахъ, изготовленныхъ въ центральномъ Китаѣ для двора богдыхана. Среднее поле этихъ ковровъ занималъ синій пятилапый драконъ на желтомъ фонѣ. Волнистый бордюрный узоръ мы встрѣчали лишь у ковровъ изъ шелковистой шерсти съ лежащимъ ворсомъ. По нашему мнѣнію, издѣліе это — хотанское.

7) Древесный узоръ съ вазами. Этотъ видъ хотанскихъ ковровъ принадлежитъ, безспорно, къ наиболѣе роскошнымъ и является красивѣйшимъ изъ всѣхъ восточно-туркестанскихъ, а размѣры всегда внушительны. Коверъ, снимокъ котораго мы помѣщаемъ здѣсь, имѣетъ 6 арш. въ длину на $4\frac{1}{2}$ арш. въ ширину. Онъ представляетъ собой настоящую симфонію нѣжныхъ тоновъ, среди которыхъ преобладаютъ всевозможные оттѣнки краснаго; фонъ — земляничнаго цвѣта; середину ковра занимаетъ большой красный же, но съ нѣкоторой желтизной, кругъ, въ

Китайскіе упрощенные знаки счастья.

Signes de bonheur chinois.

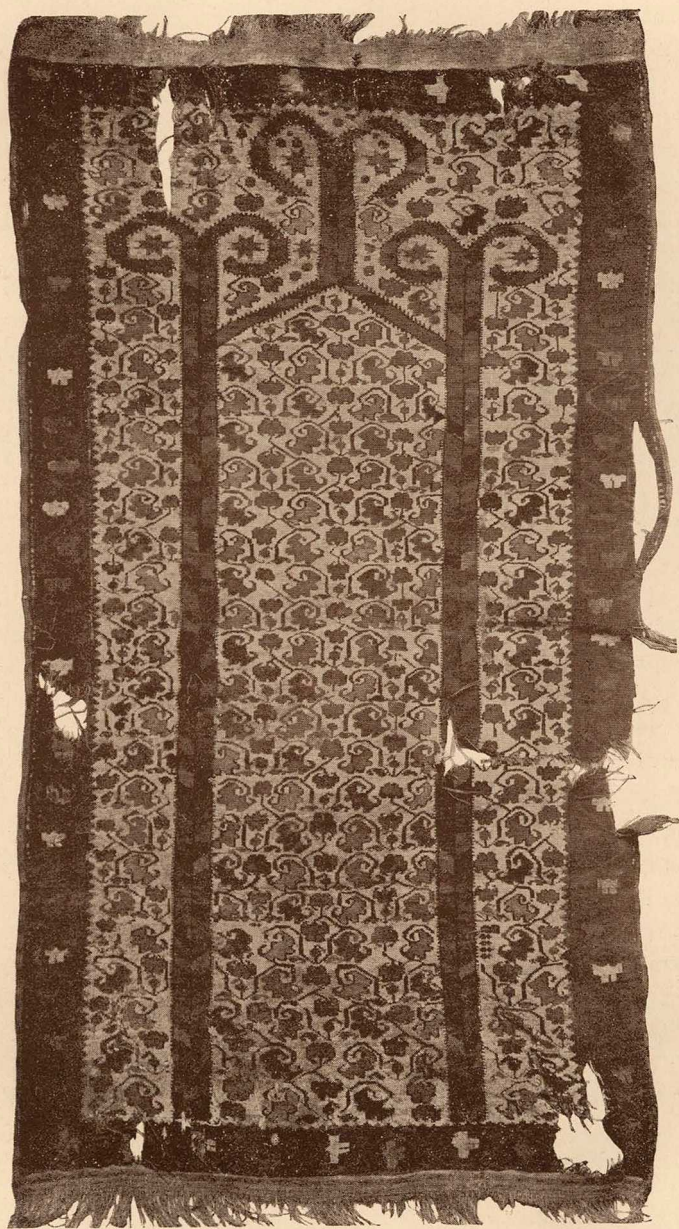
центръ котораго помѣщается темно-красная, окаймленная свѣтло-желтымъ, линейная фигура «Чеу» — упрощенный китайскій символъ долголѣтія и счастья. На широкой темносиней каймѣ средняго круга расположены 4 красныхъ съ бѣлымъ цвѣтка съ темно-красными, желтыми, свѣтло-красными и сѣровато-бѣлыми листьями. По бокамъ этого круга помѣщаются 4 большія бабочки; на крылышкахъ ихъ ясно выдѣляются «глазки» въ видѣ круглыхъ очерченныхъ пятенъ, что указываетъ на тѣхъ прелестныхъ дневныхъ бабочекъ, которыми такъ богата Средняя Азія. Что здѣсь не имѣются въ виду крупныя китайскіе шелкопряды, крылья которыхъ также глазчатые, видно изъ того, что усики этихъ

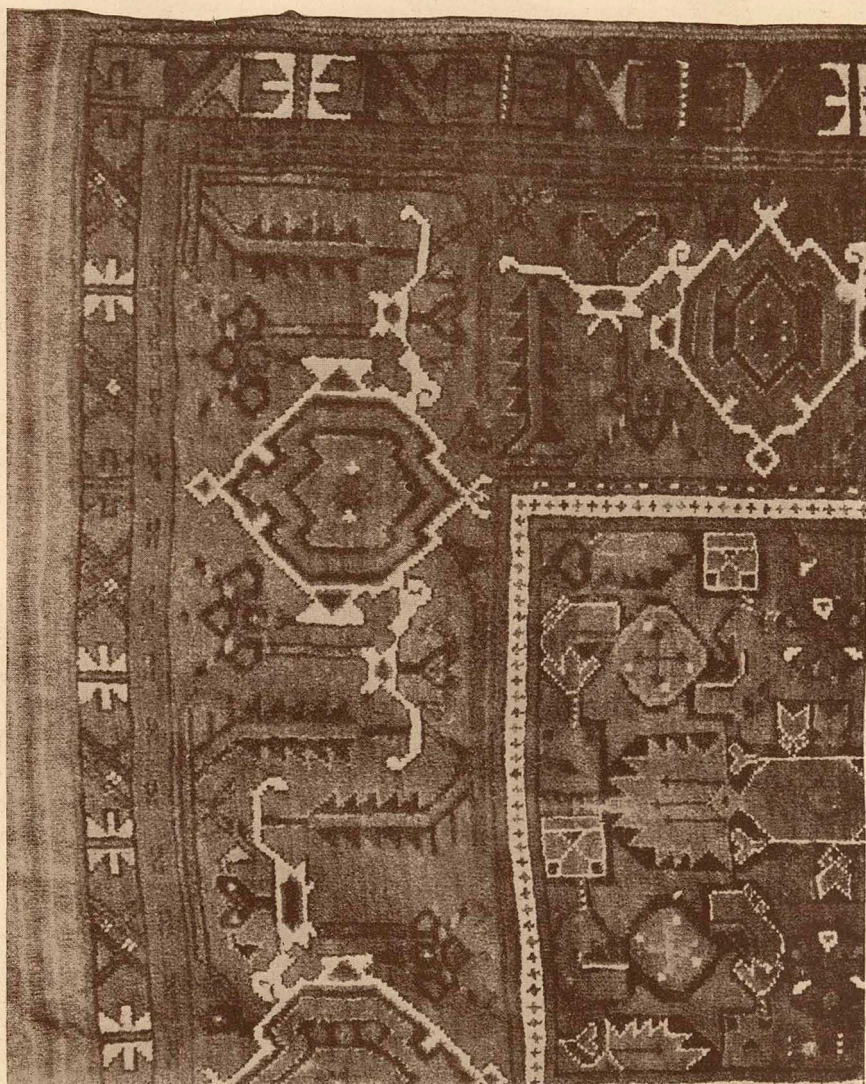
Китайская стилизація бабочекъ.
Papillons stylisés dans l'art chinois.

послѣднихъ напоминаютъ своей формой вайи папоротника или пальмы. На этомъ примѣрѣ мы можемъ убѣдиться, насколько подобная орнамента является продуманной, а отнюдь не случайной. По угламъ ковра мы встрѣчаемъ опять части вышеописаннаго круга, а между ними помѣ-

щается по синей съ бѣлымъ вазѣ (очевидно, подражаніе фарфору Кангъ-хи) на желтовато-розовой ножкѣ, напоминающей рѣзныя ажурныя подставки изъ чернаго или свѣтлаго дерева, которыя въ Китаѣ считаются необходимой принадлежностью всякой порядочной вазы. Каймою служитъ описанный уже выше китайскій волнообразный узоръ. На узкихъ сто-

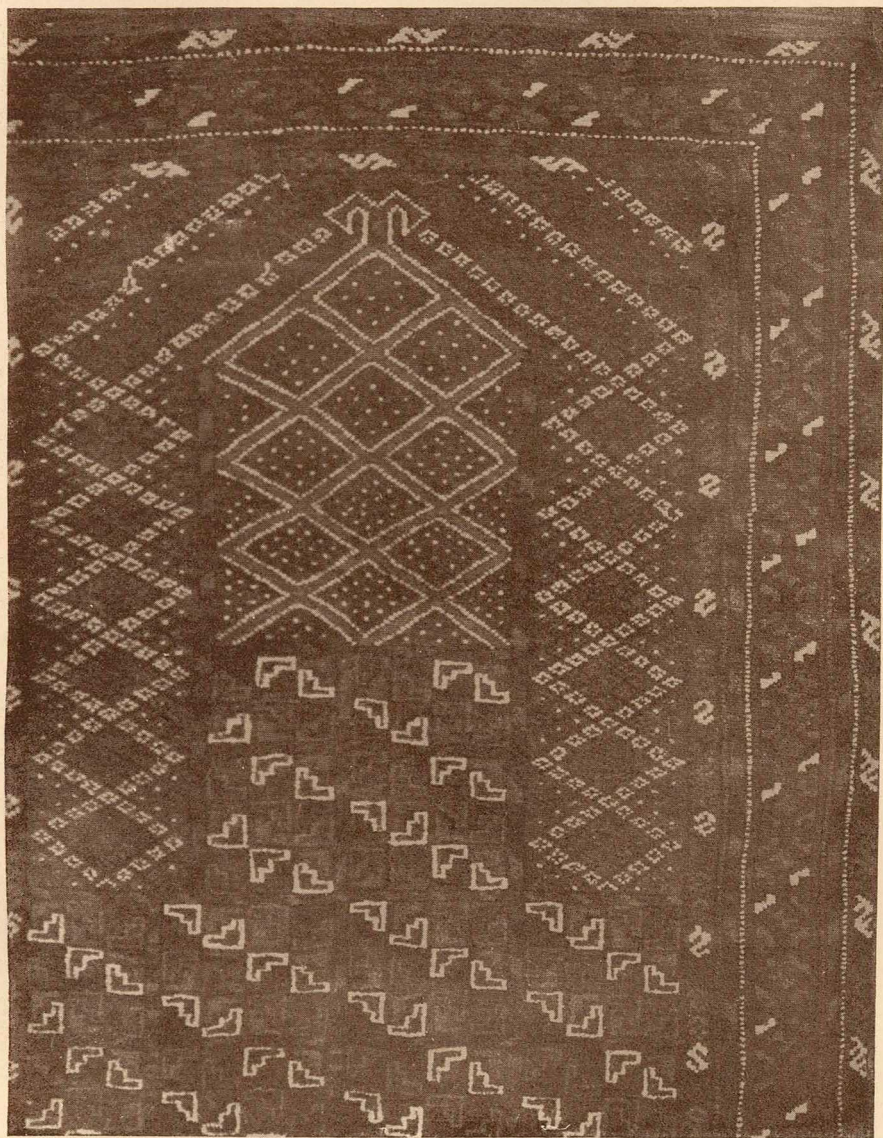

Узбекскій баширскій намазлыкъ XVII в.
(Русскій Музей Александра III).
Tapis (namazlyk) ouzbek-bachir. XVII-e s.
(Musée Russe Alexandre III).

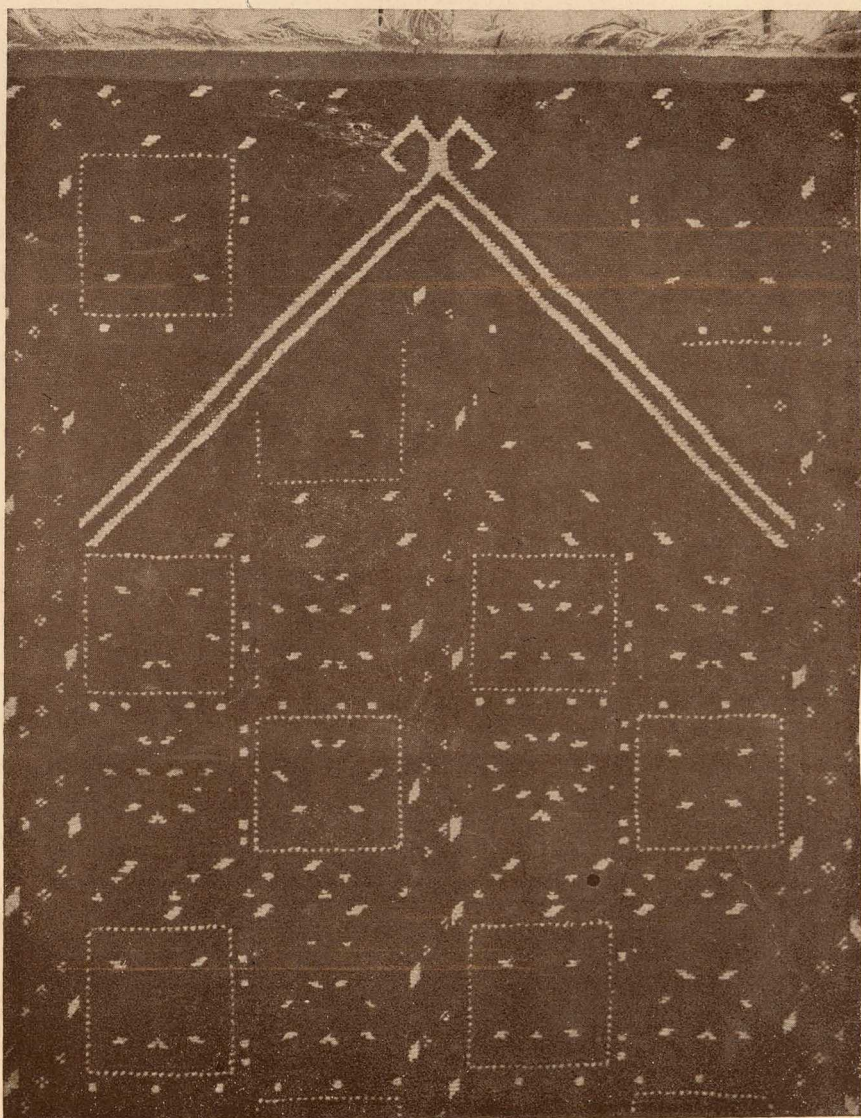
Часть узбекского керкского ковра.
(Русский Музей Александра III).

Détail d'un tapis ouzbek de Kerki.
(Musée Russe Alexandre III).

Часть узбекского Кизиль-Аякского
намазлыка XIX в.
(Русский Музей Александра III).

Détail d'un tapis (namazlyk) ouzbek de
Kizil-Aïak. XIX-e s.
(Musée Russe Alexandre III).

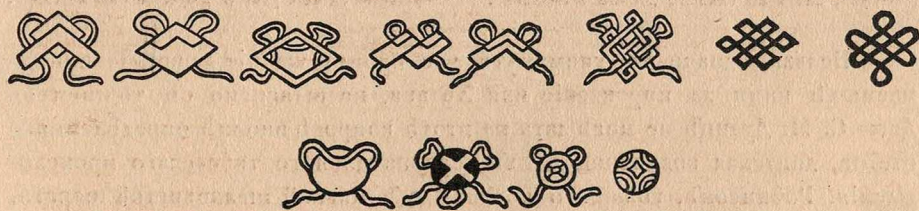
Часть узбекского Кизиль-Аякского
намазлыка начала XIX в.
(Русский Музей Александра III).

Détail d'un tapis (namazlyk) de Kizil-
Aïak. Début du XIX-e s.
(Musée Russe Alexandre III).

ронахъ всѣхъ этихъ ковровъ находится довольно длинная, обычно бѣлая, бахрома.

Остается еще бросить бѣглый взглядъ на отдѣльные элементы узора, встрѣчающіеся на восточно-туркестанскихъ коврахъ. О гранатѣ мы уже говорили, а меандръ и свастика такіе же древніе, какъ и сама орнамента, и съ древнѣйшихъ временъ понынѣ состоятъ въ основномъ художественномъ инвентарѣ человѣчества — по Фисбаху происхожденіе ихъ таится въ культѣ огня, — поэтому было бы излишнимъ подробности на нихъ останавливаться.

Почти всѣ прочія орнаментальныя фигуры, встрѣчающіяся на восточно-туркестанскихъ коврахъ, заимствованы изъ китайской символики. Путѣ мы, во-первыхъ, находимъ полный циклъ буддійскихъ символовъ, для которыхъ въ Китаѣ уже съ незапамятныхъ временъ выработались условныя, болѣе или менѣе стилизованныя, формы. Нѣкоторыя изъ ихъ числа пользуются особенной популярностью, какъ то «жемчужина», «звѣнящій камень», «узелъ» и др.; другія почти никогда не встрѣчаются въ

Буддійскіе священные знаки.

Signes sacrés bouddhiques.

отдѣльности, а лишь въ связи со всѣмъ символическимъ цикломъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о символическихъ изображеніяхъ облаковъ и воды, о которыхъ было уже сказано выше, о «Nelumbo» или двѣтъ лотоса и о 8-листной розеткѣ, которая, какъ это засвидѣтельствовано Свеномъ Гединомъ встрѣчается уже въ стѣнной росписи городовъ, погребенныхъ въ пескахъ пустыни Шакламаканъ, и доннынѣ примѣняется безъ измѣненій на хотанскихъ и ферганскихъ коврахъ.

Символами же являются и вазы, зайцы, драконъ, фениксъ и, наконецъ, летучая мышь, форма которой часто становится почти неузнаваемой, вслѣдствіе крайней стилизаціи. Причина популярности летучей мыши въ китайскомъ искусствѣ кроется въ томъ, что названіе ея «Фо» фонетически совпадаетъ съ китайскимъ словомъ, обозначающимъ счастье. Къ этимъ символамъ и фигурамъ, которые мы встрѣчаемъ въ Китаѣ на самыхъ разнообразныхъ предметахъ — одеждѣ, матеріяхъ, предметахъ обихода и роскоши, оружіи, коврахъ и др. — и въ самомъ разнообразномъ матеріалѣ — какъ бронза, камень, дерево, лакъ, кожа, шелкъ, фарфоръ, слоновая кость и прочее, — слѣдуетъ причислить еще три мистическихъ знака, также существовавшихъ уже въ древнѣйшія времена. Паковы: 1) монограмма «Чеу», вкомпанованная въ кругъ — обозначеніе счастья и долголѣтія; ввиду общеизвѣстности и распространенности этого символа, онъ часто подвергается всевозможнымъ сокращеніямъ, упрощеніямъ и переработкамъ, такъ что становится почти неузнаваемъ; здѣсь мы приводимъ рядъ рисунковъ, представляющихъ разныя фазы его раз-

витія; 2) символъ творенія, творческой силы, положительнаго и отрицательнаго, мужскаго и женскаго начала, — изображаемый въ видѣ круга, раздѣленнаго волнистой линіей на двѣ половины, окрашенныя въ разные цвѣта; въ каждой помѣщается кружокъ цвѣта другой половины; этотъ символъ, ставшій даже государственнымъ гербомъ Кореи, болѣе употребителенъ въ восточныхъ частяхъ Китая, чѣмъ въ западныхъ; 3) знакъ, символизирующій «тайны вселенной», и состоящій изъ ряда фигуръ, причемъ каждая состоитъ изъ комбинаціи короткихъ и длинныхъ палочекъ.

„Па-куа“, китайскіе символы „тайны вселенной“.

Symboles chinois pour le „mystère de l'univers“.

Нельзя, однако, не упомянуть, что происхожденіе ковровъ, принимаемыхъ нами за киргизскіе изъ Хотана, не выяснено съ точностью. Даже С. М. Дудинъ не могъ дать на этотъ вопросъ вполне опредѣленнаго отвѣта, допуская возможность ихъ первоначальнаго тибетскаго происхожденія. Робинсонъ, говоря о коврахъ изъ мягкой шелковистой шерсти, которые онъ называетъ серингапурскими, отмѣчаетъ, однако, что они выдѣлываются не въ Серингапурѣ, а привозятся изъ Яркенда и Шибета; повидимому, онъ имѣетъ въ виду именно вышеупомянутые ковры. Предположеніе Робинсона, что мягкая, какъ шелкъ, шерсть этихъ ковровъ происходитъ отъ яка, давно уже опровергнута; шерсть яка грубая, непригодная для тонкой пряжи; скорѣе можно допустить, что эта шерсть содержитъ примѣсь тонкой и нѣжной шерсти козлятъ, однако, и это маловероятно. Въсѣтъ съ тѣмъ, въ пользу нашего предположенія, что ковры, называемые нами «хотанскими», на самомъ дѣлѣ выдѣлываются въ Хотанѣ, а не въ Шибетѣ, имѣется нѣсколько доводовъ. Во первыхъ, мы не знаемъ другихъ ковровъ, которые можно было бы назвать хотанскими, причемъ, однако, извѣстно, что въ Хотанѣ съ давнихъ поръ и понынѣ ковры выдѣлываются. Во вторыхъ, эти ковры весьма схожи въ узорахъ съ ферганскими и съ такъ называемыми «кашгарскими», съ тою лишь разницей, что въ нихъ еще сильнѣе выступаютъ китайскія характерныя черты; слѣдовательно, мѣста производства ихъ, повидимому, наиболѣе восточныя и вполнѣ находятся подъ китайскимъ вліяніемъ, — а это относится къ Хотану даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ Шибету. Наконецъ, по Technikъ своей они отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ ковровыхъ издѣлій дѣйствительно китайскаго происхожденія, стало быть, представляютъ собой самостоятельную группу; но въ то же время въ Technikъ ихъ иногда замѣчается извѣстное сходство съ ферганскими коврами, въ Ферганѣ же ковровое производство находится исключительно въ рукахъ киргизовъ и кипчаковъ.

С. М. Дудинъ доставилъ намъ свѣдѣнія, что ковровое производство въ Хотанской области сосредоточено преимущественно въ рукахъ одного узбекскаго племени — это могло бы объяснить различіе техники. Во всемъ Западномъ Шуркестанѣ производятся лишь весьма плотныя ковровыя ткани: этимъ особенно отличаются туркмены, которые послѣ каждаго ряда петель пропускаютъ одну утѣчную нитку; кара-киргизы въ Ферганѣ уже пропускаютъ по двѣ; возможно, что въ сосѣднемъ Хотанѣ въ этомъ отношеніи дѣлается еще лишній шагъ; такая работа идетъ быстрѣе, а лежащій ворсъ такихъ ковровъ закрываетъ обнаженные нити основы. Какъ уже сказано выше, подобные ковры отличаются меньшей прочностью, но этому обстоятельству какъ разъ отвѣчаетъ рѣдкость старинныхъ ковровъ такого рода. Къ сожалѣнію, тѣ названія, которыя торговцы даютъ коврамъ, имѣютъ весьма мало значенія и цѣнности, особенно относительно Хотана. Намъ лично приходилось убѣждаться, какъ на тифлисскомъ ковровомъ рынкѣ, такомъ богатомъ еще лѣтъ 20 назадъ, постоянно путали Хотанѣ и Кокандѣ.

Другой примѣръ смѣшенія названій слѣдующій: въ Ферганѣ, именно въ Андижанскомъ округѣ кочуетъ киргизское племя кипчаковъ, а кипчаками же называется и узбекское племя, живущее, однако, въ долинѣ Зарявшана.

Китайскій символъ творенія.

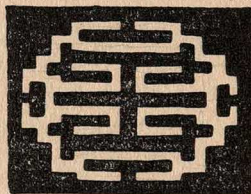
Symbole de la création chez les chinois.

Этимъ мы можемъ закончить нашъ обзоръ наиболѣе интересной группы киргизскихъ ковровъ; однако, ковры выдѣляются также другими киргизскими племенами, кочующими въ Хивѣ и на крайнемъ западѣ Шуркестана, по сосѣдству съ туркменами-іомудами на Мангышлакскомъ полуостровѣ у Каспійскаго моря и въ окрестныхъ степяхъ. О самихъ этихъ киргизахъ мы имѣемъ болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ объ ихъ коврахъ, съ которыми мы можемъ познакомить читателя по снимкамъ лишь двухъ старыхъ превосходныхъ и весьма рѣдкихъ образцовъ. Они принадлежатъ къ типу, называемому туркменами «осмолдукъ», служащему для украшенія верблюдовъ при свадебномъ шествіи. Однако, это не стриженные, а безворсные ковры, расшитые разноцвѣтною шерстью по бѣлому фону. Мы обязаны любезности С. М. Дудина снимками этихъ рѣдкостныхъ ковровъ, хранящихся въ небольшомъ Асхабадскомъ музеѣ.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ киргизахъ, которые, несмотря на кочевой образъ жизни, ковровъ не выдѣляютъ.

Уже въ Семирѣченской области въ Вѣрненскомъ округѣ имѣющіеся у мѣстныхъ киргизовъ ковры привозятся, по имѣющимся свѣдѣніямъ, изъ Кашгара, Яркенда и Хотана. Пакже и живущіе верстъ на 70 южнѣе Новопетровска киргизы Адаевскаго рода выдѣляютъ и употребляютъ лишь однѣ кошмы, какъ то уже въ 1840 г. отмѣтилъ М. И. Иванинъ.

Самая численная и сильная, «внутренняя», киргизская орда, занимающая пространство между Астраханью, Саратовомъ, Уральской областью и Каспійскимъ моремъ, поселившаяся здѣсь со своимъ султаномъ Букеемъ въ 1799 г. (на что въ 1801 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе), повидимому, оставила ковровое производство и употребляетъ исключительно кошмы. Центромъ ихъ кочевья является степь «Рынъ-пески». Другое восточно-азиатское кочевое племя — калмыки, живущее нынѣ въ Ставропольскомъ округѣ, никогда, даже на прежнихъ своихъ мѣстахъ, оставленныхъ имъ въ 1777 г., выдѣлкой ковровъ не занималось.

Китайскіе знаки счастья и долголѣтія — „Шо-у“.
Symboles de bonheur et longévité dans l'art chinois.

Узбеки.

Узбеки представляютъ собой близкихъ родичей киргизовъ, причемъ особенно много общаго между кочевыми узбеками и кара-киргизами. Вѣроятно, обѣ эти народности ведутъ свое происхожденіе отъ одного и того же корня; типъ ихъ совершенно одинаковый. Кибитки узбековъ отличаются отъ киргизскихъ лишь въ мелочахъ; языкъ ихъ — джагатый-тюркскій діалектъ, наиболѣе чистый изъ всѣхъ средне-азиатскихъ, такъ какъ содержитъ меньше всего арабскихъ и персидскихъ словъ. На этомъ именно діалектѣ написаны записки султана Бабера.

По С. М. Дудину узбеки раздѣляются на 11 главныхъ племенъ, по другимъ же даннымъ ихъ 32. Важнѣйшими племенами являются: 1) Кара-Калпаки, 2) Кипчаки, 3) Мангиты, 4) Чилэ, 5) Кита-и, 6) Кызыл-Аяки, 7) Баширы, 8) Кунграты и 9) Ляакаи. Замѣтимъ, что два изъ этихъ названій, именно кипчаки и мангиты, тождественны съ названіемъ двухъ главныхъ киргизскихъ племенъ, съ которыми ихъ нельзя смѣшивать.

Узбеки живутъ главнымъ образомъ въ Бухарѣ, въ Хивѣ, въ афганскомъ Шуркестанѣ и въ Среднеазиатской области, и вмѣстѣ съ отколовшимися группами, изъ которыхъ нѣкоторыя кочуютъ въ китайскихъ владѣніяхъ, общая численность ихъ достигаетъ, пожалуй, двухъ милліоновъ. Народъ этотъ, представляющій помѣсь тюркскихъ племенъ съ иранскими и монгольскими, завоевалъ себѣ въ XVI в. первенствующее положеніе въ Восточномъ Шуркестанѣ и удерживаетъ его до настоящаго времени. Названіе народа происходитъ отъ собственнаго имени «Узбекъ» — «истый князь», — которое носилъ въ XVI в. ханъ и повелитель Золотой орды, стремившійся въ продолженіе своего 30-лѣтняго правленія къ распространенію Ислама среди всѣхъ тюркскихъ племенъ. Племена, принявшія магометанство, стали потомъ называться именемъ этого хана, для отличія отъ тѣхъ, которые продолжали оставаться шаманистами, и отъ западныхъ своихъ родичей — джагатаевъ. Вполнѣ установилось это

название около 1600 г.; однако, в концѣ концовъ стали распространять название узбековъ на самыя разнообразныя народности, какъ киргизы, кара-киргизы, сарты, таджики и др., что вызвало большую путаницу, и терминъ «узбекъ» совершенно потерялъ первоначальное чисто-этнографическое значеніе. Въ наукѣ давно уже предлагалось бросить название сартовъ, называя ихъ также узбеками (Лапинъ), ввиду того, что сарты представляютъ собой такую же помѣсь разныхъ среднеазиатскихъ народностей какъ и узбеки, отличаясь отъ послѣднихъ лишь утратою родового быта.

Основной особенностью узбековъ приходится считать ихъ политическое положеніе, господствующее надъ прочими народностями, которое они сумѣли завоевать и удерживаютъ за собой втеченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ. Между осѣдлыми узбеками и кочевыми существуетъ весьма замѣтное различіе. Осѣдлые узбеки въ Бухарѣ, Хивѣ, Зарявшанскомъ краѣ и въ афганскомъ Шуркестанѣ, въ сущности, являются тѣмъ же народомъ, который въ русскомъ Шуркестанѣ называется сартами; различія между ними почти совершенно нѣтъ (напримѣръ въ Кокандѣ). Кочевые узбеки держатся, главнымъ образомъ, въ восточной части Бухары и въ Афганистанѣ, а съ каждымъ годомъ растетъ число полукочевыхъ и переходящихъ къ вполне осѣдлому образу жизни узбековъ.

Узбекскія женщины одѣваются, какъ туркменки; въ отличіе отъ киргизокъ, онѣ закрываютъ лицо. Положеніе ихъ лучше, чѣмъ у сартовъ и таджиковъ. Всѣ узбеки ревностные мусульмане, однако, они далеко не такіе фанатики, какъ персы. Узбеки вышли изъ окрестностей Аральскаго моря и распространились къ востоку. Чѣмъ восточнѣе, тѣмъ составъ населенія становится все болѣе чисто-таджикскимъ. Какъ осѣдлый элементъ, эти узбеки-сарты являются городскимъ населеніемъ. Укладъ жизни кочевыхъ узбековъ очень напоминаетъ жизнь родственныхъ имъ киргизовъ. Зиму они большей частью проводятъ въ постоянныхъ поселкахъ, состоящихъ обыкновенно изъ глиняныхъ мазанокъ. Обычно же они, какъ и кара-киргизы, пользуются ими исключительно въ качествѣ амбаровъ или стойлъ для скота, а сами живутъ въ кибиткахъ, поставленныхъ во дворѣ или въ саду. Весной они обрабатываютъ и засеваютъ поля, расположенныя вокругъ зимовья, и затѣмъ уходятъ со стадами на кочевку въ горы. Наружностью, типомъ и всѣмъ жизненнымъ укладомъ они такъ схожи съ кара-киргизами, что малоопытному наблюдателю очень нелегко бываетъ ихъ различить.

Ковры выдѣлываются всѣми узбеками, независимо отъ того, кочевые они или осѣдлые. Въ Шуркестанѣ узбекскими коврами называются лишь такіе, у которыхъ на лѣвой сторонѣ совершенно не виденъ узоръ лицевой стороны (С. М. Дудинъ). Узбеки пользуются всегда лишь горизонтальными станками; шерсть обыкновенно довольно грубая, притомъ очень неравнобѣрнаго качества, такъ какъ узбеки не разводятъ особыхъ тонкорунныхъ овецъ, а примѣняютъ шерсть отъ разныхъ породъ. Характерны узбекскіе паласы, въ виду того что они — единственные во всей Средней Азіи — сшиваются изъ отдѣльныхъ полосъ.

Однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ узоровъ является орнаментъ изъ ромбовидныхъ фигуръ, образованныхъ полосками съ кресто-

образными выступами. Этотъ узоръ часто встрѣчается и въ Афганистанѣ съ тою, однако, разницей что тамъ внутреннее поле ромбовъ имѣетъ иную отдѣлку. Кстати замѣтимъ, что, по словамъ С. М. Дудина, намазлыкъ — молитвенный коверъ — по узбекски называется «силучэ», а дорожка — «іоламъ» у іомудовъ — «куръ».

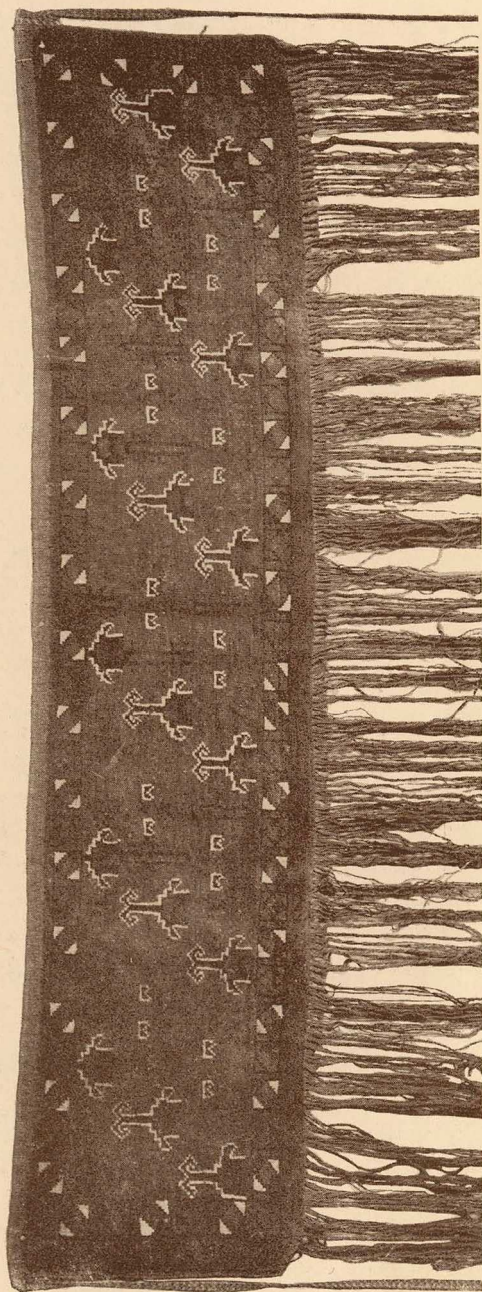
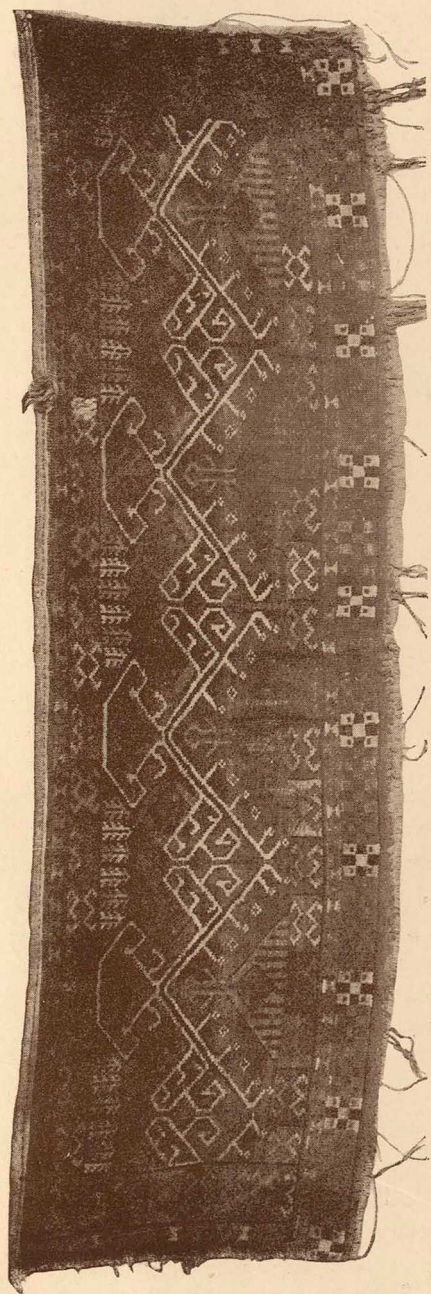
Шога какъ среди туркменовъ и киргизовъ лишь кочевыя племена занимаются выдѣлкой ковровъ, у узбековъ этимъ занимаются какъ разъ осѣдлыя, или, правильнѣе, ковры работы осѣдлыхъ узбековъ болѣе заслуживаютъ вниманія, ввиду ихъ болѣе высокаго достоинства. Этимъ и объясняется, почему эти ковры въ Шуркестанѣ и даже на Кавказѣ называются не узбекскими, а обыкновенно по мѣсту ихъ изготовленія, именно «Баширъ» и «Керки». Однако, тѣ же ковры иногда называются и по имени узбекскаго племени, занимающагося ихъ выдѣлкой, напри-мѣръ «Кизылъ-Аякъ» (С. М. Дудинъ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что одно узбекское племя само называется «Баширъ» и что именами «Кизылъ-Аякъ» и «Баширъ» обозначаются также и туркменскія племена (напри-мѣръ, у Боголюбова). Изъ всего сказаннаго видно, что вопросы эти должны считаться еще не выясненными.

Стилизованныя рыбы — буддійскіе священные знаки.

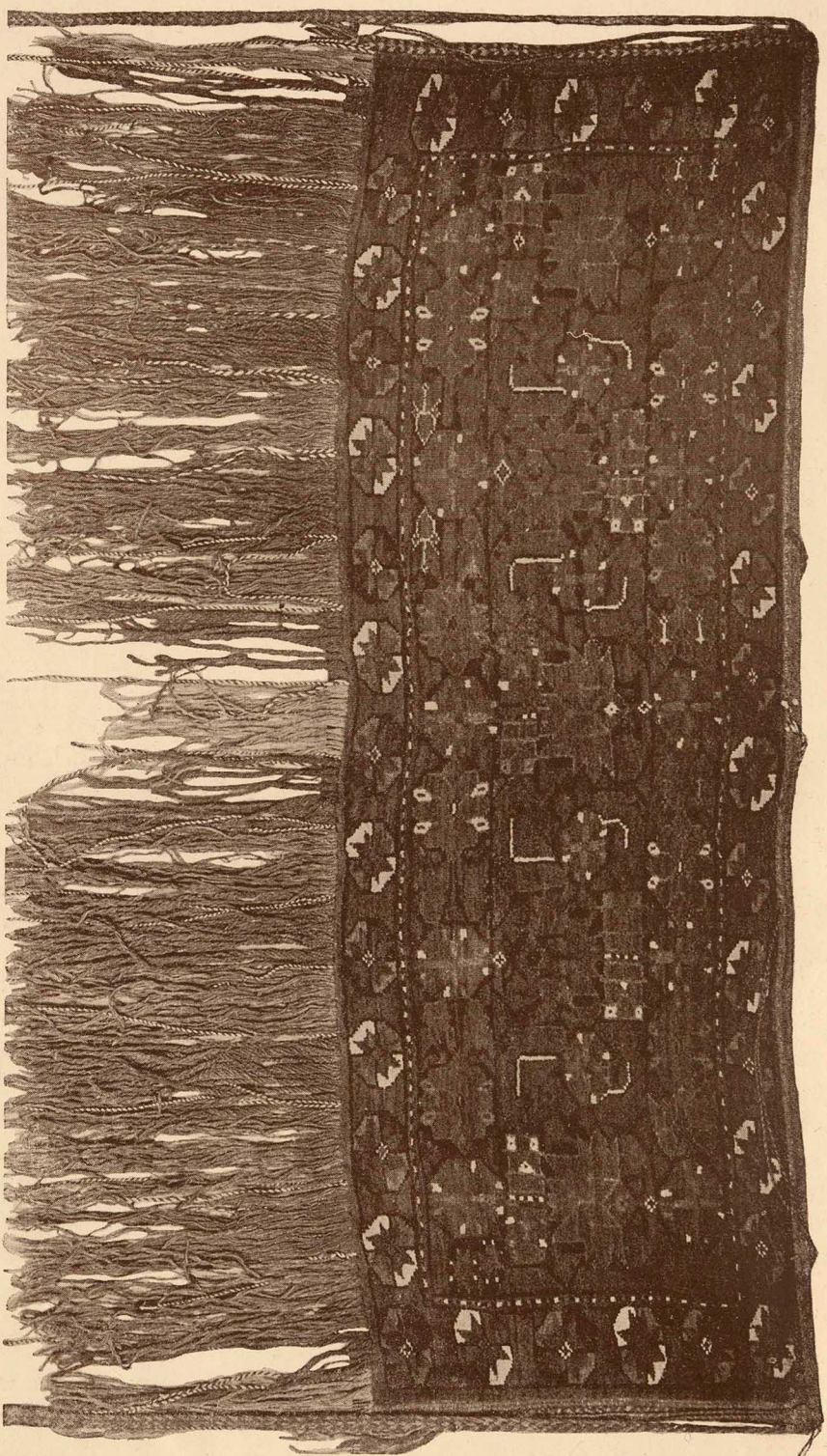
Poissons stylisés — symboles sacrés bouddhiques.

Обращаясь, засимъ, къ отдѣльнымъ племенамъ узбековъ, отмѣтимъ, во первыхъ, что племена Кизылъ-Аякъ и Баширъ кочуютъ въ Шуркестанѣ главнымъ образомъ около бухарскихъ городовъ Керки и Баширъ, а также въ сосѣднихъ русскихъ округахъ. Ковры этихъ двухъ племенъ лишь немногимъ различаются между собой; тѣ и другіе составляютъ группу ковровъ, называемыхъ на западѣ «бухарскими». Бухарскіе и самаркандскіе торговцы тѣ ковры этой группы, у которыхъ орнаментъ болѣе простой геометрическій, отчасти напоминающій текинскій (напри-мѣръ, гдѣ встрѣчаются восьмиугольники, при этомъ выдержанные въ немногихъ тонахъ съ преобладаніемъ краснаго), называютъ кизылъ-аякскими. Ковры же съ болѣе сложнымъ узоромъ изъ цвѣтовъ и проч., съ болѣе богатой расцвѣткой они называютъ баширскими. Вопросъ этотъ пока еще не былъ предметомъ подробнаго изслѣдованія, но въ утѣшеніе можно сказать, что, повидимому, вовсе не существуетъ старинныхъ ковровъ обоихъ этихъ типовъ, и что вообще ковровое производство въ качествѣ важнаго промысла возникло среди этихъ племенъ, а также въ Керкахъ и Баширахъ, всего лѣтъ 40 тому назадъ, ввиду чего ковры эти менѣе другихъ среднеазиатскихъ могутъ рассчитывать на вниманіе любителей и изслѣдователей. Старинныя же ковровыя издѣлія узбековъ, надо думать, не сохранились потому, что были грубы, нехудожественны и уже въ свое время не представляли особой цѣнности. Вообще старинные ковры приписываемые узбекамъ, въ высшей степени

Тapis („itchouval“ et „mafratch“) ouzbek de Kizil-Aïak.
(Musée Russe Alexandre III).

Узбекские Кизиль-Айские чуваль и мафратч.
(Русский Музей Александра III).

Узбекский гаширечий мафрахъ конца XVIII в.
(Русский Музей Александра III).

Tapis (mafratch) ouzbek-bachir. Fin du XVIIIe s.
(Musée Russe Alexandre III).

рѣдки. Мы прилагаемъ снимокъ молитвеннаго ковра, своеобразность котораго сразу бросается въ глаза.

По поводу названныхъ сейчасъ мѣстностей пояснимъ, что Керки—небольшой бухарскій посёлокъ, или городокъ, расположенный на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи; надъ городомъ возвышается крѣпость и замокъ—резиденція бека; у бухарцевъ Керки считаются важнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, а нынѣ черезъ него направляется значительное количество товаровъ изъ афганскаго Шуркестана въ Бухару и бухарскихъ и русскихъ товаровъ въ Афганистанъ. Баширы—громадное селеніе на правомъ берегу Аму-Дарьи между Керками и Бурдалыкомъ и также лежитъ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Въ Баширахъ насчитывается свыше 4.000 домовъ, а около половины населенія занято выдѣлкой ковровъ и полушелковой матеріи, такъ называемой «алачи».

По даннымъ, которыя въ 1902 г. К. Лауренти собралъ для насъ на мѣстахъ, въ Керкахъ и въ Баширахъ ковры ткются тоже только женщинами, но окраска и подготовка станковъ лежатъ на обязанности мужчинъ. Шерсть, по крайней мѣрѣ частью, привозится изъ Афганистана, чѣмъ и объясняется, что эти ковры болѣе тонки и блестящи, чѣмъ прочіе узбекскіе. Кромѣ стриженныхъ ковровъ, здѣсь выдѣлывается также много паласовъ. Какъ всюду въ Средней Азіи, тутъ въ употребленіи горизонтальные ткацкіе станки, лежащіе прямо на землѣ. Въ сущности, ихъ даже нельзя назвать ткацкими станками, до того примитивно это устройство: пряжа просто натягивается на колышкахъ, вбитыхъ въ землю съ равномерными, большими или меньшими, промежутками. На такомъ приспособленіи производится выдѣлка даже большихъ ковровъ, аршинъ въ 5, 6 и до 10 длиной и около 4 аршинъ шириною. Выдѣлка большого ковра идетъ гораздо скорѣе, чѣмъ это можно было бы предположить, требуя всего 15—20 дней; надъ небольшимъ ковромъ работаютъ отъ 3 до 5 женщинъ, надъ большимъ—10, 15, 20 и болѣе. Козья и верблюжья шерсть здѣсь никогда не примѣняются, а крашеніе шерсти производится на мѣстѣ. Раньше, пока сюда не проникали ализариновые и анилиновые краски, примѣнялись исключительно растительныя краски изъ Индіи. Основной тонъ кизылъ-аякскихъ ковровъ всегда темно-малиновый, а такъ какъ для основы берется лучшая бѣлая шерсть, то бахрома на концахъ ковра бѣлая; сѣрая же или черная кайма служитъ признакомъ худшаго качества ковра.

Кипчаки. Узбеки-кипчаки кочуютъ въ долину Зарявшана; ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ кара-киргизскимъ племенемъ, живущимъ въ Ферганской области, главнымъ образомъ въ Андижанскомъ уѣздѣ. Объ ихъ ковровомъ производствѣ подробныхъ свѣдѣній не имѣется, но можно сказать съ увѣренностью, что работы ихъ не отличаются высокими достоинствами.

Племя Кунгратъ особенно отличается выдѣлкой роскошныхъ паласовъ съ узоромъ изъ растительныхъ мотивовъ, тогда какъ стриженные ковры ихъ не поднимаются выше уровня рядовыхъ издѣлій прочихъ кочевыхъ узбековъ.

Кара-капкаки,—численность которыхъ въ свое время придавала имъ важную роль въ Шуркестанѣ, а нынѣ доходитъ лишь до

60.000 душъ, — кочуютъ въ дельтѣ Аму-Дарьи, небольшими группами держатся близъ Самарканда и на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, на сѣверо-востокъ отъ Коканда. Несмотря на общность расовыхъ признаковъ съ прочими узбекскими племенами, кара-калпаки отличаются по этнологическому составу крови, почему ихъ иногда считаютъ особой народностью. Ковры ихъ всегда хуже качествомъ и грубѣе прочихъ узбекскихъ ковровъ, ворсѣ очень длинный и неровный, узоръ неизящный и невыработанный, такъ что въ общемъ издѣлія ихъ производятъ впечатлѣніе какой то дикости. Однако когда то это было иначе и между старинными коврами попадаются прекрасные по качеству экземпляры.

Племя Льякай кочуетъ въ горахъ около Сары-Чашмы въ восточной Бухарѣ. До сихъ поръ мы не имѣемъ свѣдѣній объ его коврахъ издѣліяхъ; и лишь столько же можно сказать и о прочихъ узбекскихъ племенахъ.

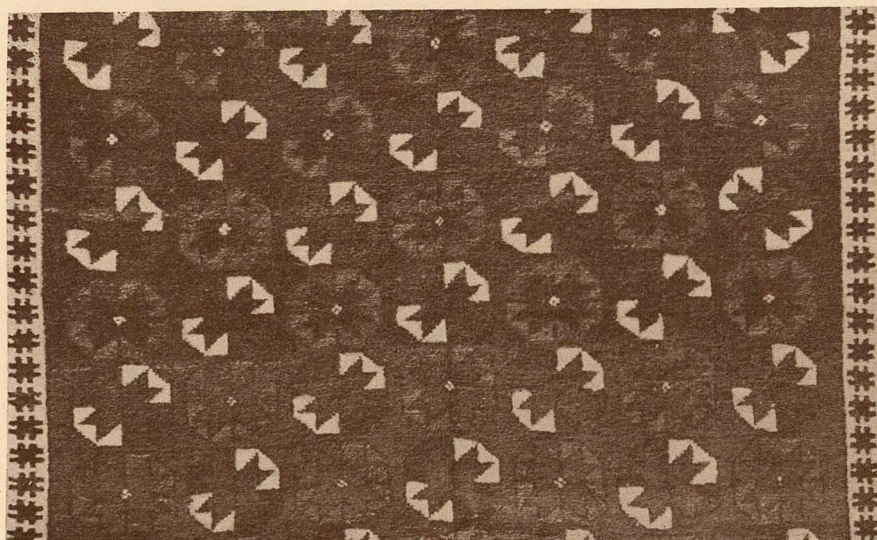
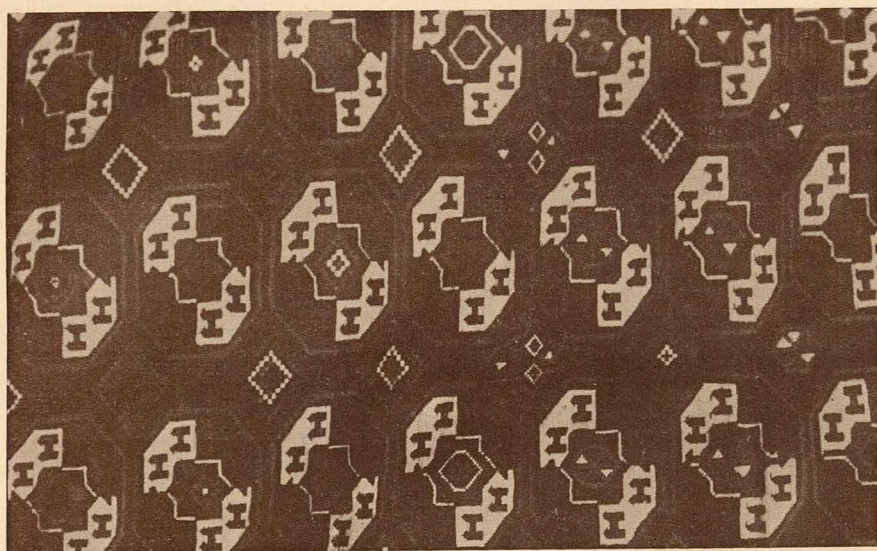

Стилизованные топоръ, зеркало и летучая мышь.
La hâche, le miroir et le chauve-souris stylisés — signes chinois.

VIII. Афганскіе и белуджистанскіе ковры.

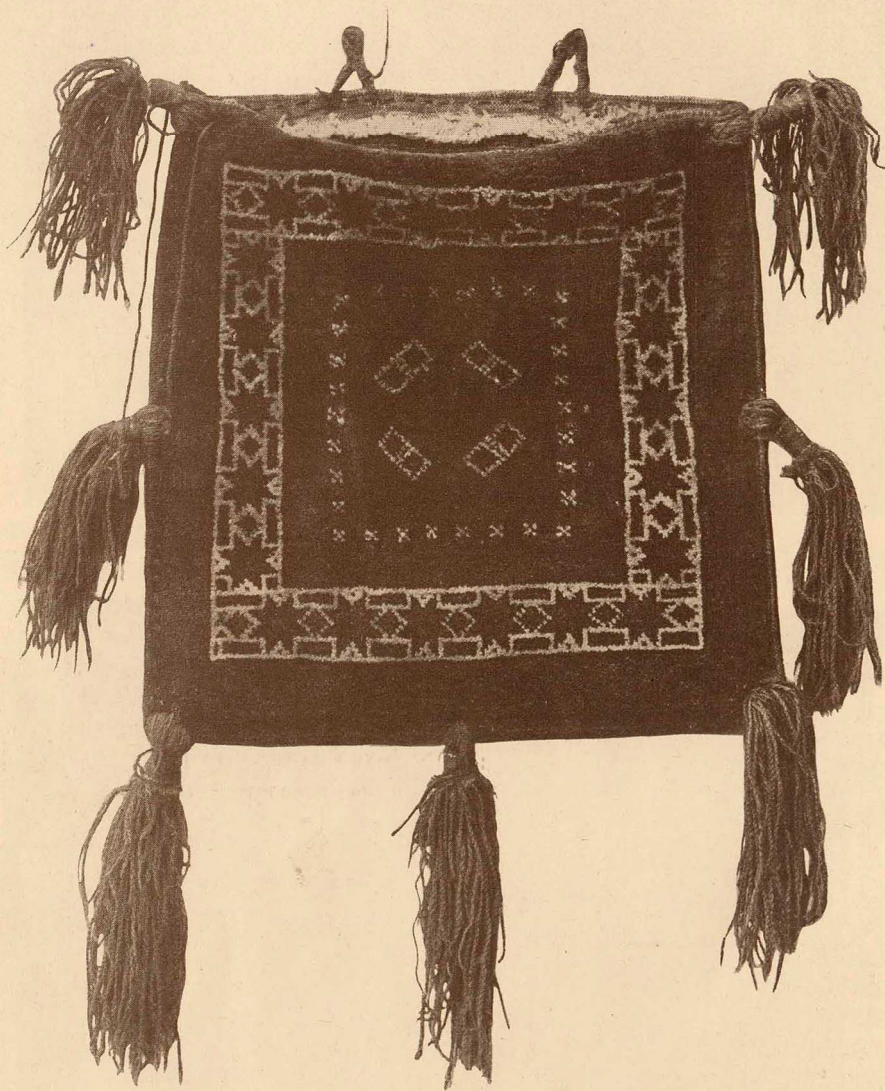
Объ афганскихъ и белуджистанскихъ коврахъ — туркмены называютъ ихъ «блуджъ» — мы, къ сожалѣнію, должны ограничиться лишь немногими словами. Въ значительномъ числѣ они вывозятся на Западъ черезъ Бухару и Шифлисъ и легко отличаются отъ разобранныхъ уже туркменскихъ и узбекскихъ издѣлій и ковровъ хотанскихъ и ферганскихъ киргизовъ. Во первыхъ, они всегда отличаются совсѣмъ темнымъ общимъ тономъ; чернобурые и краснобурые тона преобладаютъ, особенно въ фонѣ, а въ узорѣ мы находимъ темносиній и красный; однако, въ каждомъ коврѣ обязательно немножко бѣлаго, то какъ элементъ узора, а то и совсѣмъ независимо отъ него. До сихъ поръ не выяснено, чѣмъ вызванъ этотъ обычай въ производствѣ; по мнѣнію однихъ — это плодъ суевѣрія, такъ какъ бѣлое пятнышко будто бы должно отгонять злыхъ духовъ, по другимъ — эти бѣлыя звѣздочки и крестики являются просто отличительными значками, третью, наконецъ, видятъ въ нихъ племенные или родовые значки.

Всѣ афганскіе ковры отличаются длиннымъ ворсомъ и, собственно говоря, довольно грубы, толсты и тяжелы, но всѣ обладаютъ прелестнымъ шелковистымъ блескомъ, который отъ времени лишь выигрываетъ. Можно ихъ раздѣлить на двѣ группы, — ковры изъ афганскаго Шуркестана и ковры изъ горнаго Афганистана. Ковры, носящіе названіе белуджистанскихъ, представляютъ собой, повидимому, тоже афганскія издѣлія, такъ какъ С. М. Дудинъ, разспрашивавшій афганцевъ по этому предмету, сообщаетъ, что такъ называемые «блуджъ» — гератскіе ковры и что сами белуджи въ Белуджистанѣ совсѣмъ не выдѣлываютъ ковровъ.

Части узбекских Кизиль-Аякских
ковровъ.

Détails de tapis ouzbek de
Kizil-Ayak.

Афганскій капъ.

Tapis (kap) afghan.

Въ дополненіе первой части нашего труда, мы долгомъ считаемъ еще привести точныя опредѣленія нѣкоторыхъ названій ковровъ, установленныхъ въ послѣднее время С. М. Дудинымъ — лучшимъ теперешнимъ знатокомъ коврового дѣла въ Средней Азіи. Дѣло идетъ о названіяхъ: чуваль, капъ, мафрачъ и хоржумъ, употребляемыхъ до сихъ поръ часто синонимами. По его опредѣленію, разницы между ними слѣдующія:

1) «Чуваль» — удлиненный мѣшокъ съ отверстіемъ, расположеннымъ на одной изъ длинныхъ сторонъ. Передняя часть состоитъ изъ ковра безъ бахромы, задняя часть изъ гладкой простой ткани.

2) «Капъ» — такой же коверъ, но болѣе квадратной формы и меньшихъ размѣровъ.

3) «Мафрачъ» — тотъ же чуваль, но значительно болѣе узкой формы и имѣющій внизу густую длинную бахрому.

4) «Хоржумъ», «хурджимъ» или «хорджумъ» — названіе парныхъ мѣшковъ (переметныхъ сумъ), обыкновенно квадратной формы, и почти всегда безъ бахромы.

Настоящій трудъ является, по нашему мнѣнію, лишь скромнымъ вкладомъ въ научную разработку вопроса о средне-азиатскихъ коврахъ. У насъ получилось впечатлѣніе, будто мы лишь со слабомерцающимъ огаркомъ въ рукахъ побродили нѣсколько часовъ ночью по темнымъ заламъ обширнаго этнографическаго музея; столько вопросовъ осталось безъ отвѣта, такъ много осталось неизвѣстнымъ и неразобраннымъ! Будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени найдетъ изслѣдователь, которому удастся составить полный инвентарный списокъ того, что можно еще спасти для науки. Однако, время не терпитъ! скоро уже всенивелирующая европейская цивилизація смететъ и уничтожитъ и въ Средней Азіи послѣдніе слѣды самобытности. Для науки же не существуетъ слишкомъ малаго и незначительнаго — наука стремится все изслѣдовать и все познать; какимъ бы мелкимъ ни казался фактъ, все же онъ является нѣкоторымъ камешкомъ для постройки всего зданія, или небольшимъ красочнымъ пятнышкомъ въ картинѣ культуры человѣчества, этой пестрой мозаикѣ прошлаго, надъ восстановленіемъ которой неустанно трудится наука, а безъ этого восстановленія, невозможно и не мыслимо плодотворное будущее.

Баронъ А. Фелькерзамъ.

ЛИПЕРАПУРА:

Klaproth und Jobert: «Die Geographie der westlichen Länder — Si-yu-wen-kian-lou», Peking, 1777 (пер. съ китайскаго).

C. M. Fraehn: «De origine vocabuli Rossici Dengha», Kasan, 1815.

«Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d'Azz-eddin Elmo-caddessi publiées en arabe avec une traduction et des notes par M. Parcin», Paris, 1821.

«Путешествіе Амвросія Контарини» — «Библиотека иностранных писателей о Россіи», т. I, 1836.

J. Frhr. v. Hammer-Purgstall: «Geschichte der Goldenen Horde in Kipschak», Pesth, 1840.

Я. В. Ханыковъ: «Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды въ 1841 г.» — «Записки Имп. Русск. Геогр. О-ва», кн. I и II, 1849.

М. И. Иванинъ: «Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ въ 1846 г.» — «Записки Имп. Русск. Геогр. О-ва», кн. I и II, 1849.

Бар. К. Боде: «О Шуркменскихъ поколѣніяхъ Ямудовъ и Гоклановъ, 1842». — «Записки Имп. Русск. Геогр. О-ва», кн. I и II, 1849.

В. В. Вельяминовъ-Зерновъ: «Исслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ». — «Труды Восточнаго отдѣленія Имп. Археол. О-ва», 1866.

М. Н. Галкинъ: «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю», Спб., 1868.

«Шуркмены іомудскаго племени». — «Военный Сборникъ», № 1, Спб., 1872.

Арминъ Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», Москва, 1874.

J. Lessing: «Alt-Orientalische Teppichmuster nach Bildern und Originalen des XV—XVI Jahrh.», Berlin, 1877.

V. J. Robinson: «Eastern carpets», London, 1880 — 1893.

Рю Гонзалесъ де Клавихо: «Дневникъ путешествія ко двору Шимура въ Самаркандъ въ 1403 — 1406 гг.» — «Сборникъ Отдѣл. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», т. XXVIII, Спб., 1881.

П. Огородниковъ: «Страна Солнца», Спб., 1881.

Jos. Karabasek: «Die persische Nadelmalerei Susandichird», Leipzig, 1881.

Н. Е. Симановъ: «Искусство Средней Азіи», Спб., 1883.

Sir N. Rowlinson: «M. Lessar's second journey in the Turkoman country». — «Proc. of the R. G. S.», January, 1883.

П. М. Лессаръ: «Юго-западная Шуркменія. Земли Сарыковъ и Салоровъ 1884». — «Извѣстія Русск. Геогр. О-ва», т. XXI, 1885.

А. Астафьевъ: «Пекинскіе орнаменты въ ихъ примѣненіи на коврахъ и вышивкахъ, собранные во время Ахалъ-Пекинской экспедиціи», вып. I (и послѣдній), Спб., 1885, fol°, 12 табл. въ краскахъ.

Г. Н. Потанинъ: «Путешествіе въ южную Монголію». — «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. О-ва», т. XXI, 1885.

«Revue des arts décoratifs», Paris, 1888 — 89.

«Кавказскіе календари», 1889 и слѣд. гг. Изд. Кавказскаго Статистическаго Комитета, Шифлисъ.

Friedrich Hirth: «Chinesische Studien», München, 1890.

W. Fröhlich: «Orientalische Teppiche», Berlin, 1890.

A. Riegl: «Altorientalische Teppiche», Leipzig, 1891.

J. Lessing: «Orientalische Teppiche», Berlin, 1891.

J. Lessing: «Gold und Silber», Berlin, 1892.

«Обзоръ Закаспійской Области», Асхабадъ, 1892.

W. Bode: «Studien zur Geschichte der westasiatischen Knüpftteppiche». — «Jahrbuch der Preuss. Kunstsammlungen». XIII. 1892. S. S. 26 — 49, 108 — 137.

H. Nützel: «Embleme und Wappen auf muhamedanischen Münzen». — «Festschrift zur Feier des 50-jähr. Bestehens der Numismatischen Gesellschaft zu Berlin», 1893.

Д. И. Эварницкій: «Путеводитель по Средней Азии», Пашкентъ, 1893.

«Orientalische Teppiche», Wien, 1892 — 1894. Herausgegeben vom K. K. Handelsmuseum in Wien, и текстъ къ нему: «Teppich-Erzeugung im Orient», Wien, 1895.

G. Birdwood: «Alter und Ursprung der Manufactur orientalischer Prachtteppiche». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 1 — 77. Wien, 1895.

W. Bode: «Altorientalische Thiertteppiche». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 78 — 117. Wien, 1895.

Sidney, J. A. Churchill: «Die persische Teppichindustrie der Gegenwart». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 125 — 146. Wien, 1895.

Al. Riegl: «Ein orientalischer Teppich vom Jahre 1202 n. Chr. und die ältesten orientalischen Teppiche», Berlin, 1895.

V. J. Robinson: «Indische Teppiche». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 147 — 167. Wien, 1895.

J. M. Stoeckel: «Moderne Smirna-Teppiche». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 168 — 188. Wien, 1895.

C. Pardon Clarke: «Ueber orientalische Teppiche». — «Teppich-Erzeugung im Orient», стр. 189 — 204. Wien, 1895.

Friedrich Hirth: «Ueber fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst», München, 1896.

«Tapeti orientali e loro imitazioni italiane». — «L'Arte Italiana», VII, 1898.

H. E. Landor: «Auf verbotenen Wegen», Leipzig, 1898.

Н. Шавровъ: «Ковровое производство въ Малой Азии», Шифлисъ, 1902.

«Кавказъ. Кустарная промышленность на Кавказъ». Выпускъ I: Ковровый промыселъ въ Кубинскомъ уездъ, Бакинск. губ. Выпускъ II: Ковровый промыселъ курдовъ Эриванской губ., Шифлисъ, 1902 и 1903.

«Каталогъ Кустарной выставки въ С.-Петербургъ». 1902.

C. Норф: «Die Teppiche der Jumuden». — «Antiquitäten-Zeitung», X, 1902, № 20.

«Die Teppiche der Jomuden». — «Mittheil. des Vereins für dekorative Kunst». 1902.

Marco Polo: «The book of Sir Marco Polo transl. by Sir Henry Yule». London, 1903.

J. Strzygowski: «Seidenstoffe aus Aegypten im Kaiser Friedrich-Museum». — «Jahrbuch der Kgl. Preuss. Kunstsammlungen», XXIV, H. 2. Berlin, 1903.

«On Oriental Carpets». — «The Burlington Magazine», 1903, I — VII.

W. Bode: «Altpersische Knüpfteppiche». Berlin, 1904.

Н. Бурдуковъ: «Указатель къ коврамъ, выставленнымъ на Исторической выставкѣ въ Музеѣ училища бар. Штиглица». Спб., 1904.

Bergmann: «Streifzüge», ч. I и II.

E. Soldi: «Les Arts méconnus». Paris.

«Пруды Восточнаго отдѣленія Имп. Археол. Об-ва», ч. 23.

О. Иоакимфъ Бичуринъ. «Описание Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана». Спб. 1829.

Левшинъ. «Описание киргизъ-кайсацкихъ ордъ». Спб. 1832.

Я. В. Ханыковъ. «Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды въ 1841 году». Записки Русскаго Географическаго общества; 1849 г., кн. 1 и 2.

Иоакимфъ Бичуринъ. «Сказаніе о народахъ Средней Азіи». Спб. 1851.

В. В. Вельяминовъ — Зерновъ. «Исслѣдованіе о Касимовскихъ даяхъ». — «Пруды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго общества», часть XI. 1866.

Риттеръ. «Землевѣдѣніе». Азія. Спб. 1869.

Abel Remusat. «Die Geschichte der südlichen Höfe».

Klaproth u. Jobert. «Die Geographie der westlichen Länder» aus dem Chinesischen.

A. Vambergy. «Das Türkenvolk». Leipzig. 1865.

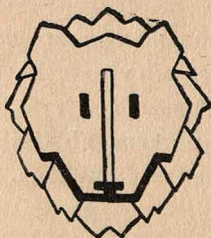
Харузинъ. «Библиографическій указатель сочиненій и статей, касающихся этнографіи киргизъ и каракиргизъ, съ 1734 г. по 1891 г. (1891, изъ IX кн. «Этнографическія Обзорѣнія»).

Н. Аристовъ. «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей». — «Живая Старина», выпуски III и IV, 1896.

Friedrich Fischbach. «Futhoarkh. Ursprung der Buchstaben Gutenbergs; 16 Tafeln mit Ornamenten des Feuercultus». Mainz. 1900.

Д. Н. Соколовъ. «О башкирскихъ тамгахъ». — «Пруды Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи». Оренбургъ. 1904. Помъ XIII.

Rudolf Neugebauer und Julius Onendi. «Handbuch der orientalischen Teppichkunde». Leipzig. 1909.

Стилизованная львиная голова.
Tête de lion stylisée.